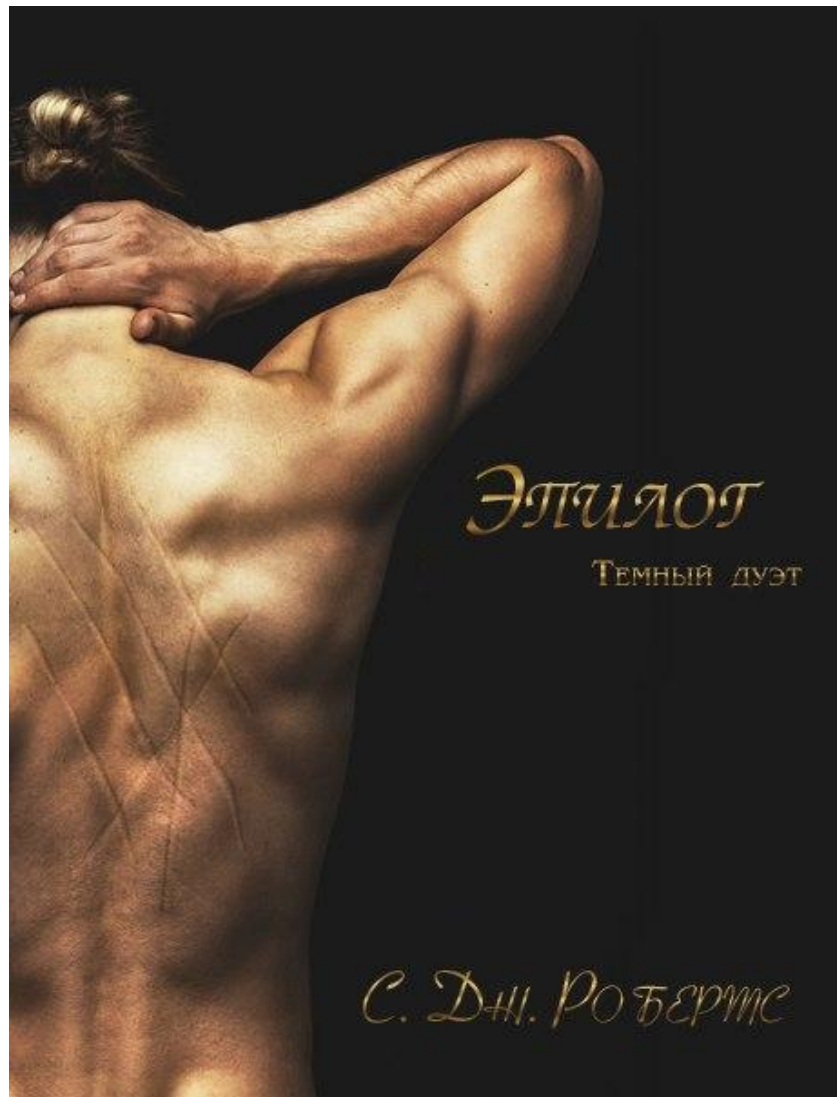

С. Дж. Робертс

“Эпилог” (книга 3)

Серия "Темный дуэт"

Автор: С.Дж.Робертс

Оригинальное название: Epilogue

Название на русском: Эпилог

Серия: Темный дуэт

Перевод: Chechenova

Редакторы:

helenaposad

Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

"Мое сердце желало только одного. С жадностью, разрывая меня на части, оно просило о Ливви. Оно хотело моих надежд, моих снов. Оно хотело моих воспоминаний о ее личике. Оно хотело нашего общего смеха. - Моя, - твердило сердце. Только Ливви могла сделать меня целостным, и как только я это осознал, я не мог перестать ее искать". – Калеб

Глава 1

Посвящается Кошечкам Калеба и их Коту.

Я пишу эту книгу, потому что вы умоляли. Вы же знаете, как я люблю, когда меня умоляют. Наверное, вы знаете слишком многое, и знаете это слишком хорошо.

Много воды утекло со времен Плененной во тьме; сегодня пятница, 8 февраля 2013 года. В мае будет четыре года с тех пор, как я сидел в машине с затонированными стеклами, планируя похищение Ливви. Сейчас мне двадцать девять и я, наконец-то, знаю это наверняка, о чем порой жалею, ведь в августе мне придется столкнуться со своим тридцатилетием. Ливви на восемь лет младше меня, чего не скажешь по тому, как она иногда со мной разговаривает (думаю, ей просто нравится порка). Теперь мы с ней значительно отличаемся от тех людей, о которых вы читали. И раз уж вы так слезно умоляли, я постараюсь рассказать вам историю, что вы хотите услышать. Но прежде чем продолжить, несколько слов об именах.

В книгах Ливви они занимали важную роль, поэтому о них стоит упомянуть отдельно. Шекспир вопрошал, 'Что в имени тебе моем?' И я вам отвечу - да хренова туча всего.

Ливви теперь зовут Софией. Она сменила имя, вступив в программу по защите свидетелей Соединенных Штатов в обмен на показания против своего похитителя и насильника (то есть, меня). Однако, вам она знакома как Ливви, поэтому для вашего удобства, я продолжу называть ее именно так, но, само собой, из этого исходит вполне резонный вопрос: А кто же я?

Калеб? Или Джеймс?

Я часто задавался тем же самым вопросом, и, наверное, наиболее честным на него ответом является, - Я и первое, и второе. Калеб всегда будет частью меня, большей частью. Но я хочу быть Джеймсом.

Джеймс - двадцатидевятилетний парень из штата Орегон. Его вырастила мать-одиночка, и ему всегда было интересно узнать о своем отце. Ему с детства привили уважение к женскому полу, но по причине отсутствия второго родителя, в нем кроме

всего прочего, присутствует потребность в демонстрации своей мужественности. Джеймс учился в университете, но после окончания старших классов много путешествовал по миру. Он познакомился с Софией на *Пасео-де-Колон* и сразу же в нее влюбился. Джеймс никогда не встречал никого по имени Ливви. И никогда не причинял ей вреда. Но мы-то знаем, что все было иначе. Мы знаем правду. Поэтому, для моей истории, о которой вы умоляли меня рассказать, я - Калев.

Я - человек, похитивший Ливви. Я - мужчина, неделями удерживавший ее в темной комнате. Я - монстр, привязывавший ее к столбу кровати, и хлеставший ее ремнем. Я - торговец, чуть не продавший ее в сексуальное рабство. Но что самое главное, я - мужчина, которого она любит. Она любит меня. И это довольно безумно, не так ли?

Конечно, наша история гораздо больше того, что можно вместить в несколько коротких предложений, и у меня не получится оправдать свои прошлые поступки. Полагаю, что если вы читаете эту книгу, то вам и не нужны никакие оправдания. Вы их уже сами себе придумали. Вы читаете это потому, что хотите узнать остальную часть истории. Вы хотите знать, что произошло в тот теплый, сентябрьский вечер 2010 года, когда мы с Ливви встретились на *Пасео*.

В тот вечер моя жизнь в очередной раз круто изменилась. И это случилось не совсем так, как об этом писала Ливви. Она была очень добра ко мне, пересказывая нашу историю. Правда намного... сложнее. Ливви убедила вас в том, что мы поцеловались, и этим все было сказано. Хотелось бы, чтобы все было так просто.

Эпизод с поцелуем - совершенная правда. Она меня поцеловала.

Прошел год, с тех пор, как мы друг к другу прикасались. Целый год с тех пор, как я смотрел на то, как она уходит. И бесконечный год с тех пор, как она убила ради меня, за что я отплатил ей, высадив ее, измазанную в крови, у мексиканской границы.

Она поцеловала меня, и моя голова пошла кругом. Скажу вам откровенно, что в этот момент я был, наверное, счастливее, чем когда-либо в жизни. Но затем она... меня ударила. Сильно. Кажется, даже послышался треск. Я помню, как, взявшись за лицо, подумал, - "Ну все, теперь я отправлюсь за решетку".

- Как ты мог? - спросила Ливви.

Я услышал боль в ее голосе, и это вывернуло меня наизнанку.

Я верил, что она смогла пойти дальше. Зажила своей жизнью, а я появился на ее горизонте в последний раз, чтобы все испортить. Это была минута, которая никак не заканчивалась. И за этот промежуток времени, проиграв в своей памяти наше с Ливви совместное пребывание, я начал ругать себя даже за мысль о ее прощении за все то, что я ей сделал.

- Я не стану убегать, Ливви. Я позволю им схватить себя, и ты больше никогда меня не увидишь.

Я не мог смотреть ей в глаза. Я так долго мечтал о ней, представляя себе ее улыбающееся личико. Я бы не смог вынести ее отвращения по отношению ко мне. Мне не хотелось оставлять в своей памяти именно эту ее эмоцию.

Медленно прошла самая длинная минута в моей жизни. Я не слышал никаких сирен; не было никаких копов, швыряющих меня на землю, и надевающих на меня наручники. Это было странно.

- Никогда тебя не увижу? Как ты можешь быть таким глупым? Ты не смеешь вот так просто войти в мою жизнь, чтобы снова меня оставить. Я тебе этого не позволю, Калеб. Не в этот раз.

И можете себе представить... она снова меня ударила.

- Какого черта с тобой происходит? Прекрати меня лупить!

Изображение Ливви стало расплывчатым. Она так сильно приложилась, что у меня заслезились глаза (я не плакал - просто заслезились глаза. Думаю, мы все знаем, что я крутой чувак, и я не плачу). После того, как мое зрение вернулось, я увидел в глазах Ливви злость, боль... а также ее тоску. Она тосковала по мне. Я знал это, потому что видел на ее лице отражение своих собственных эмоций.

- Как ты мог меня оставить, Калеб? Я думала... думала, что ты погиб, - плакала она.

Обернув свои ручки вокруг моей талии, она крепко ко мне прижалась. Мне было так хорошо снова оказаться в ее объятиях, что я не мог думать ни о чем другом, кроме как об ощущении ее тела рядом с моим.

- Мне жаль, Ливви. Мне так жаль, - прошептал я в ее волосы.

Я не мог поверить, что был снова с ней. Это невозможно описать словами. Достаточно сказать, что умри я в ту самую секунду, я был бы счастлив.

Так мы простояли очень долго. Она прижималась ко мне. Я прижимался к ней. Своим молчанием мы говорили все то, что не могли выразить словами.

Думаю, она подразумевала именно это, написав, 'и этим все было сказано'. Я чувствовал все то, что мог чувствовать только с Ливви: пустоту, и одновременно с этим, чрезмерную наполненность.

- Я скучал по тебе, Ливви. Скучал так, что ты себе даже не представляешь.

Не знаю, как долго мы стояли, обнимаясь в море проходящих мимо нас туристов. Мы были просто еще одной парой, наслаждающейся теплым вечером в компании друг друга. И никто не знал, кто мы такие, и через что нам пришлось пройти, чтобы

добраться до этого момента. Однако, я понимал, что даже такие приятные в своей продолжительности обстоятельства, не могли длиться вечно. Мне многое нужно было сказать Ливви. И я боялся того, что она могла сказать мне в ответ.

Чувствуя, как она дрожит в моих руках, и как возле моей груди подрагивают ее плечи, я понял, что она плакала. Но я не пытался ее успокоить. Она была более, чем вправе лить слезы. Однако я, к сожалению, не мог выразить свои эмоции подобным образом. В своей жизни я испытал столько, что выплакал весь запас отведенных мне слез. Поэтому единственное, что я мог ей предложить - это силу. Я мог быть сильным ради нее.

Обнимая Ливви и покачиваясь из стороны в сторону, я прятал ее от множества окружающих нас взглядов. Женщины недовольно таращились на меня, проходя мимо. 'Что ты наделал?' упрекали их глаза. Мужчины же посылали мне либо жалеющие взгляды, либо снисходительные ухмылки. 'Хреново быть тобой.' Я игнорировал и тех, и других. Они не стоили моего внимания.

- Мы можем уйти отсюда? - спросил я, и почувствовал, как Ливви слегка кивнула у моей груди.

Я медленно отстранился, не уверенный в своей готовности к тому, что могло произойти в следующее мгновение. И внезапно, все остальное просто потеряло значение, потому как Ливви посмотрела на меня, и... улыбнулась, несмотря на слезы в глазах. Я так долго ждал ее улыбки. Она стояла каждой ужасной секунды, проведенной вдали от нее.

- Я тоже скучала по тебе. Очень сильно, - прошептала она и утерла свои глаза.

- Прости, я не хотела плакать. Просто... просто так чертовски здорово тебя видеть!

После этого улыбнулся и я, и, взявшись за руки, мы пошли.

Жизнь вокруг меня казалась нереальной. И если бы не мое до сих пор покалывающее лицо, я бы подумал, что это был сон. Я хотел напомнить ей о пощечине, пошутить, чтобы снять образовавшееся под нашей радостью напряжение, но решил промолчать. Ливви была со мной и это все, что имело для меня значение.

- Ты на машине? - спросила она.

- Да, - как-то нерешительно ответил я, - что, наверное, весьма неплохо. Я подумал, что в любом случае, это будет или моя последняя возможность проехать по улицам Барселоны, или я с шиком отвезу тебя к себе, - закончил я фразу, и невесело усмехнулся.

Чем дальше мы шли к моей машине, тем более неловкой становилась ситуация.

Ливви замерла на месте, и я тут же остановился.

- Не думаю, что я готова к этому... Кaleb.

Она огляделась по сторонам, как бы убеждаясь, что мы были не одни, и высвободила свою руку из моей. Я пытался не принимать это близко к сердцу. Конечно, ей полагалось бояться куда-либо со мной ехать, но все же... это было больно.

Стараясь улыбнуться настолько искренне, насколько это было возможно, я сунул свои руки в карманы.

- Нам не обязательно ехать ко мне. Я отвезу тебя, куда захочешь. Просто... твою мать, я даже не знаю, что пытаюсь сказать.

Ливви послала мне слабую улыбку, которая не коснулась ее глаз. Она выглядела такой прекрасной и грустной - именно такой, какой я ее запомнил.

- Я не знаю, что со мной не так. Последние четыре часа я была сама не своя, умирая от желания оказаться здесь и увидеть тебя, а сейчас...

Обняв себя руками, и подняв одну из них, Ливви стала оттягивать свою нижнюю губу. Это был один из ее бессознательных жестов, которые я так хорошо помнил. И этот жест говорил о том, что вне зависимости от того, как сильно за последний год она изменилась, в ней оставались привычки, которые никогда не искоренятся.

Со стороны Ливви было вполне нормальным задуматься над тем, каким же я стал. И, честно говоря, мне потребовалась каждая крупица своего самообладания, чтобы не схватить ее, и не скрыться подальше от всех. Я был так близок к тому, чтобы получить все, чего так хотел, но на мгновение мне показалось, что между Ливви и мной все закончится еще до того, как мы сядем в машину.

Я вдруг перестал себе доверять.

- Может... это было ошибкой? - резко спросил я.

Я хотел предоставить ей право выбора, но сомневался, что смогу вынести ее ответ.

Закрыв глаза, она обняла себя чуть крепче. Сведя брови - что я истолковал как печаль - она слегка замотала головой. Я воспринял это как хороший знак. Ведь ее знаки не были результатом выбора - они были инстинктом. И это взволновало меня - понимание, что на уровне инстинктов, она отрицала любую возможность того, что наша встреча была ошибкой.

- Я знаю, чего хочу, Ливви. Я хочу снова стать частью твоей жизни. Я понимаю, что мы не можем начать с чистого листа. И что у тебя имеются все причины желать моей смерти, но я...

Она накрыла мои губы своей ладонью.

- Не надо. К этому я тоже не готова, - сказала она.

Казалось, она почти сердилась на меня. Я никогда не смогу преувеличить глубину и красоту глаз Ливви. Я могу смотреть в них вечно, до тех пор, пока не забуду своего собственного имени (что, давайте скажем прямо, займет у меня не так уж много времени).

Вытащив свою левую руку из кармана, я положил ее поверх ладони Ливви. Поцеловав ее пальчики, я кивнул. Это был самый близкий к мольбе жест, который я мог осилить, не ведя себя при этом как подлизывающийся придурок. И дело было не в гордости - это была хитрость. Если бы у меня, хоть на секунду возникла мысль о том, что подлизываясь, я смогу затащить Ливви в свою машину, я сделал бы из этого незабываемое представление. Тут бы я повел себя абсолютно беззастенчиво. Неспешно, убрав руку от моих губ, Ливви переплела наши пальцы.

Покачив головой, она печально улыбнулась.

- Я и сейчас не знаю, что делаю, Кaleb. Я так долго этого ждала. Я даже вычеркнула некоторые аспекты своей жизни в надежде, что когда-нибудь ты меня найдешь. И вот теперь ты здесь, и должна быть откровенной... меня это пугает.

Я шагнул к ней ближе, и возликовал, когда она не отступила назад. Ее ручка в моей руке ощущалась теплой, а ее красные губы так и просили о том, чтобы их снова поцеловали. Своим первым поцелуем она застала меня врасплох. И мне отчаянно хотелось, чтобы вторая попытка продлилась как можно дольше.

- Я знаю. И не ожидаю твоего доверия, но Ливви, я больше никогда не сделаю тебе больно. Просто дай мне шанс это доказать. Как я могу это сделать?

Не сдержавшись, я провел рукой по ее загорелому плечу. Она выглядела как богиня, олицетворяя собой секс на шелковистых ножках. Своим кошачьим язычком - именно так, как я это помнил - она провела по своей нижней губе, обдумывая ответ.

- Ты убиваешь меня этим, Ливви.

Она склонила голову набок.

- Убиваю тебя чем?

Воспользовавшись возможностью, я притянул ее чуть ближе. Вытащив вторую руку из кармана, я провел пальцем по изгибу ее пухлых губ. Мы оба сглотнули.

- Мне снова хочется поцеловать эти губы, но я боюсь тебя спугнуть.

Почувствовав ее напряжение, я сделал шаг назад.

- Поэтому, я не стану этого делать.

Это было едва ли не больше, чем я мог вынести. Импульсивный мужчина внутри меня, привыкший любой ценой получать все, что ему хочется, грозился вылезти наружу.

Видимо, вы где-то успокоились, поверив, что мои низменные потребности бесследно исчезли, но в тот момент, это было далеко от истины. Весь предшествующий нашему воссоединению год, я провел, исправляя свои ошибки, что временами требовало быть тем человеком, которым меня вырастил Рафик.

- Как ты меня нашел, Калеб?

Голос Ливви был тихим, ее страх меня взбесил, потому как я знал, что она имела на него право. Да, она была ко мне равнодушна, в противном случае, она бы не пришла, но, тем не менее, мне было ненавистно ее беспокойство.

- Что ты хочешь, чтобы я сказал? Ты знаешь, кто я такой. И знаешь, на что я способен.

Я отпустил руку Ливви до того, как она снова успела от меня отстраниться. Вечер стремительно становился паршивым. Мне было приятно, что она не стала заявлять на меня в полицию, но я совершенно точно не планировал сценария, включающего в себя похоть, смешанную с невероятной неловкостью.

- Эй, - прошептала она, - я не это имела в виду. Я счастлива тебя видеть, правда! Но если меня нашел ты... что дает тебе право думать, что этого не сможет сделать кто-нибудь другой?

Я почувствовал себя идиотом.

- Это было непросто. Если бы не наши разговоры и то, что я о тебе узнал, не думаю, что мне удалось бы тебя обнаружить. Ты в безопасности, Ливви. Никто за тобой не явится. Клянусь.

Я умолчал о том, что убил всех, кто мог хоть как-нибудь ее побеспокоить.

- То - это что? - спросила она.

Мне послышалось сомнение в ее голосе.

- Ты, действительно, хочешь это знать, Ливви? Потому что, сказав об этом, я не смогу взять свои слова обратно.

Посмотрев ей прямо в глаза, я был готов на многое, лишь бы добиться Ливви, но ей нужно было принять жестокую правду о том, что я не был человеком, играющим по правилам общественности, и никогда таковым не стану.

- Ты причинил кому-нибудь вред?

Ее глаза умоляли меня сказать 'нет'.

- Нет, - честно ответил я, и даже умудрился растянуться в игривой улыбке.

Она улыбнулась в ответ.

- Думаю, тогда мне не обязательно знать.

Взяв меня за руку, Ливви потянула нас в том направлении, в котором мы шли.

- Но это все еще не решает проблемы относительно того, что мы собираемся делать, добравшись до моей машины.

- А она у тебя с рычагом переключения передач?

- Конечно. А что? Ты, наконец-таки, научилась водить?

Я рассмеялся, вспомнив, как Ливви признавалась в том, что этого не умеет. И рассмеялся еще громче, когда она устремила на меня свой сердитый взгляд, и игриво ударила меня по плечу.

- Придурок.

- Да ладно, тебе нравится, когда я тебя дразню.

- Нет. Не нравится.

- Тогда почему ты улыбаешься? - прошептал я ей на ухо, пока мы продолжали идти.

Все в моем мире встало на свои места, когда я почувствовал, как Ливви толкнула меня своим плечом, и чуть крепче взяла меня за руку. Мое сердце, казалось, вздохнуло. Я нашел способ его успокоить.

- Я умею водить. Хотя не очень хорошо управляюсь с рычагом.

- Помнится, с моим ты обращалась совсем даже неплохо.

Она стрельнула в меня глазами, при этом расплываясь в улыбке. Если я и мог что-то делать хорошо, так это флиртовать.

- Я видела, как ты сам возился со своим рычагом, Кaleb. И делал это гораздо лучше меня.

Я уставился на нее шокированным взглядом, но Ливви - все еще краснея - не стала прерывать наш зрительный контакт. Пытаясь выдать из себя хоть какие-нибудь слова, я в итоге, оставил эти попытки, и, улыбнувшись, просто покачал головой. Она смущала меня в самом приятном смысле этого слова. И казалось, что только Ливви обладала такой способностью. Знаю, это звучит по-детски, но так оно и было.

Наконец, мы добрались до моей машины. Я бы соврал, если бы сказал вам, что мне не хотелось произвести на нее впечатление. И если когда-нибудь, стоя рядом с Ламборгини Галлардо Суперлеггера, вы не испытаете ощущения покалывания в каждой гребаной клеточке вашего тела, то вы либо слишком молоды, либо слишком стары, либо, мать вашу, беспросветно слепы.

- Красивая машина, - сказала она.

Я видел, как Ливви старалась казаться невозмутимой, но ей это плохо удавалось. Ведь я знал, как она выглядела, когда ее киска была влажной.

- Подожди, пока не окажешься внутри. Это моя любимая часть.

И да, мои дорогие читатели, я тот еще гад. Я не стал открывать ей дверь, но если учесть, что я привык к тому, что женщины открывали ее мне, давайте назовем это прогрессом.

Скользнув на мягкое кожаное сидение, я потянулся к ремню безопасности, чтобы пристегнуть Ливви. В замкнутом пространстве машины ее запах тут же затронул мое обоняние. Неспешно протягивая ремень через грудь Ливви, я чувствовал ее нетерпение, словно физическую ласку, но не думаю, что это имело хоть какое-нибудь отношение к страху. Я был всего в нескольких дюймах от ее красных губ. Они были слегка приоткрыты, еле слышно пропуская вдохи и выдохи. Заглянув ей в глаза, я сразу же заметил, что они были одновременно настороженными и пьяными от желания.

Ливви очень внимательно следила за каждым моим движением. Я стал наклоняться ближе к ней, и делал это медленно, предоставляя ей возможность сказать 'нет', или оттолкнуть меня. Осторожничая, одной рукой я уперся о ее дверь. Я не хотел обрушивать на нее вес своего тела. Пока не хотел.

Я потерся о носик Ливви, побуждая ее слегка приподнять голову. На своих губах я чувствовал ее дыхание, ставшее быстрее и тяжелее, чем прежде. И наконец, увидел, как она закрыла глаза и наклонилась вперед.

Проводя кончиком своего языка по ее нижней губе, я уговаривал Ливви открыться мне. Я не хотел торопить события. Вернее, хотел, но понимал, что делать этого не следует.

Я хотел прижать ее к двери, сорвать с нее трусики и погрузиться в нее, но подозревал, что она не будет от этого в таком же восторге, как и я. На тот момент, мне было достаточно чувствовать, как для меня раскрывались ее губки.

Я придвинулся еще ближе, проглотив своим ртом ее негромкий всхлип. Она хотела меня. Она хотела меня так же сильно, как и я ее.

Я долго целовал Ливви, не в силах насытиться ее стонами. Мне нравилось пугать ее, отклоняясь, и заставляя ее подаваться вперед, преследуя мои губы. Я был абсолютно уверен в том, что правильно воспользовавшись своими навыками, сумею затащить Ливви к себе в постель, где смогу насладиться каждым дюймом ее великолепного тела, ласкать ртом ее киску, и, обернув ее ножки вокруг себя, трахать, пока во мне не останется ни капли спермы.

Я услышал собственный стон, но мне было плевать. Я не занимался сексом несколько месяцев, а о том, что у меня было после Ливви, не стоило упоминать, или даже думать. Несмотря на мастурбацию перед нашей встречей, мои яйца до сих пор ощущались тяжелыми.

Воспользовавшись возможностью, я убрал свою руку от двери и провел ладонью по ее плечу, чтобы понять реакцию Ливви на мое прикосновение.

- Калевб, - вздохнула она.

Вцепившись в края своего сидения, Ливви слегка выпятила грудь, глубже и жестче проникая своим языком в мой рот.

Блять! Да! Хотел прокричать я.

Я потянулся к ее груди, и как только почувствовал под своей ладонью твердость ее соска, мой член дернулся. Я понял, что под платьем на ней не было бюстгалтера, а тонкая материя ее одежды позволяла мне чувствовать каждый изгиб ее тела.

Спешно, я отстегнул ремень безопасности, убирая его куда подальше, и оттянул ткань в сторону, открывая своему взору прекрасную грудь Ливви.

- Калевб!

На сей раз, это был не вздох. Она немного паниковала. Но я не позволил этому себя остановить. Я все еще слышал в ее голосе желание.

Положив руку на ее грудь, я сомкнул губы вокруг ее торчащего соска, с жадностью всасывая его в рот. Я громко простонал и схватился еще крепче, когда Ливви вскрикнула, а ее руки зарылись в мои волосы, притягивая меня ближе.

Где-то в уголках своего затуманенного похотью сознания, я понимал, что ситуация была не совсем идеальной. Несмотря на всю сексуальность Галлардо Суперлеггера, в ней было довольно неудобно и она, определенно, не была предназначена для задуманного мною трах-марафона.

Собрав весь свой отсутствующий самоконтроль, я оторвался от сладкого соска. Было трудно вновь не впиться в него, когда отклонившись, мне удалось хорошенько рассмотреть Ливви. Ее тело было отклонено в сторону, голова прижата к двери, а платье съехало набок, открывая одну грудь, сосок которой стал твердым и влажным от моего рта. Ее помада заслуживала награду, потому как, на удивление, осталась на положенном ей месте, а не размазалась по всему лицу.

- Позволь мне отвезти тебя домой, Ливви. Пожалуйста. Я больше ни одной гребаной секунды не могу быть так близко к тебе, и не быть внутри тебя.

Я раскрыл все свои карты, показав ей, какими были мои намерения.

Ливви неспешно пыталась отдышаться. Ее темные глаза смотрели на меня с похотью, но также с мириадами других, плещущихся в них эмоций.

- В чем дело? Я знаю, что ты хочешь этого так же, как и я.

Я старался убрать из своего голоса раздраженные нотки, но практически невозможно не звучать как засранец, когда член настолько твердый, что им можно забивать гвозди, а мозг тормозит с выполнением своих функций.

Ливви посмотрела на меня с опаской.

Грустно было признавать, но это было то самое выражение лица, которое я так хорошо выучил за проведенное вместе с ней время. Таким образом, она, наверное, показывала свой страх в отношении моего раздражения.

Затем она осторожно принялась поправлять платье, пряча в нее свою грудь. Ливви все никак не могла перестать ерзать, и с каждым ее движением, становилось все очевиднее, что она обдумывала свои последующие действия.

После того, когда ее изумительная грудь оказалась вне поля моего зрения, а ее эффектное платье было разглажено, придавая своей хозяйке более скромный вид, она, заговорила.

- Я хочу задать тебе несколько вопросов, Кaleb, и мне нужно, чтобы ты был со мной абсолютно честным. Ты можешь это сделать?

Ливви посмотрела на меня своими грустными карими глазами, ставя меня не в самое удобное положение, но я был полон решимости предпринять что угодно, чтобы снова сделать ее счастливой, и снова попробовать вкус ее счастливых слез.

- Спрашивай обо всем, что тебе хочется знать. Только если ты уверена, что справишься с ответами.

Я не мог настаивать на своем мнении. А она не могла просить меня о честности, и после возненавидеть за то, что я последовал ее же правилам. Ну, вообще-то, могла, но это было бы крайне дерьмово.

- Хорошо, - решительно сказала она, - ты поезжай, а я задам тебе интересующие меня вопросы.

Я скептически приподнял бровь.

- А не проще будет задать их сейчас, когда мне не нужно маневрировать в потоке машин? И куда именно ты хочешь, чтобы я тебя отвез?

Ливви смущенно улыбнулась, чем кольнула меня в самое сердце. Порой она могла быть такой дразнящей.

- Я хочу, чтобы ты отвлекся, Кaleb. Чтобы у тебя не было шанса на формирование твоей версии правды. Ты мастер полуправды. Просто поезжай, а я скажу, где остановиться. Но не покидай пределов города - никаких загородных дорог.

Потянувшись к ремню, она сама себя пристегнула. Я не знал, оскорбиться мне или впечатлиться, но решил, что мне по душе второй вариант.

- Не доверяешь мне? - спросил я, улыбнувшись.

Ливви всегда была большой поклонницей моей улыбки.

- В некотором роде, - мягко ответила она, - я доверяю тебе настолько, чтобы сесть в твою машину, но ты не можешь винить меня в осторожности.

Мое лицо и шея тут же вспыхнули. Я не был лишен чувства вины. И в полной мере испытывал это самое чувство в отношении всего того, что беспокоило Ливви... ведь она была права. Она была вправе осторожничать.

Прочистив горло, чтобы нарушить повисшее в воздухе напряжение, я как можно незаметнее поправил свою эрекцию, и, пристегнув ремень безопасности, завел машину.

- Ого!

Ливви вцепилась в ручку двери, когда взревев, двигатель заставил наши сидения вибрировать. Я улыбнулся при мысли о том, что ее киска получит немного встряски. Хотя моим яичкам также пришлось оценить силу двигателя.

Я выехал со стоянки, пытаясь сконцентрироваться на определении нашего маршрута, и направился подальше от заполненных туристами улиц. Где-то в глубине моего желудка стала разрастаться тревога, грозясь испортить мне ужин.

- Ладно, я весь твой. Задавай любые вопросы, которые ты для меня приготовила.

Боковым зрением я увидел, как уголки губ Ливви изогнулись в улыбке.

- Весь мой? - спросила она.

Я посмотрел в ее сторону.

- Ты серьезно? Это и есть твой первый вопрос? А это, оказывается, легче, чем я думал. Да, Ливви. Я весь твой.

Для пущей убедительности, я ей подмигнул. Моему желудку полегчало, когда я увидел ее ответную улыбку.

- *А ты мой, только мой*, - с тоской вспомнило сердце.

- Приятно знать. Но не все так просто. Когда ты предложил отвезти меня домой, ты имел в виду ко мне?

В ее голосе послышалась неловкость. Внезапно я понял направление этого разговора. Однако, я обещал честно ответить на все ее вопросы, а я всегда держу свои обещания. Все, кроме одного.

Я отодвинул от себя эту мысль.

- Ты не хотела ехать ко мне, поэтому я решил, что будет лучше отправиться к тебе.

- Ты знаешь, где я живу? - обвиняющим тоном спросила она.

Я закатил глаза.

- Да.

Некоторое время она молчала, но я не мог понять ее мыслей, потому как был сосредоточен на узких, хаотично расположенных улицах.

- Ладно, - твердо произнесла она, - вполне логично, что ты знаешь, где я живу. И не сомневаюсь, что на мои поиски тебе потребовалась куча времени.

- Так и было.

Я снова улыбнулся, но не мог быть уверен в искренности этой эмоции. Мне не нравится отвечать на вопросы, особенно на те, которые ощущаются завуалированной ловушкой.

- И как давно ты знаешь, где я живу?

Ее голос был не совсем дружелюбным.

- Ливви, я...

- Калев. Ты обещал.

Я стиснул зубы.

- Несколько недель.

Я ударил по тормозам, чтобы избежать столкновение с группой подвыпивших идиотов, переходящих улицу. Гребаные подростки думали, что весь мир принадлежал им. Недолго думая, я опустил окно и наорал на них, - Свалите, нахрен, с дороги!

Один из них показал мне средний палец, ко всему прочему, назвав меня пидором на испанском.

- Я покажу тебе пидора, ты, маленький сученыш. Сейчас я суну тебе по самые гланды!

- Калев! - вскрикнула Ливви, вцепившись в мою руку.

Я резко повернулся к ней, и увидел, что она не на шутку испугалась. По непонятным тогда для меня причинам, это взбесило меня еще сильнее. Поэтому мне оставалось просто смотреть, как группа футбольных кретинов, продолжила свой путь через дорогу, все еще смеясь и крича на меня. Каждому из них мне захотелось прострелить по коленной чашечке. Но позади меня раздался рев клаксонв, поэтому, нажав на педаль газа, я тронулся с места быстрее, чем требовалось.

- Все идет не так, как я на то надеялся, Ливви. Очевидно, что ты боишься меня, и это бесит. Наверное, мне следует отвезти тебя домой.

Сказав это, я ощутил укол боли в груди. Я не хотел отвозить ее домой, и еще меньше хотел оставлять ее там. Но мне надоело играть в кошки-мышки.

Я - тот, кто я есть.

- Если ты этого хочешь, тогда, наверное, так будет лучше.

Она, определенно злилась.

- Нет. Я этого не хочу. Иначе, я бы не стал проходить через несчетное количество гребаных препятствий. Пожалуйста, будь рациональной.

- Это ты будь рациональным, Калекб. Ты появляешься весь такой, мать твою, хороший, и ждешь, что я тут же завалюсь на спину и раздвину перед тобой ноги? Нет! Не до того, как я узнаю, чем, черт тебя побери, ты занимался в течение последнего года. И не до того, как я узнаю, почему ты вернулся в мою жизнь, и чего ты от меня ждешь.

Ладно, это имело смысл, и я это понимал. Но мне это не должно было нравиться. Вся моя жизнь изменилась, и все, что я знал, осталось в прошлом, но последнее, что мне хотелось - говорить об этом.

Почему женщинам необходимо так много говорить? Если вы голодны - ешьте. Если вас мучает жажда - пейте. Если же вы хотите, чтобы от вас, нахрен, отвалили, так и скажите! Конечно, я знал, что не смогу озвучить вслух ни одной из этих мыслей, как говорится, не заработав себе еще больше проблем. Мне оставалось подлизываться. И я, блять, это и делал.

Глубоко вздохнув, я замедлил ход. Машина будто и не ехала вовсе, пока мы плелись со скоростью 40 км/ч.

- Я не жду, что ты завалишься на спину и раздвинешь свои ноги, - спокойно произнес я, - хотя, это было бы чудесно.

Я посмотрел в сторону Ливви, и послал ей свою самую непристойную улыбку. Она же ответила сердитым взглядом.

- Я понятия не имею, чего ожидал, Ливви. Все это время я думал о тебе. Наверное, я просто хотел попросить у тебя прощения. Знаю, что не могу стереть нашего прошлого. И не могу клясться в том, что я стал совершенно другим человеком. Я больной на голову в непостижимом для других смысле, но ты мне небезразлична. Поэтому я должен был найти тебя, и сказать, что ты единственная, к кому я когда-либо испытывал подобное.

Я тяжело сглотнул, не отрывая взгляда от дороги. Моя гордость достигала гигантских размеров, и возможно, чтобы справиться с нею, мне придется сглотнуть еще не один раз.

Ливви вздохнула.

- Ты... ты тоже мне небезразличен, Кaleb. Прошлый год выдался для меня очень трудным. И это касалось не только переезда, и отдаления от моей семьи, друзей...

В течение минуты, она молчала. Но когда заговорила, в ее голосе угадывались слезы.

- Ты меня предал.

Она будто снова меня ударила, и вдобавок, пнула в живот. Ливви знала, что для меня значило слово 'предательство'.

- Как? - спросил я настолько спокойно, насколько мог.

- Я была готова уехать с тобой. Даже после всего того, что ты сделал. Но ты просто... взял и оставил меня. Ты даже не представляешь, через что я прошла. Как сильно старалась вновь стать... человеком, - прошептала она.

Ливви устремила свой взгляд в окно, наблюдая за проплывающими мимо нее одними и теми же улицами.

Не уверенный в том, куда меня могли завести мои мысли, я продолжал кружить вокруг одного и того же большого дома.

Я помнил тот день. За прошлый год я прокручивал его в своей памяти миллионы раз. Но что я мог ей сказать? Правда была ужасной. За день до этого я убил Рафика. Я похоронил единственную семью, которая когда-либо у меня была, и сходил с ума, узнав, что именно он был причиной всех тех кошмаров, которые со мной произошли. Я любил его. И убил его. Я не мог смотреть на Ливви, не сравнивая себя с Рафиком. Я похитил ее, насильствовал и мучил, забрав от привычной ей жизни. А она говорила, что любит меня. И это было самое ужасное.

- Я хотел, чтобы ты была уверена.

Мои слова прозвучали чужеродно, безжизненно. Я почувствовал прикосновение Ливви к своей руке. Это заставило меня вздрогнуть, вырвав из далеких мыслей. Мне

потребовалось несколько секунд, чтобы посмотреть на нее. Она была такой чертовски красивой, не только снаружи, но и изнутри. Она была сильнее меня. Храбрее. И ей не нужна была месть.

- Я знаю, почему ты высадил меня из машины. Мне потребовалось много времени, чтобы это принять, но теперь я понимаю. И знаю, что с твоей стороны это был акт бескорыстия, твой способ самопожертвования. Но ты заставил пройти через это и меня. Я чуть не свихнулась.

Она искренне улыбнулась, и я не мог не последовать ее примеру.

- Ты сумасшедшая, Ливви. Но тебя бы не было со мной рядом, не будь ты такой.

Я перевернул руку, и она вложила в нее свою ладошку. Глупо, но это сделало меня безмерно счастливым.

- И если ты не заметила, я и сам далеко не пример психического здоровья.

- Ой, я заметила.

- Сучка, - изобразил я глубокую оскорбленность.

- Засранец.

- Я скучал по тебе, - сказал я.

Она сжала мою руку.

- Отвези меня в отель, Калеб.

Я выпрямился. И пока я думал о том, чтобы ответить на вопрос, который Ливви не задавала, у меня случился краткий миг внутренней борьбы, но, в конце концов, это же был я... Мастер полуправды.

- Я как раз знаю одно местечко.

Глава 2

Вставляя магнитную карту в дверь, я не был уверен в том, что произойдет дальше.

Я знал, как будет выглядеть номер. И знал, что Ливви он покажется прекрасным. Я также знал, что там будет огромная кровать в ожидании порчи своего внешнего вида. Но вот чего я не знал - представится ли мне возможность воспользоваться ею так, как мне бы того хотелось.

- Ух ты, Калеб.

Пройдя внутрь, Ливви положила сумочку на кофейный столик.

- Ты, определенно, знаешь, как произвести впечатление. Сначала машина, теперь номер.

Я пожал плечами, все еще стоя в коридоре.

- Машина взята на прокат. Технически, то же самое касается и номера. Хотя, у меня хороший вкус. Никто не сможет с этим поспорить.

- Да, думаю, никто.

Подойдя к шторам, она оттянула их - безошибочный знак того, что Ливви мне не доверяла. Я принял это оскорбление как можно спокойнее. Но имел ли я право быть оскорбленным?

Я знал о ее уверенности в безопасности отеля, как места для нашей встречи. Ведь все что ей нужно - это закричать, и, возможно, нас кто-нибудь услышит. Конечно, в данном случае, ключевым словом было *'возможно'*. У меня так и чесались руки напомнить Ливви, что если я захочу, она даже пикнуть не успеет, но посчитал, что не в моих интересах было указывать ей на такие вещи.

Пройдя в гостевую зону, я устроился на диване. Мне хотелось как можно скорее разделаться с предшествующей кульминации стадией, и приступить к наиболее приятным занятиям.

Между тем, я просто наблюдал за Ливви, моей Ливви, всегда таким пытливым, любопытным маленьким Котенком. Со своего места я смотрел, как своими длинными пальчиками она провела по мебели, шторам и стоящей на столе лампе от Тиффани.

- Ливви.

Она переключила свое внимание на меня. Ее нервозность была очевидной.

- Подойди, сядь со мной.

Она слегка замотала головой.

- Не думаю, что это хорошая идея.

Подперев подбородок кулаком, я продолжил наблюдать за ней. По этому вопросу никакого дальнейшего обсуждения не предвиделось - я четко изложил свое желание и ждал, пока Ливви уступит. Я не собирался заниматься бессмысленными спорами. Но в своем превосходстве я находил неопишемое удовольствие. Было интересно наблюдать, как Ливви поежилась, и, попав на мою удочку, поспешила заполнить тишину.

- Калев... да ладно тебе. Ты же знаешь, что как только я окажусь на этом диване, ты на меня набросишься.

Она опять начала покусывать свою губу, нервно оттягивая ее пальцами.

- Калев? Ты собираешься отвечать? Ага, хорошо, значит, ты будешь сидеть там, весь из себя 'сама же знаешь, что хочешь меня'? Я тебя не боюсь, Калев.

Скрестив руки на груди, она изо всех сил старалась принять угрожающий вид.

- У меня в сумочке есть перцовый баллончик!

Не сумев сдержаться, я откровенно заржал.

- О, Боже мой, ну ты и придурок, - простонала она.

Подойдя ко мне, Ливви беспардонно плюхнулась на диван.

- Ладно! Я здесь.

Я все еще держался за живот, когда мой хохот, в конце концов, прекратился и, не срываясь, мне удалось установить с ней зрительный контакт.

- Прости, Ливви, правда, прости. Но ты меня убиваешь. Перцовый баллончик? Я искал тебя по всему свету, чтобы меня остановил какой-то перцовый баллончик?

Широкая улыбка Ливви стала мне наградой за все пощечины и унижения, которые я вынес за этот вечер.

- Ну, может, он тебя и не остановит. Но все равно, было бы интересно посмотреть, как ты с криками катаешься по полу.

Она пожала плечами.

- Это все еще может быть забавно.

Мы еще немного посмеялись, окончательно рассеяв сгустившееся напряжение. И к тому времени, как мы прекратили свое веселье, я чувствовал себя совершенно свободно и знал, что то же самое касалось и Ливви. Ее плечи расслабились, и она перестала с беспокойством теревить свои пальчики.

- Я скучала по тебе, Калев.

- А я скучал по тебе, Ливви.

Сняв свои туфли, и поставив их рядом с диваном, она зарылась пальчиками ног в толстые ворсинки ковра, и улыбнулась мне. После чего выпрямилась, и согнула колени так, что теперь сидела на своих ногах. Это была расслабленная, непринужденная поза, что в свете грядущих событий, являлось хорошим знаком.

- По всему миру, говоришь? Расскажи мне об этом.

На секунду я уставился на Ливви, но решил - лучше было убрать это препятствие с нашего пути. Сняв обувь, я также принял более удобное положение. Нет ничего менее привлекательного, чем в процессе раздевания прерываться на снятие обуви. Мне нравится думать наперед.

- Да. Я искал тебя везде и в любом месте, которое только могло прийти мне на ум. Если бы ты, действительно, хотела, чтобы я тебя нашел, то оставила бы мне записку в Мексике. Это было первое место, куда я наведалься.

Протянув свою правую руку, я погладил Ливви по щеке и пришел в восторг от того, что она мне это позволила.

- Не думаю, что это была хорошая идея. ФБР знало о деньгах, и я боялась, что если оставлю тебе записку, они поймут, что ты живой. Я не могла так рисковать.

Она улыбнулась, но улыбка не коснулась ее глаз. Услышав ее слова, я испытал вихрь противоречивых эмоций. Я был тронут. Я был зол. И мне стало грустно.

- Мне жаль, что тебе пришлось через это пройти. Они заставили тебя сменить имя.

Я не полагался на Ливви. Из-за Рафика, я пребывал в жуткой депрессии, чтобы верить в то, что она хотя бы попытается меня защитить.

- Мне нравится мое новое имя.

Взяв меня за руку, она положила ее себе на колено.

- И я бы сделала это снова, Калед - не задумываясь. Не знаю, как ты к этому отнесешься, но я хочу, чтобы ты понял - я счастлива. И у меня прекрасная жизнь.

- Думаю, это самое главное. Если бы я позволил тебе поехать со мной... не знаю. Сомневаюсь, что ты осталась бы тем же человеком. Боюсь, ты не стала бы такой счастливой, какой кажешься сейчас.

Мои собственные слова заставили меня замолчать. Я был прав, оставив ее тогда. Но был ли я прав, вернувшись обратно?

Ливви искоса на меня посмотрела. Ее ухмылка намекала на веселье, но в ее глазах таилось обещание возмездия.

- Ты не отмазался, Калед. Если бы ты не высадил меня у границы с револьвером в руке, мне бы не пришлось устраивать сцены, чтобы попасть в свою страну. Меня даже особо не искали. Поэтому, не надо мне вешать на уши лапшу под названием 'все хорошо, что хорошо кончается'.

Этим она заставила меня хихикнуть.

- Приму к сведению. Так как прошло твоё время с ФБР?

Я был искренне заинтересован в том, что она скажет. За прошедший год я получил несколько звонков со скрытых номеров. Тогда я подумал, что это было ФАР Пакистана, пытающееся меня найти. Я был уверен, что им не понравилось ни исчезновение Рафика, ни его непосредственная связь с *'Захра Бай'*. Каждый раз, въезжая в Пакистан, я играл с огнем и гадал, занималось ли моим поиском еще и ФБР.

На долю секунды Ливви погрузилась, после чего растянула губы в притворной улыбке.

- Я до этого дойду. Тебе многое предстоит узнать. Но для начала, мне нужно услышать, как ты меня нашел. И что ты для этого сделал. Я не хочу, чтобы мне снова пришлось менять свое имя.

- А что же случилось с 'сделаю не задумываясь'? - провоцировал я.

- Не будь идиотом, - сказала она, пнув меня коленом.

Я пораженно вздохнул.

- После Мексики я решил искать тебя на твоём прежнем месте жительства.

Ливви пришла в ужас, и я поспешил успокоить ее словами о том, что никто не пострадал.

- Я ни с кем не разговаривал. Я не мог рисковать, поэтому просто ждал тебя возле твоего дома, но довольно быстро понял, что ваша семья там больше не проживала.

Я чуть ближе придвинулся к Ливви. Но сделал это не настолько явно, чтобы она заметила - во всяком случае, не сейчас.

- Я, должно быть, неделями простаивал на остановке, лелея пустые надежды, что, в ретроспективе, оказалось очень глупо. К чему тебе было туда возвращаться? После того, как прочесывание твоего старого района оказалось безрезультатным, я вспомнил,

как ты рассказывала о своей подруге Николь. И пока ты не успела разозлиться, сразу скажу - я и с ней не общался. Я просто украл ее ноутбук.

- Калев! - пожурела Ливви.

Я беззастенчиво пожал плечами.

- Так ты рада, что я тебя нашел или нет? Твое местонахождение не появилось из воздуха.

Я практически брал ее на слабо сказать мне, что был иной выход.

- Я нашел письмо, которое могло быть прислано только тобой.

Я придвинулся еще ближе. Не думаю, что она это даже осознала.

- Ты казалась по-настоящему грустной. Ты сама упомянула об Эйфелевой башне, и о том, что у тебя украли кошелек. С того инцидента прошло несколько месяцев, но я все равно за тебя переживал. Ты говорила, что не забыла меня.

Ливви отвела взгляд. Ее глаза наполнились слезами, но она очень старалась сделать вид, будто их там не было. И, несмотря на то, что подобными воспоминаниями я неизбежно причинял ей боль, это было для меня хорошим знаком, и заставляло меня верить в то, что у нас был шанс.

Ливви прочистила горло, вытерев пальчиком свои глаза.

- Черт! Думала, что я через это уже прошла. Клянусь, я больше не такая эмоциональная, какой была раньше, - улыбнулась она.

- Наверное, это ты так на меня влияешь. Мне нравятся твои волосы. До куда они отросли?

- Это маскировка. Я собираю их, потому как меня раздражает, когда они касаются моих плеч.

Я не хотел говорить о своих волосах.

Потянувшись, я забрал слезинку, скатывающуюся по ее щеке, и слизал ее. Я знал, что для Ливви это что-то значило. Впрочем, она стала казаться еще более сбитой с толку. Но это было моим способом забирать ее боль. Это было обещанием.

Не думайте, я не шатался по миру, слизывая случайные слезы. Я *не настолько* ненормальный.

Сделав глубокий вдох, Ливви медленно выдохнула. Некоторая часть напряжения вернулась даже в такой интимный момент между нами.

- Наверное, определенные вещи никогда не изменятся, - прошептала она.

Я придвинулся еще ближе, пока наши колени не соприкоснулись. Моя рука лежала на спинке дивана, поэтому своими пальцами я мог дотрагиваться до ее волос. И как только я увидел, что от моего прикосновения у нее закрылись глаза, по мне разлилось тепло.

- Все вокруг находится в процессе становления чем-то другим. Это закон изменения.

Я быстро поцеловал веки Ливви, прежде чем она смогла их открыть.

- Вот и я в процессе становления кем-то другим, Ливви. Надеюсь, кем-то хорошим, кем-то, совершенно непохожим на того монстра, которого ты знала.

- Ого! - воскликнула Ливви.

Слезы отрезвили ее, и она стремительно увеличила разделяющее нас расстояние, спешно вытирая щеки.

- Твою мать, Калевб. Как я могу оставаться в здравом рассудке, когда ты говоришь такие вещи? Я даже не знаю, как мне к этому относиться.

Улыбнувшись, я отодвинулся назад. Она была там, где я хотел, чтобы она находилась. Именно там, где мне это было *необходимо*. То есть, именно там, где она сможет признать возможность моего прощения за наше прошлое. Там, где было возможно существование понятия 'мы'.

В течение следующих нескольких часов, я показывал ей множество авиабилетов, купленных для ее поисков в те направления, где я ее почти находил, но упускал.

Я рассказал Ливви о кафе в Германии. Она была не очень-то счастлива услышать об этом, но приняла тот факт, что тогда я был не совсем готов к нашей встрече.

Ливви пыталась задавать вопросы о наших последних днях в Мексике. Я честно признался ей, что для меня этого было слишком много, и я пока не мог обо всем говорить. Поэтому я просветил ее лишь до определенного момента. Ливви моя скрытность не понравилась, но она использовала ее в противовес своему молчанию о ФБР и тому, что она обо мне узнала.

В основном, мы старались не углубляться в темы, причиняющие страдания хоть одному из нас. И в итоге, все сводилось к обсуждению отношения друг к другу после такого длительного времени, проведенного врозь. Как только наши чувства стали более очевидными, мы смогли говорить о нашем настоящем, а не о нашем прошлом. И мне это нравилось намного больше. Мне нравилось слушать рассказы Ливви об учебе, а также о бесконечных перспективах ее будущего, и от этого я почувствовал себя лучше в отношении... всего.

Я солгу, если скажу, что справился с тем, что произошло с Рафиком - это было далеко не так. Но все же, каплей утешения для меня стала мысль о том, что будь он жив, будущее Ливви было бы не таким радужным.

Несколько часов пролетело незаметно. Стояла бесшумная ночь, приближая наступление предраассветной зари. Мои мысли начали приобретать более плотские оттенки, и бывшие разговоры стали терять свою привлекательность.

- Уже поздно, - прошептала Ливви.

Подняв ноги на диван, она подтянула колени к подбородку. Ее темные глаза умоляли меня приблизиться, в то время как ее ноги грозили оттолкнуть.

Я почувствовал, как мой член начал твердеть, пульсируя в ритме моего сердцебиения. Мысленно я вернулся на плантацию Фелипе на Мадере, и вспомнил тот первый раз, когда высек Ливви.

Тогда, понимая, что у нее будут неприятности, она спряталась под раковиной, и почти так же, как и сейчас, сжалась в комочек, слегка подрагивая и смотря на меня во все глаза. Я смаковал испытываемый мною трепет от побуждения ее к подчинению, но это воспоминание заполнило меня смешанными чувствами. Я был ее похитителем. Я

брал у нее то, чего она не хотела мне отдавать. Я чувствовал себя виноватым. Но все же, с этими мыслями переплеталась некая теплота. Это было началом моего изучения Ливви.

Даже забившись под раковину, ее глаза встретились с моими. Она боролась со мной, без слов сопротивляясь моему обладанию. И в те моменты, я впервые увидел призрак того мальчика, которым был я. Я знал послание, скрывающееся за ее взглядом: *Ты можешь получить мое тело, но ты не можешь получить мою душу.* И это восхитило меня, несмотря на решимость склонить ее к моей воле.

При первом нашем соприкосновении, она закрыла глаза, собираясь с мужеством.

- *Посмотри на меня. Я хочу, чтобы ты посмотрела на меня.*

Находясь рядом с Ливви в тихом номере отеля, и глядя в ее неустрашимые глаза, я снова прочитал это послание. Но на сей раз, я не мог силой брать желаемое. В этот раз, я должен был заслужить ее подчинение.

- Я не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась, - произнес я.

Мне нужно было изъясниться как можно понятнее, и принять все, что бы она ни решила.

- И... что тогда?

Поднеся руку ко рту, она легонько оттянула свою губу. Ее глаза горели озорным блеском.

- Ну, на мой взгляд, у тебя есть три варианта: ты можешь сделать меня очень грустным, попросив отвезти тебя домой. Или можешь сжаться надо мной и остаться здесь на ночь. Или же можешь признаться, что хочешь, чтобы я трахал тебя, пока ты не станешь умолять о пощаде.

Отклонившись назад, и положив руки на диван, я позволил Ливви увидеть, каким твердым я был для нее, и как сильно я хотел оказаться внутри ее тела. Она резко вдохнула, ее щеки порозовели. При беглом взгляде, я заметил, как поджались пальчики ее ног.

- У тебя... все еще получается неплохо обращаться со словами.

Ее голос звучал с придыханием, но уверенно.

- Я просто объясняю.

Подмигнув ей, я был абсолютно уверен в том, какой из трех вариантов она выберет. Однако, Ливви умела преподносить неожиданные сюрпризы.

- У меня все еще есть перцовый баллончик, - поддразнила она.

- Извращенка.

Мы рассмеялись.

Я знал, что Ливви меня хотела - это можно было прочесть по ее лицу, по тому, как она облизывала губы, готовясь к поцелуям, по тому, как ее глаза темнели от желания.

На мгновение, я засомневался. Я не был уверен в том, какую роль она хотела, чтобы я играл.

С одной стороны, я получал огромное удовольствие, говоря ей что делать. Мне нравилось все контролировать. Мне нравилось знать, что она подчинялась мне по своей воле. С другой - я не знал, как она отреагирует на мое доминирование. Последнее, что мне было нужно - это ее напугать. Я не хотел напоминать ей о том времени, когда у нее не было другого выбора.

- Так, что ты выбрала, зверушка?

Она изогнула бровь.

- Зверушка?

Несмотря на легкое предупреждение в ее голосе, казалось, это прозвище ее не оттолкнуло.

- Сила привычки, - беззастенчиво прошептал я. *Действуй медленно и осторожно.*

- У тебя много плохих привычек, Калев.

- Но не все мои привычки плохие, так ведь?

Я положил руку на свой член. Ее глаза проследили за моими движениями. Ливви сглотнула.

- Нет. Некоторые из них мне очень даже нравятся.

Она встретилась со мной глазами, но не стала отпускать мой взгляд.

- Подробнее, - предложил я.

- Дай мне время, Калев. Я все расскажу. Но сейчас... я хочу показать, что я уже не та напуганная девочка, которой ты меня запомнил.

Опустив колени, Ливви раздвинула свои ноги. Платье прятало то, что было под ним, но как только ее рука легла на кисть, слова, сказанные ею, стали абсолютно понятны. Мое сердце - гонимое соблазном Ливви - колотилось с переборами. Член под моей рукой окончательно затвердел, вжимаясь в молнию джинсов.

- Я помню, что ты была храброй, - еле выговорил я, со скованным похотью горлом.

- А я помню, что тебе нравилось смотреть, как я себя ласкала.

Она медленно подняла свое платье по бедрам, оставляя на своей гладкой, смуглой коже красный след от коротких ногтей.

- Я тоже помню, что мне нравилось на это смотреть.

Сместившись ниже, Ливви положила свою голову на подлокотник дивана.

Я сходил с ума. Мой рот ощущался сухим из-за слишком частого дыхания с отвисшей челюстью. А грудная клетка - пробитой от непрерывного биения безумного сердца. Чуть ниже, моя плоть стояла колом, выделяя свои первые капли спермы.

- Но мне хочется сделать намного больше, чем просто смотреть.

Наклонившись вперед, я встретил ее незамедлительное сопротивление. Упершись ногой мне в грудь, Ливви заставила меня вернуться на диван.

- Либо мы делаем это по-моему, либо вообще никак, - шутливо пригрозила она.

Я сразу распознал битву, в которой не смогу одержать победу. Поэтому, в знак уважения, я склонил голову в сторону Ливви.

- Я согласен, - сказал я, и снова занял свое предыдущее положение.

- Готов служить любым твоим капризам, - с улыбкой подтрунил я.

- Хорошо, - расслабилась она.

Пальчики Ливви нежно порхали над ее киской.

- Покажи мне свое... и я покажу тебе свое.

Я тихонько рассмеялся, и если это вообще было возможно, влюбился в нее еще сильнее.

- Хмм, - вздохнул я, принимаясь за свои джинсы, - насколько я помню, стеснительность была *твоей* проблемой - не моей.

Быстро расстегнув пуговицу, я разделался с молнией. Моя похоть усилилась, как только мой член вырвался на свободу. Сопrotивляясь желанию прикоснуться к нему, я испытал неподдельное удовольствие, услышав, как Ливви ахнула. К ее чести, она довольно быстро вернула себе самообладание.

- Очень хорошо, Калев. Я знаю, мы оба находимся в процессе становления другими людьми, но приятно знать, что существует ряд вещей, которые никогда не изменятся.

Ливви подняла свое колено как можно ближе к спинке дивана и ее платье задралось до самой талии, раскрывая спрятанную между ногами обнаженную киску. На ней не было никакого нижнего белья!

Взяв свой член в руку, я сжал его, без всякого смущения; потому как импульс был слишком сильным, чтобы его игнорировать. Глубоко вдохнув, я медленно выдохнул, и, проведя по своему стволу первый, затем второй раз, остановился.

- Ты охренительно красива.

Ливви покраснела.

- Спасибо. Ты тоже.

Я не знал, как мне реагировать на подобные слова, но решил принять этот комплимент. В моей голове роились куда более интересные мысли.

- И что теперь? Честно говоря, я не уверен, что смогу сидеть на месте, наблюдая, как ты играешь сама с собой. У меня барахлит система самоконтроля.

- Ты заставишь меня? - прошептала она.

Пальчиками она раскрыла свою киску, демонстрируя какой розовой и влажной она стала.

- Блять! Нет. Но я буду капризничать.

Я выпятил свою нижнюю губу и Ливви рассмеялась.

- О, Боже мой, - произнесла она с улыбкой, - ты, действительно, все усложняешь. Не разрушай мою фантазию.

Я снова принял бесстрастное выражение лица.

- Прости. Продолжай. У меня и в мыслях не было портить твою очередную фантазию. Последняя мне очень даже понравилась.

Я смотрел на ее губы, вспоминая, как они скользили по моему члену.

- Может быть, мы сможем реализовать и ее?

- Может быть, - поддразнила она, - если я перейду туда, ты сможешь положить свои руки на диван и держать их на одном месте?

Я сглотнул.

- Я постараюсь.

Подняв свои руки на спинку дивана, я сжал ее.

Вот и сейчас я снова затвердел, вспомнив, как сексуально она ползла по дивану ко мне. Ливви по праву можно считать хищницей.

При ее первом прикосновении к моей груди, мои глаза закрылись сами собой. Я знал, что она чувствовала, как сильно билось мое сердце. Должно быть, я нервничал больше нее. Одевание Ливви мягко коснулось моего ноющего члена.

- Твое платье превратится в лохмотья. Сними его, - произнес я, настолько заманчиво, насколько мог.

- Шшш, - прошептала она у моего уха.

Ее запах пробудил все мои органы восприятия, и я сильнее вцепился в диван.

- Я хочу вот так.

Она оседлала меня, и ее влажная киска произвела контакт с моим членом. Не сдержавшись, я толкнулся вверх.

- Черт тебя подери, Котенок! Дай мне уже тебя трахнуть.

Я был готов отказаться от своего благородства и оставшегося самоконтроля. Я был готов разорвать ее гребаную одежду, и погрузиться в нее так глубоко, что она забудет, что мы когда-то были не вместе. Единственное, что остановило меня от этого, внезапная боль, когда Ливви стянула удерживающую мои волосы резинку, и, распустив, зарылась в них руками. Она дернула мою голову назад, болью привлекая мое внимание к себе.

Ее глаза были практически черными из-за увеличившихся от желания зрачков. Она наслаждалась собой, и я не хотел ее останавливать. Покрывая мои губы легкими поцелуями, Ливви заговорила,

- Пожалуйста, Калед. Позволь мне. До сих пор все контролировал ты.

Ее бедра потерлись о меня, обдавая мой член жаром своей киски.

- Ты больше и сильнее. Я знаю. Но меня заводит, что ты позволяешь мне это с собой делать. Раньше такого никогда не было.

Я еще сильнее вцепился в этот долбаный диван, потому как внезапно до меня дошло, почему ей было так важно установить свое превосходство. Дело было не в том, чтобы заслужить ее подчинение - дело было в том, чтобы подчиниться самому. Она проверяла меня, и я отказывался сдаваться.

- Хорошо, Ливви, - с трудом дышал я у ее губ, - сделаем по-твоему.

Ее язычок проник в мой рот, и мы поцеловались.

- Можешь называть меня Котенком, если хочешь. Я скучаю по этому, - промурлыкала она, и, не дав мне шанса ответить, снова ворвалась своим язычком в мой рот.

Когда я потерялся о нее, никакого протеста не последовало.

Наконец, пресытившись своими собственными дразнилками, Ливви отклонилась назад, и торопливо завела руки за спину, чтобы расстегнуть пуговицы. Когда она разделалась с ними, перед моими глазами предстали ее роскошные груди, увенчанные торчащими сосками. Не отрывая от них глаз, я облизнул губы.

- Дай мне, - настаивал я.

Положив свои руки мне на плечи, она приподнялась на коленях.

Моему члену стало холодно без ее тепла. Но одного обещания ее груди у меня во рту, было достаточно, чтобы унять мое разочарование. Ливви была мягкой, невозможно мягкой, а ее плоть у моего лица, дарила ощущение полного блаженства.

Я осыпал поцелуями сначала одну грудь, потом другую, игнорируя ее невербальные намеки на более глубокие оральные ласки. Я тоже, мать вашу, умел дразниться!

- Калейб! - воскликнула она с некоторым раздражением, и я улыбнулся.

- Да, Котенок?

- Пожалуйста.

Приподняв одну грудь, она провела соском по моей губе.

- Пососи его.

Открыв рот, я подобрал ее плоть. На вкус Ливви была еще слаще своего запаха. Движимый неопишуемой похотью, я сосал, возможно, жестче, чем полагалось.

Ливви обернула свои руки вокруг моей головы, притягивая меня ближе, и не давая мне отстраниться, хотя у меня и в мыслях не возникало подобного намерения.

Я смягчил свое посасывание. Неспешно, я снова и снова играл с ее соском, заставляя ее настаивать на большем. Ливви была медлительной и умопомрачительно расчетливой в своем соблазнении. Несмотря на то, что она извивалась у моей груди, практически умоляя меня взять ситуацию под свой контроль, она все же дала мне понять, чтобы я не убирал свои руки с положенного им места.

Она дала мне сначала одну грудь, потом другую. Этим Ливви напомнила о том, что ей нравилось за мной наблюдать. Как бы нам не хотелось, чтобы все было иначе, нам никогда не стереть нашей истории. Я знал, что она наказывала меня за те вещи, которые я делал. Но эти наказания проходили для меня наилучшим образом.

Неторопливо отстранившись, Ливви опустила мне на грудь, и, положив свою голову на мое плечо, простонала, в очередной раз, соприкоснувшись с моим членом. Я же с трудом удерживал свое тело от реакции. Но я был готов. *Более*, чем готов. Мне до смерти хотелось к ней прикоснуться. И то, что я не мог этого делать, начинало казаться неоправданным.

- Я нервничаю, - прошептала она у моей шеи.

- Не нужно. Все, что тебе требуется - сказать мне, что я могу тебя касаться.

Я все равно был близок к тому, чтобы это сделать.

- Нет. Я все еще злюсь на тебя, - тихо хихикнула она.

- Кто-то однажды сказал мне, что нельзя позволять некой хреновой вендетте разрушить твою жизнь.

- Наверное, этот кто-то никогда не находился с тобой в подобной ситуации.

Подняв голову, Ливви посмотрела на меня.

- Если бы этот кто-то знал, что месть может быть такой сладкой, то никогда бы не перестал к ней стремиться.

Я улыбнулся.

- Будем надеяться, что нет.

Я лишился всех своих логических мыслей, ощутив, как рука Ливви скользнула по моей груди к своим разведенным бедрам и моему члену. Почувствовав, как ее пальчики сомкнулись вокруг моей плоти, направляя меня в свою киску, я откинул голову назад. Она была такой горячей, такой влажной, а усилие, с которым приходилось проникать внутрь, намекало на то, какой она была тугой.

- Ливви, - настойчиво сказал я, - пожалуйста, позволь мне прикоснуться к тебе.

Ее мягкие губы целовали мое горло.

- Повтори, как сильно ты по мне скучал.

Ее бедра покачивались взад и вперед, пытаясь принять меня глубже. Она хныкала, но не признавалась в том, что ей трудно.

Подняв голову, я посмотрел на нее. На лице Ливви сочеталось удовольствие и боль, хотя ее глаза оставались решительными. Я с трудом сглотнул.

- Я скучал по тебе, Котенок, каждый день. Каждый. Гребаный. День.

Приподняв свои бедра, я скользнул в нее чуть дальше.

- О! Господи!

Завалившись вперед, она вцепилась в меня.

- Калев, - вздохнула она.

Она уже тяжело дышала.

- Полегче. Я давно этого не делала.

Ее слова пресекли все мои действия. Вдруг во мне вскипела ревность и злость. Я не желал этого показывать. Да и вообще не имел никакого права на подобные чувства, вот только... я не мог от них избавиться. Я прекратил двигаться.

Успокоив свое дыхание, Ливви снова лениво качнулась на мне. Я старался игнорировать удовольствие, которое дарило мне дальнейшее проникновение в ее тело. Она улыбнулась мне, а я нахмурился.

- Не злись, Калев.

Ливви немного приподнялась на моем члене и позволила весу своего тела протолкнуть меня глубже в себя. Я не смог сдержать сорвавшегося с моих губ стога.

- Я имела в виду тебя. После тебя.

Казалось, моя грудная клетка одновременно расширилась и сжалась. Это было примитивно, эгоистично и, тем не менее, мне было плевать. Ливви принадлежала мне. Да, после нее я спал с другими женщинами. Но в моем сердце они были никем.

Я нарушил свое обещание, и все же подчинился. Я подчинился власти Ливви надо мной. Подчинился тому хаосу, который она сеяла над моим самообладанием.

Подняв одну руку, я притянул ее личико к себе. Мне нужно было быть внутри нее. Мне нужно было почувствовать свой язык у нее во рту и свой член в ее теле так же, как сделать следующий вдох.

Мы простонали друг другу в рот, инстинктивно ласкаясь друг о друга телами.

Подняв вторую руку с дивана, я обернул ее вокруг ее талии и прижал Ливви к себе. По мне пробежал темный трепет, когда я обратился к своей основной сущности, привыкшей побеждать.

Прервав поцелуй, я схватил Ливви, и, согнув ноги в коленях, толкнулся вверх. Я услышал ее крик, но она не просила меня остановиться. Ливви крепко обняла меня за голову. Я толкнулся еще раз, и еще, пока, наконец, не почувствовал, что полностью оказался внутри ее тугого жара.

Мне казалось, что я не мог говорить. Я так долго ее хотел. Я мечтал о ней в своих снах и тянулся к ней в часы бодрствования. Я ничего не мог сказать, что сравнилось бы с острейшим удовольствием и эйфорией от того, что я, в конце концов, получил то, чего так долго хотел. Ничего, кроме...

- Я люблю тебя.

Я не собирался произносить этих слов. Я знал, что Ливви не была к ним готова. И все же, я ждал, чтобы произнести их, начиная с того момента, когда она вышла из машины, и больше не мог сдерживаться ни минуты.

Ливви расплакалась, и еще сильнее прижала меня к своей груди, чтобы не встречаться со мной глазами.

- Не останавливайся, - рыдала она.

Она двигалась своим телом, скользя вверх-вниз по моему члену в ритме, требующего от меня должного соответствия. Я был в растерянности, и не знал, что мне делать. Видимо, уже достаточно сделав и сказав, я делал то единственное, что мог - следовал ее просьбе.

Крепко прижимаясь к Ливви, я довольно легко отыскал путь к ее груди. Сомкнув губы вокруг одного из ее сосков, я возобновил свои ласки, сжимая ее попку обеими руками. Вскоре вместо рыданий, я был вознагражден ее стогами и вздохами. И все это время я чувствовал, как ее киска пыталась ко мне приспособиться.

Через мгновение ее влажность стала выделяться куда обильнее, а мышцы расслабились. Теперь я уже мог двигаться быстрее, входить сильнее, с каждым толчком проникая все глубже. Звуки соприкосновения моих яичек с ее влажной плотью, ее стонов надо мной, а также окружающие мой член тугость и тепло, подталкивали меня к моему освобождению.

- Еще, Кaleb. О, Боже, пожалуйста!

Ее слова были слезной мольбой. Движения неистовыми и бессвязными. Ливви преследовала свой оргазм, который все не наступал, но потом настиг ее слишком быстро и слишком жестко.

Я не прекращал трахать ее сквозь этот пик наслаждения. Ее киска сжималась вокруг меня силой своих мышц, а ее голос умолял меня сбавить скорость. Но я не мог. Я продолжал вбиваться в Ливви, пока ее оргазм не стих, и она обессилено не навалилась на меня.

- Пожалуйста, Кaleb, - задыхалась она у моего уха.

Ее груди были покрыты тонким слоем пота, с легкостью скользя по моей груди. Под своим свитером, я тоже был потным. Но я не собирался останавливаться, чтобы его снять.

- Помедленнее.

Я знал, что с ней нужно было быть нежным, особенно после такого интенсивного оргазма. Поэтому я заставил себя сбавить обороты.

- Да, - удовлетворенно выдохнула она, - мне это нравится. Трахай меня вот так.

- Перестань говорить 'трахай', - задыхался я, - или я не смогу двигаться медленнее.

Ливви хихикнула.

- Прости. Это ты побуждаешь меня к таким выражениям.

Найдя путь к моим губам, она меня поцеловала. И спустя какое-то время, ритм ее движений стал совпадать с моим. Она опускалась, когда я поднимался, и отстранялась одновременно со мной, только для того, чтобы встретить меня равной силой.

- Боже, в тебе так приятно, - пробормотал я у ее губ.

Воодушевившись ее жалобными всхлипами, я ускорил темп. Я не забыл ее безмолвный отказ на мое признание. По правде говоря, он терзал меня как та еще заноза в заднице, но я знал, что сейчас было не время вытаскивать эту тему наружу. Я уже совершил подобную ошибку.

- Трахни меня, - произнесла она на хриплом выдохе.

- Попроси меня, - потребовал я.

В эту игру могли играть двое.

- Пожалуйста, Кaleb.

Взяв мое лицо в свои ладошки, она посмотрела мне прямо в глаза. И если я нашел свою основную сущность, то Ливви нашла свою. Ее потребность была безошибочной, а похоть опьяняющей.

- Пожалуйста, трахни меня своим огромным чертовым членом. Я хочу увидеть, как ты кончишь.

Она закрыла свои глаза и стала двигаться быстрее и жестче. Ливви, определенно знала, как побудить меня к действиям. Я только надеялся, что она об этом не пожалеет.

Придерживая Ливви одной рукой, я поднял нас с дивана и положил ее на спину. Наконец-то, добравшись до своего свитера, я стянул его через голову, заодно спуская джинсы до колен.

С ее стороны я столкнулся с моментом сопротивления, который быстро испарился, как только я проник в нее до самого основания.

- Еще раз, Котенок. Попроси меня.

Опираясь одной рукой, а второй придерживая ее за бедро, я смотрел, как вхожу и выхожу из ее тела. Всплывшие в памяти слова, вызвали у меня улыбку. Она была самого красивого оттенка розового.

Подняв глаза, я наблюдал за тем, как ее груди двигались в ритме моих толчков.

- Пожалуйста. Калей.

Я больше не мог сдерживаться, но не был уверен, могу ли кончить в нее.

- Куда ты хочешь, чтобы я кончил?

Глаза Ливви пронзили меня своей глубиной.

- Куда хочешь.

Однако мой оргазм обрушился на меня до того, как я успел решить. Мои яички подтянулись, а член запульсировал. Я пытался смотреть на Ливви, но не мог держать глазами открытыми. Я потерялся в ощущениях собственного опустошения и одновременного принятия ее телом. Находясь где-то за пределами своей оболочки, я слышал, как Ливви что-то говорила. Но я не мог разобрать ее слов, пока мой оргазм не стих.

Открыв глаза, я посмотрел вниз. Рука Ливви находилась между нами, трогая то место, где мы соединялись.

- Мой, - услышал я ее слова. Ни одно утверждение на свете не могло быть более правдивым, чем это.

- Твой, - сказал я.

Глава 3

В ту ночь я видел сон. В нем, лежа на столе, на меня смотрел Рафик. Его трясло от страха, а его лицо было избитым и окровавленным. Он негромко произнес, - Меня из-за девчонки?

Оставшееся во мне чувство стыда переплелось со слабыми проблесками любви, но оно быстро сменилось старым гневом, яростью, что помогала мне выживать, когда смерть казалась лучшим из возможных вариантов.

- Нет. Не только из-за девчонки. Ты... заставил меня полюбить тебя. Ты предал меня.

Рафик рассмеялся, громко и раскатисто, но затем его смех превратился в булькающий кашель.

- Снова оно, предательство. Тебе всегда мерещится предательство, брат.

Его слова отозвались в моем сознании так, будто Рафик снова был живым, из плоти и крови.

- Ты лжешь, мальчик. Я не заставлял тебя любить. Никто никого не может заставить. Я заслужил то, что ты мне дал.

В своей руке я сжимал нож; я знал, что он у меня был. Однако, как это и бывает во сне, он исчез, когда я попытался вонзить лезвие ему в бедро. Во мне было так много злости и ярости, и мне некуда было их выплеснуть. Рафик нашел этот факт более, чем забавным, что только подлило масло в огонь моей пылающей ненависти.

- Я дал тебе все, что ты заслужил, всадив тебе пулю в сердце!

Рафик плевал кровью, продолжая смеяться.

- Ты - мужчина, которого я вырастил.

Медленно его смех прекратился, и он посмотрел на меня с нежностью.

- Я знаю, что ты омыл мое тело. И знаю, что ты провел его погребение в соответствии с традициями. Я также знаю, что ты меня оплакивал.

Его слова ранили меня, несмотря на мою уверенность, что он не мог всего этого знать. Хуже того, мне было больно от понимания, что он был прав.

- Почему ты не умер? - зло спросил я.

Рафик расплылся в порочной ухмылке.

- Ты не можешь меня убить, брат. Большие не можешь. Я - все, что ты знаешь. Я - твоя мать, твой отец, твой брат и твой друг. Я всегда буду с тобой. Тебе никогда от меня не избавиться.

Как бы мне это ни было ненавистно, но в своем сне я мог беззастенчиво плакать, что я и делал.

- Как ты мог сотворить со мной все те ужасные вещи? Ты украл мое детство. Ты украл мою судьбу.

Внезапно, высвободившись, Рафик перевернулся набок и сел. Его лицо лишилось всех следов побоев, и волшебным образом, на нем появилась одежда.

- Это не то, что тебя беспокоит, Калед. Да, я предал тебя, но ты убил меня не поэтому, разве не так?

Я не мог смотреть на него, не сгорая от стыда.

- Ты бы все равно меня убил. Только потому, что это был единственный способ освободить девчонку. Это ты предал меня, брат. Мы с тобой не такие уж и разные, это тебя и гложет.

Подняв руку, Рафик взъерошил мои волосы так, как делал это в детстве. В моей груди кольнуло. Я изо всех сил толкнул его назад на стол так, что он свалился на пол. Подпрыгнув в воздухе, и опустившись на него сверху, я стал его бить. Неустанно. Мои кулаки были вялыми; я не мог применить силу, необходимую для того, чтобы забить его до смерти. Сменив тактику, я вцепился ему в глотку, пытаюсь выдавить из него предсмертные хрипы, но тут на меня упал помешанный взгляд Рафика.

- Я здесь всемогущ! Это твоя заслуга.

- Просто, мать твою, сдохни! Сдохни! Сдохни! Я ненавижу тебя! Лучше бы ты был живым, чтобы я мог убивать тебя снова и снова!

Я впился ему в глаза, насыщаясь ощущением крови, брызгающей из-под моих пальцев. На этот раз Рафик пытался сопротивляться. Он толкался в меня руками, колотил ногами, и извивался всем телом, пытаясь скинуть с себя.

- Я могу убить тебя, Рафик. Ты не всемогущ. И я ничего к тебе не чувствую.

Тело Рафика подо мной стало неподвижным.

- Хозяин? - послышался голос позади меня.

Повернувшись, я увидел Ливви. На ней был белый халат, длиной до пола, а ее волосы были распушенными и непослушными. Увидев на ее шее рабский ошейник, на меня обрушилось всепоглощающее чувство стыда.

- Ливви? Не смотри!

Я повернул свою голову к Рафику. Но его тело исчезло, оставив после себя всего лишь большое кровавое пятно. Мои руки были измазаны сгустками крови. Я стал лихорадочно вытирать их о свои штаны, но кровь никуда не девалась.

- Не смотри, - повторил я, снова всхлиывая, - не смотри.

Послышалось приближение шагов Ливви, и я реально почувствовал, как она обняла меня за плечи, коснувшись моей спины теплом своего тела.

- Все в порядке, Хозяин. Я знаю, почему ты так поступил. Ты не можешь изменить того, кем являешься.

Я наклонился, и вес ее тела последовал за мной.

- Не смотри.

Есть моменты, определяющие наши жизни. На тот период, большей частью моей жизни были люди, которых я убил, или продал в рабство. В отношении вторых, я частично исправил свою ошибку, однако убитых мне вернуть не удастся. И, честно говоря, я этого и не хотел. Все же, мое подсознание не устраивало оправдание в обоснованности принесенных мною смертей, напоминая о том, что этот процесс доставлял мне чуть больше удовольствия, нежели ему полагалось. Я был слишком 'уравновешенным' для человека, совершившего подобные акты вероломства.

Проснувшись, я почувствовал, что тело Ливви было обернуто вокруг меня. Ее грудь прижималась к моей спине, а ее рука в собственнической манере, покоилась на моей груди. Ее теплое дыхание обдавало мою шею. Я улыбнулся про себя.

До сих пор, каждое последующее мгновение, проведенное с Ливви, казалось лучше предыдущего. Да, паника все еще сжимала мою грудь, но я уже привык к ночным кошмарам. Я быстро приспосабливающийся человек.

Но больше, чем этот сон, меня напугал мой внутренний голос, твердивший о том, что я никогда не позволю Ливви уйти. *Она моя. Моя навсегда.* И если вы сейчас удовлетворенно вздохнули, либо у вас не все в порядке с головой, либо вы не уловили всю серьезность ситуации. Хотя я больше и не убиваю, но я убийца. А влюбленный убийца - очень опасная штука.

Я тихонько посмеялся, потому как Ливви меня приобняла.

- Ммм, - вздохнула она, пальчиками лаская мою грудь.

Она прижалась ближе, и, найдя своими губами мою шею, стала оставлять на ней сонные поцелуи. Потянувшись к ее руке, я начал поглаживать ее своими пальцами.

- Ты проснулась? - прошептал я.

Не было ни единого шанса, что я смогу вернуться ко сну - мой член был твердым, а Ливви такой мягкой.

- Нет, - проворчала она.

Я усмехнулся.

- Если ты не проснулась, то я не смогу полизать твою киску на завтрак.

Вздвигнув за моей спиной, своей ножкой она принялась поглаживать мою ногу.

- Раньше тебя это никогда не останавливало.

Она поерзала.

- Правда?

Взяв ее за руку, я перевернулся и лег на нее. Ее грудь, прижатая к моей, ощущалась горячей. Мне было приятно скользить своим членом по ее шелковистым бедрам.

- Тогда, ты не возражаешь, если я угощусь?

Она прикусила губу, пытаясь сдержать улыбку.

Ливви совершенно проснулась, но решила изображать из себя соню. Ее помада стерлась, оставив после себя красную линию, и если не принимать во внимание спутанный беспорядок в ее длинных волосах, в остальном, она выглядела такой же богиней, что и в прошлый вечер.

- Мммда, - протянула она.

- Тебе меня не обмануть, - прошептал я у ее шеи.

Ливви не ответила.

Я откинул свои волосы с лица. Ливви играла с ними перед тем, как уснуть, и я не удосужился собрать их обратно. Они меня раздражали, но так как я передвигался по миру со швейцарским паспортом, это помогало мне выглядеть соответствующим образом. Я также частенько путешествовал со сноубордом, хотя понятия не имел, как на нем кататься.

Зарывшись носом в изгиб плеча Ливви, я глубоко вдохнул. Ее голова повернулась на другую сторону, открывая свою шею в очевидном приглашении. Когда она раскрыла свои ножки передо мной, головка моего члена лишилась ее гладких бедер, но нашла компромисс в виде трения о простыни. Совсем скоро, без спешки, я снова вернусь в тепло ее тела.

Пока я неторопливо прокладывал поцелуи вдоль горла Ливви, она застонала, и, начав извиваться подо мной, стала тереться пятками о заднюю часть моих коленей.

- Так приятно, - вздохнула она.

- Шшш, тебе полагается спать. Я намерен воспользоваться тобой на свое

усмотрение.

Я поиграл пальцем с ее соском, пока он не стал похожим на маленькую твердую горошинку.

- А ты бы не мог чуть быстрее воспользоваться мною на свое усмотрение?

Руки Ливви обвились вокруг меня, притягивая ближе. Ее намерение побудить меня к тому, чтобы я поласкал ее сосок губами, были очевидным, но я проигнорировал его. Я уже забронировал столик в другом ресторане.

- Не заставляй меня вставлять тебе в рот кляп, - пригрозил я.

От Ливви последовал невербальный ответ, в виде легкого напряжения, но я был чересчур поглощен другим, чтобы думать об этом. Я целовал и посасывал свой путь вниз по ее груди, и ненадолго остановился, чтобы подразнить ее соски кончиком языка. Я действовал мягко. Мне хотелось, чтобы прохладный воздух сделал остальное, пока я буду дразнить Ливви, продолжая свой спуск вниз.

Запустив свои руки мне в волосы, она сжала их в кулаках. Было больно. Я решил, что если Ливви собиралась использовать их в качестве импровизированного рычага управления, то будет лучше, если я их обрежу. Но опять же, я не мог ее в этом винить. Я сам обожал хвататься за ее волосы, поэтому рассудил, что вариант с расплатой будет куда интереснее (и никому не придется умирать, что можно считать приятным бонусом).

В конце концов, я подумал, что если Ливви захочет, чтобы я ускорил темп, я так и сделаю. Я уже и без того чертовски долго ждал.

Потянувшись к ее рукам, я выпутал их из моих волос.

- Давай уберем их в менее опасное место, - прошептал я у ее упругого живота.

Удерживая и прижимая ее запястья по бокам, я переместился поближе к ее киске, и недолго думая, накрыл ее своими губами.

- Калейб! - вскрикнула Ливви.

Вжав ноги в кровать, она увернулась от моего рта. Притянув ее обратно за руки, я продолжил свои нападки на ее клитор. Простонав в нее, я сходил с ума по тому, как она ерзала у моего лица, и уже чувствовал, как она становилась влажной.

Я провел языком по ее малым губам.

Совсем скоро, воспользовавшись моей хваткой на своих запястьях и своими ногами для поддержки, Ливви придвинулась ко мне ближе. Она хотела, чтобы я скользнул в нее языком... и я это сделаю, когда удобней устроюсь и буду, мать его, готовым. А пока я наслаждался ее вкусом и запахом.

Некоторые мужчины не лизут киски. Думаю, эти мужчины и *есть* киски.

Я настойчиво лизал Ливви, всасывая ее клитор в рот, за что поплатился болью, когда она вонзила свои ногти в мои запястья.

С момента нашего воссоединения, она была довольна агрессивной. Ливви меня лупила, дразнила, угрожала перцовым баллончиком, тягала за волосы, а теперь - я был абсолютно уверен - пустила мне кровь. И не зная, что за этим последует, я решил ответить ударом на удар.

Я с силой сжимал руки Ливви, пока ее хватка не ослабла, и она не всхлипнула. Отпустив ее запястья, я присел на пятки.

Ноги Ливви были широко расставлены, грудь вздымалась от возбуждения, а влажная киска так и молила о том, чтобы ее трахнули. От моего внимания так же не ускользнуло и то, что она не двигала своими руками. И мысль об этом возбудила меня сильнее всего остального.

- Перевернись и приподними свою сексуальную попку вверх.

Я сглотнул в своем возбуждении.

- Да, Калев.

Перевернувшись на живот, Ливви приняла позу, которую я мгновенно узнал - именно я научил ее ей.

Я почувствовал, как кто-то сжал мой член, одновременно с этим, заехав мне в грудь.

Правильно ли было наслаждаться этим видом? Неужели она думала, что я не изменился? Знала ли она, что я жалел о каждой команде, которой заставлял ее подчиняться? И какого хрена меня это так заводило? Неужели я все еще оставался тем же человеком, который получал удовольствие от того, что ее ломал?

Не самое подходящее время для нравственных размышлений, придурок.

Избавившись от своих мыслей, и положив одну руку Ливви на поясницу, я взял свой член во вторую. Расположив себя возле ее влажного входа, я толкнулся внутрь, входя наполовину. Подавшись назад, я толкнулся снова, и не останавливался до тех пор, пока мои бедра не коснулись ее попки.

Ливви вскрикнула, сжимая простыни в руках.

- Боже!

Проведя рукой по ее спине, я опустил ее ниже, продолжая проникать в нее, и шлепая о ее зад своими бедрами. Это были короткие толчки, доводящие нас обоих до похотливого безумия. Наклонившись, я прошептал ей на ухо, - Тебе это нравится?

Ливви хныкнула, но ничего не ответила. Это меня взбесило. Я напоминал себе гепарда, обнаружившего удирающего кролика. Опустив одну руку вниз, я схватился за грудь Ливви. Находясь так близко к ее лицу, я упивался каждым ее маленьким охом, вздохом, стоном и хныком, все жестче вколачиваясь в нее.

- Я задал тебе вопрос. Тебе это нравится?

Прикусив свою губу, она крепко закрыла глаза. Ливви, должно быть, наслаждалась собой, потому что я практически слышал и чувствовал, насколько она была влажной. Она отказывалась мне отвечать, и это начало путать все мои мысли. Прошлой ночью, я признался ей в любви, на что в ответ она не проронила ни слова. Ее поведение вводило в замешательство, и если она пыталась вывести меня из себя, то у нее это получалось.

Подняв с нее вес своего тела, я схватился за ее бедра и замедлил темп. Опустив глаза, я наблюдал за тем, как скольжу в нее и обратно. Она, действительно, была очень влажной, а ее другая маленькая, робкая дырочка так и манила меня. Фыркнув, я прикинул, разговорит ли Ливви мое следующее действие, и очертил пальцем розовое

колючко. Ливви было дернула бедрами, но затем успокоилась. Преодолев сопротивление, я позволил своему пальцу скользнуть на всю длину внутрь ее попки.

- Как насчет этого, зверушка? Это тебя разговорит?

- Ммм.

- И все? Это все, что я услышу?

Моя злость стихла. Ливви это нравилось. Она хотела меня. Она хотела того, что я с ней делал, но по неведомым для меня причинам, не могла переступить через себя и признаться в этом открыто. *Или, может, притворялась, что не могла.* Мне пришлось тряхнуть головой, чтобы избавиться от этих мыслей. В такой момент, думать об подобном было выше моих сил.

Вытащив свой палец, я взялся за бедра Ливви, и начал жестко двигаться в ней, пока не почувствовал, как она стала дрожать и сжиматься вокруг моего члена. В очередной раз, кончив в нее, я рухнул рядом с ней на кровать.

- Господи! Я умираю с голоду! Так сильно хочу есть! - пробормотала Ливви в подушку, с прилипшими ко лбу взмокшими волосами.

Я рассмеялся.

- Она заговорила!

Я смахнул волосы с ее лба, на что она закрыла глаза, наслаждаясь моим прикосновением. Какой странной парой мы были.

- На мгновение, я задумалась, чего мне хочется больше - кончить, или рвануть за блинчиками.

Она улыбнулась мне.

- Ты, определенно, умеешь довести девушку до такого состояния.

- Хмм, но все же я могу это компенсировать.

Я подмигнул ей.

- Через пятнадцать минут нам нужно освободить номер. Мы поздно легли спать.

Я знал, что с этим не возникнет никаких проблем, но мне до сих пор нравилось создавать Ливви некие сложности.

- Черт. Навряд ли я успею принять душ, к тому же у меня с собой только одежда с прошлого вечера.

Перевернувшись на спину, она с досадой выдохнула в потолок. Я же откатился на свою сторону, и приподнялся, опираясь на локоть.

- Мы можем отправиться ко мне. Это близко.

- Насколько близко?

Я улыбнулся.

- Соседняя дверь.

Ее глаза стали огромными.

- Ну ты и сволочь! - рассмеялась она, - я думала, ты живешь в доме.

- Обычно люди говорят 'пойдем ко мне', что не всегда означает, что они живут в доме. Я живу в отеле... но не именно в этом номере. Так что, у тебя не получится обвинить меня в нечестности. *К тому же...* мы можем заказать завтрак в номер.

Я широко улыбнулся в ожидании ее ответа.

Слаба Богу, или каким-то там гормонам, делающим женщин такими покладистыми после хорошего секса, потому как это все, что потребовалось для ее согласия. А! ...еще блинчики.

Глава 4

После наших блинчиков (и неприличного количества сиропа на самых интересных частях тела), Ливви сообщила мне, что ей нужно отправляться домой и готовиться к работе. И хотя я был и не слишком рад этому, но решил быть понимающим, и позволить ей некоторое чувство нормальной жизни.

У нас было много секса и еще больше, чем я думал, разговоров, но между нами до сих пор оставалась масса неразрешенных вопросов. Ради нас с Ливви я отменил все свои запланированные дела, а она даже не разрешила мне отвезти себя домой.

- Я возьму такси. Дома я буду в спешке собираться на работу, и мне станет не по себе за то, что не получится уделить тебе должного внимания.

Она улыбнулась мне, надевая свою обувь.

- Может, позвонить тебе после работы? Но так как сегодня понедельник, это будет почти в полночь.

Я все еще оставался в постели, голышом, в надежде, что мой безмолвный протест одежде, после нашего совместного душа, вдохновит ее составить мне компанию, но это не сработало. Ливви все еще ничего не сказала о моем откровении, и это нервировало меня больше, чем хотелось признать.

- Я по-прежнему не понимаю, почему ты меня оставляешь. Ты же знаешь, что без тебя период моего бодрствования ничем хорошим не закончится.

Ливви снова улыбнулась мне и направилась к кровати. Наклонившись, она поцеловала меня в щеку.

- Я тебе доверяю.

И пошла прочь до того, как я смог затащить ее обратно в постель.

- На тебе нет нижнего белья, - поддразнил я.

Последнее, что я хотел - чтобы она попала в переплет с каким-нибудь таксистом.

- Думаю, шансы на мое похищение дважды за жизнь ничтожно малы. Ты так не считаешь?

Ее тон подразумевал сарказм, но в этих словах присутствовала резкость, отдающая обидой. Я заставил себя улыбнуться, хотя единственное, чего мне хотелось - это сказать Ливви, насколько я устал отбиваться от ее дерьма. Я знаю, что заслужил это. Заслужил больше, нежели она меня упрекала. Просто не в моей натуре было позволять людям бить меня, когда я и так находился в лежачем положении.

- Думаю, ты права. Если позвонишь, я буду в номере.

Скатившись с кровати, я поцеловал ее в макушку, направился в ванную, чтобы отлить... и услышал, как закрылась входная дверь.

Находясь вдали от Ливви, я старался себя чем-нибудь занять. Я почитал книгу. Вернул Ламборгини в салон. Поел. Посмотрел местные и международные новости. Но, вопреки моим стараниям, все мысли так или иначе снова возвращались к Ливви. Я думал о прошлой ночи и о ее поспешном утреннем уходе. Некоторые воспоминания вызывали у меня улыбку, другие же оставляли в чрезмерной настороженности.

Квартира Ливви находилась рядом с местом ее учебы, поэтому я исследовал университетский двор наряду со всем районом. Уровень преступности в нем оказался сравнительно низким. Интернет не пестрил заголовками историй о сексуальных нападениях, произошедших в ее университете. Однако, я сомневался, что ЕУБ охотно поделится такого рода информацией, поэтому сделал себе мысленную пометку, чуть позже провести свое собственное расследование.

Ливви была склонна доверять людям.

Я выполнил свой долг, тщательно проверив ее район и соседей. Мужчина, живущий напротив Ливви, год назад был арестован за домашнее насилие, но с тех пор никаких проблем не учинял. И сейчас он проживал с некой студенткой. Я решил присматривать за ним.

Около половины одиннадцатого вечера я принял душ и выпил шампанское, доставленное в номер часом позже. К полуночи, я был весь в ожидании телефонного звонка. С каждой проходящей минутой, я осознавал, что бьющееся во мне сердце было живым и здоровым. Оно расцветало, смакуя вкус нового вида мучения - надежды.

Прошло очень много времени, с тех пор, как я позволял себе испытывать подобное чувство. Мое сердце наслаждалось им, в то время, как мои прошлые воспоминания твердили о его опасности. Надежда и страх - оборотные стороны одной монеты. Во мне бурлил страх потерять Ливви, и надежда, что я мог быть именно тем мужчиной, который ей нужен. Я не знал, что из этого было хуже.

До встречи с ней, я проиграл в голове всевозможные варианты развития событий, но ее пассивно-агрессивное поведение по отношению ко мне среди них не значилось.

Мой разум больше ориентирован на непосредственное решение задачи. Злишься на меня? Накричи. Или ударь, если уж на то пошло. Только, пожалуйста, не нужно мне мило улыбаться, и вести себя так, словно все хорошо, а затем оставлять меня с разрушенными надеждами. И пока вы не успели мне возразить - да - я понимаю, насколько чертовски ироничны мои слова. Я сам неоднократно применял на Ливви манипулятивные техники, но это не значит, что мне нравится находиться по ту сторону их воздействия. Ни одному мужчине это не нравится.

Сев в такси, я отправился к Ливви домой. На двери ее подъезда оказался целый ряд с кнопками, и панель домофона. Игнорируя доносящиеся из переговорного устройства сонные оскорбления, я тыкал пальцем по всем кнопкам, пока меня не впустили. Все это делалось с целью избежать кнопки с надписью 'С.Коул'.

Лифт поднимался на пятый этаж черепашьим шагом, а в моей голове роились миллионы мыслей, атакуя меня различными эмоциями. И к моменту, когда я добрался до этажа Ливви, я сто раз поменял решение о том, что сказать или о том, что сделать.

Я мог развернуться, переехать в другой отель и заставить ее гадать, куда я, нахрен, подевался. Либо тарабанить по ее двери, и устроить сцену посреди коридора. Я мог вломиться в ее квартиру, когда она откроет мне дверь, и отказываться покидать ее, пока она не ответит на все мои вопросы. Я также мог послать ее куда подальше и исчезнуть. Мог. Но я этого не сделаю.

Глубоко вдохнув, я постучал. Мое сердце отбивало лихорадочный ритм, заставляя мое дыхание сбиваться. Мне случалось находиться в более опасных ситуациях, но только некоторые из них могли так сильно действовать на меня на физическом уровне.

Через несколько секунд, дверь открылась на короткую цепочку, которая не дала ей распахнуться шире. Из образовавшейся щели на меня посмотрело заплаканное лицо Ливви. Мой гнев испарился, уступив место страху.

- Ты в порядке? Ты не позвонила.

Отведя взгляд, Ливви закрыла перед моим носом дверь, после чего повозившись с цепочкой, снова открыла ее, и жестом пригласила меня зайти.

Медленно и осторожно я ступил внутрь, позволяя своим глазам осмотреть ее квартиру, и понимая, что до этого я никогда не проникал в мир Ливви. Мне были незнакомы эти стороны ее натуры.

В комнате располагался синий диван и журнальный столик в форме звезды. В вазе с прозрачными мраморными камушками, стояли искусственные оранжевые ромашки. Стены дома Ливви украшали вставленные в рамки постеры к фильмам: *Интервью с вампиром*, *Ворон*, *Социальная сеть*, *Начало*, а также плакат с четырьмя цветными пластинками, и полураздетым мужчиной, чей цвет кожи можно было сравнить с шоколадом. Я почувствовал себя явно не в своей тарелке.

Ливви была молода. Ее интересовали фильмы, музыка и мальчики. И она отдавала предпочтение ярким цветам.

Я улыбнулся, увидев ее Play Station. Возле подставки под телевизор лежали барабанные палочки, микрофон и пластмассовая гитара. Мне стало интересно, нравилось ли Ливви петь, или же она играла на одном из этих инструментов. С кем именно она играла... но решил, что, скорее всего, с той парой, с которой я ее чаще всего видел. Они знали Ливви так, как не знал ее я. И это вызвало мою ревность.

- Прости, - сказала Ливви, направляясь к балконной двери.

На ней был розовый халат с мишками. Я бы никогда для нее такой не выбрал. Последовав за ней на балкон, я увидел, как она прикурила сигарету.

- Я поздно освободилась с работы, и подумала, что ты, наверное, уже спишь.

Глубоко вдохнув, она плавно выдохнула дым, демонстрируя навыки заядлого курильщика.

- Как давно ты куришь? - спросил я.

За время своего наблюдения, я не замечал за ней такой привычки.

Ливви сначала улыбнулась, потом саркастично усмехнулась.

- Будешь меня из-за этого отчитывать?

- Нет. У нас у всех есть плохие привычки.

Я в любом случае собирался придумать что-нибудь, чтобы отучить Ливви от курения, но не хотел ей в этом сознаваться.

Повернув голову ко мне, она расплылась в улыбке.

- Но не все мои привычки плохие.

Я также улыбнулся, несмотря на свою неловкость.

- Некоторые из них мне очень даже нравятся, - процитировал я ее.

Подойдя ближе, я смахнул волосы с ее лба. Мне нравилось прикасаться к ней. Мне нравилось напоминать себе, что она была рядом. К моему облегчению, Ливви закрыла глаза, наслаждаясь моим прикосновением.

- Я курю только когда нервничаю. Увлелась этим после того, как вышла из больницы, но не курила вот уже несколько месяцев.

Отвернувшись, она сделала еще одну затяжку.

- Какова настоящая причина, по которой ты не стала звонить?

Мой страх стал нарастать.

- Ты... передумала? По поводу нас?

Кинув на меня взгляд через плечо, Ливви демонстративно перевела его на ночной город, и еще пару раз затянулась сигаретой.

- Я не знаю, *что* может быть по поводу нас.

Мои глаза стало щипать. Наверное, от дыма.

- Может быть все, что захочешь, Ливви. А может и ничего не быть. Это зависит от тебя.

Как только эти слова сорвались с моих губ, я знал, что они были ложью. Она сердито на меня посмотрела.

- Нет, Калек, не все так просто. Прошел год. Целый гребанный год! Ты ни разу не дал мне возможности на тебя позлиться. Ты просто исчез, оставив меня переживать о том, что, возможно, тебя уже нет в живых. Все это время у меня на хвосте сидело ФБР, и все это время я защищала тебя и то, что ты делал со мной, потому что я любила тебя, а ты поступил все ради моего спасения. И вот теперь ты вернулся в мою жизнь...

Она утерла слезы со своих щек.

- И, черт бы тебя побрал, но мне невыносима мысль снова остаться без тебя. Но к этому примешивается и другая хрень - чувства, которые я не позволяла себе испытывать, потому как отказывалась признавать, что возможно, Рид и Слоан были правы. Может, я не могу тебя любить.

Мои вены затопил адреналин, пока надо мной брали верх до сих пор бездействующие, долго неиспользованные эмоции.

- Пожалуйста, - услышал я свой шепот.

Я даже не знал, о чем просил. Наверное, я всего лишь хотел, чтобы Ливви прекратила говорить такие вещи. Ее слова причиняли боль. Они причиняли самую сильную боль, которая только существовала на всем белом свете. Почти такую же боль, как и воспоминания об угасающих глазах Рафика. Мне вернулись мои

собственные слова, - *Хотя, думаю, было довольно мило, когда ты сказала, что любишь меня.*

Ливви, со своей безграничной способностью к всепрощению, затушила сигарету и обернула свои ручки вокруг моей талии. Приняв предложенную мне надежду, я заключил ее в свои объятия, и, должно быть, слишком сильно сжал, не желая отпускать. Просто потому, что не мог.

- Калевб, - с трудом произнесла Ливви.

Я ослабил свои объятия, но не отпустил ее до конца.

- Я не хочу, чтобы ты снова исчез. Пожалуйста, обещай мне, что этого не произойдет.

В попытке обрести дар речи, прежде чем заговорить, мне пришлось несколько раз прочистить горло.

- Обещаю, Ливви. Но я... я не знаю, что мне делать. У меня никогда такого не было.

- И у меня, Калевб. Притом, мы и вправду гораздо ненормальнее любого из знакомых мне людей.

Она мрачно усмехнулась.

- Но ты должен дать мне время. Ты должен позволить мне злиться на себя и пообещать, что, что бы я ни сказала и ни сделала, ты меня простишь, и дождешься, пока я через это пройду.

Так много эмоций, но я не мог их излить. Поэтому, я решил констатировать факт.

- Ливви, я прощу тебе все, что хочешь. Тебе не требуется мое прощение и никогда не нужно о нем просить. Оно уже у тебя есть, Ливви. Все, что я могу тебе дать, уже твое.

Зарывшись пальцами в волосы Ливви, я приподнял ее личико навстречу моему. Ее губы были солеными от слез, а вкус отдавал сигаретным дымом, но подо всем этим была моя Ливви. И я в ней нуждался. И согласно моей лучшей интерпретации любого из киношных супер-героев (к тому моменту я видел их всего-ничего), я поднял ее на руки, и занес в комнату. Ливви великодушно показала мне путь в свою спальню, где мы занимались любовью на ее бледно-желтых простынях с ужасающим количеством маленьких подушек.

Позже, после завершения приятных дел, Ливви вызвала меня на разговор. Это напомнило мне о Мексике. Мы всегда лучше ладили во тьме.

Я собираюсь избавить вас, да и самого себя от мучительных деталей, произошедших после того, как мы закончили заниматься любовью. Вы уже и так знаете, через что Ливви пришлось пройти. Вы знаете правду о моем прошлом. А после той ночи, ее узнал и я.

Я узнал, что меня зовут Джеймс Коул, и что моими родителями были американка по имени Элизабет Коул, и некий мужчина, известный всего лишь по имени Влад. Мне было пять, когда меня похитили и заключили в публичный дом. Моя мать покончила с собой, когда мне было двенадцать. Я не мог не обратить внимания на то,

что примерно в этом же возрасте я и был взят под крыло Рафика. Я задумался, может, он узнал о смерти моей матери, и после решился на мое 'спасение'. Я не мог вспомнить ее лица. Но я всегда буду помнить лицо Рафика. И все это время меня изводил внутренний голос: Владэк - твой отец. И он все еще жив.

- Ты в порядке? - прошептала Ливви в мою шею.

Я чувствовал, как ее слезы капали на меня. Чувствовал ее руки, крепко обернутые вокруг моей груди, ее сердце, бьющееся рядом с моим. Я чувствовал. Я, мать его, *чувствовал*, и это было ужасно.

Прижав ее к себе, я провел пальцами по ее пояснице, находя в физическом присутствии Ливви хоть какое-то успокоение. Она была жива. Я был жив. Мы были вместе. Я старался сконцентрироваться на этом.

- Нет, Котенок, я не в порядке, - прошептал я, - и не знаю, как много времени мне понадобится, чтобы быть в порядке. Я только знаю, что пока ты со мной, есть шанс, что когда-нибудь... у меня это получится.

Она сильнее прижалась ко мне. Внутри меня сидело так много всего, и ее любовь - или что бы там она ко мне ни испытывала - грозила выдавить это наружу. Я же сопротивлялся, чтобы оставить это в себе, где смогу держать все под контролем, и никто не сможет использовать это против меня. Моя жизнь была разрушенной. Она всегда была такой. И не было никакого смысла заикливаться на том, чего я не мог исправить или изменить. Моя мать была мертва. Рафик был мертв. Мы с Ливви были живы. Конец долбаному празднику жалости к себе.

- Мне так жаль, Калек, - всхлинула она.

Я заморгал, чтобы прогнать пощипывание и жжение в глазах.

- В этом нет твоей вины.

Я с трудом сглотнул.

- Хотелось бы, чтобы это было правдой. Когда-то, так оно и было, но это уже давно не так. Я сделал то, что сделал, Ливви. Это моя вина.

Последовало продолжительное молчание, позволяя словам рассеяться. Однако, оставалось то, что мне нужно было знать наверняка.

- Ливви, почему ты сменила свою фамилию на Коул? Из-за Джеймса? Или из-за... меня?

- Калек, я знаю, кто ты такой. И мне неважно как тебя называть, лишь бы тебе было хорошо, - она вздохнула, - я сделала это, потому что...

Она неловко поерзала.

- Потому что любила меня.

Я закрыл глаза.

- Поверь, от меня не ускользнуло прошедшее время. Я понимаю.

Я не понимал.

- Калек, все не так..., - прошептала она, прижимаясь еще ближе, - просто... эти твои слова об изменениях. Мы меняемся. Мы оба стали другими, и пока мы не узнаем, что это значит, я не думаю...

- Я не хочу об этом говорить, Ливви. Я просто хочу быть здесь. Сейчас. С тобой. Остальное может лететь к чертям, потому что мне плевать. И если тебе есть что сказать, прошу тебя сделать это сию секунду. Давай покончим с этим, а завтра начнем с чистого листа. Я хочу начать с чистого листа, Ливви. Мы можем это делать?

Я продолжал гладить ее по спине, находя в этом свое успокоение.

- Я бы этого хотела, но что мы скажем людям? О правде не может быть и речи, и я не могу оставить свою жизнь позади, Кaleb.

- А что по поводу ФБР? Они все еще за тобой следят?

На мгновение во мне вскипела ярость, когда я представил себе встречу один на один с агентом Ридом. Я бы шмякнул его рожей об асфальт - в настоящем времени!

- В четверг мне нужно встретиться с Ридом. Я знаю, он тебе не нравится. Дьявол, я даже не знаю, нравится ли он *мне*.

Я услышал улыбку в ее голосе, и это вывело меня из себя. Она так часто сравнивала его со мной.

- Рид - хороший малый. Он хотел проводить меня с тех самых пор, как я рассказала ему о своих ощущениях, будто за мной кто-то наблюдает. Кроме него и Слоан я не контактировала с ФБР. У меня нет ничего из того, что им нужно.

Она пнула меня локтем в ребра. Я вздохнул.

- Раньше *не было*. Теперь есть. Если повезет, тебе удастся быстро отделаться от этого Рида. Скажи ему, что у тебя на учебе появился тайный поклонник, или что-то в этом роде. Уверен, так оно и есть. Если ты скажешь, что никто не объявился, это вызовет у агента подозрения.

Мой внутренний голос спросил меня, смогу ли я отделаться от Рида... навсегда. Я проигнорировал его. Я был полон решимости стать другим человеком и больше никого не хотел убивать.

- Хорошо, но как насчет всего остального?

- Всему свое время, Ливви. Я не готов объяснять природу наших отношений, кому-либо, кроме тебя. Давай не будем торопиться, придумывая нашу историю.

Приподнявшись на локте, Ливви наклонилась и поцеловала меня в грудь, вытирая слезы, оставленные на моем плече.

- Клянусь, за последние два дня я выплакала больше, чем за последний год, - улыбнулась она.

- Думаю, теперь с этим покончено. Я, правда, не хотела тебе всего этого рассказывать. Когда я услышала эту историю от Рида, она разбила мое жалкое сердце, но ты заслуживаешь того, чтобы знать правду о своем прошлом.

Ее взгляд скользнул от моих глаз к моей груди, по которой она начала бессознательно водить своими пальчиками.

- То, как ты выглядел в тот день... он не заслуживал твоей скорби.

Положив руку поверх ее, я прочистил горло.

- Все кончено. Я не хочу об этом говорить.

Выражение ее лица превратилось в игриво-мечтательное.

- Если бы ты нашел меня раньше, мы бы отпраздновали твой день рождения. В прошлом месяце я задула за тебя свечку, и сама слопала твой торт.

Ливви расплылась в улыбке. Ее слова показались мне странными, но я тоже улыбнулся.

- Какой торт?

- Из немецкого шоколада. Он был такоооой вкусный, - простонала она.

Я рассмеялся, и, наконец-то, это было искренне.

- Ну, это только к лучшему. Я не особо увлекаюсь тортами.

- А я увлекаюсь! Опять же, я на восемь лет младше тебя, и мой метаболизм может с этим справиться. А тебе нужно следить за твоей красивой фигурой.

Ее рука переместилась ниже, и погладила мой живот.

- Думаю, я неплохо справляюсь, - сказал я.

Я не стеснялся своего тела - у меня не было для этого никаких причин.

- Хотя, так странно иметь день рождения. Думаешь, я выгляжу на двадцать семь?

Ливви одарила меня кокетливой улыбкой.

- Думаю, ты выглядишь... аппетитно!

Ее рука сползала все ниже и ниже, пока ее пальчики не стали тереться о мой член.

- Аппетитный, значит? Это что-то новенькое. Я-то думал, что выгляжу как воплощение зрелости и мужского совершенства.

Ливви громко рассмеялась. Ее смех был заразительным. Мне нравилось, что он был несколько громче, чем полагалось девушке.

- Ох, Калеб, и это тоже. Но прямо сейчас, меня больше интересуют твои вкусовые качества.

Переместившись на кровати, она взяла мой член в руку.

- Ого! Ну, раз такое дело... попробуй на здоровье. Если у тебя есть еще один торт, я буду счастлив обеспечить его глазуровкой.

Она поморщила носик и расхохоталась.

Я лег на спину и позволил Ливви высосать из меня не только рассудок.

Глава 5

Встреча Ливви с Ридом прошла хорошо.

Он оказался не таким идиотом, как она мне рассказывала. Рид хотел задержаться на несколько дней, чтобы убедиться в безопасности Ливви. И мне это не понравилось. Я подозревал, что его визит был связан скорее с разоблачением тайн, нежели с ее благополучием.

Рид пообщался с друзьями Ливви, ее коллегами, даже с сопляком из ресторана, в который она любила ходить. Хорошо, что я кое-кому заплатил, чтобы мою записку передали официанту, иначе, если бы этому агенту описали мою внешность, мы бы прилично влипли.

Мне потребовалась вся сила воли, чтобы держаться от Рида подальше. Я знал, что были некоторые вещи, которые Ливви мне не простит.

Во время пребывания Рида, мы с ней не контактировали, и я успел открыть для себя еще большее количество ночных кошмаров, а также зашкаливающий уровень скуки, чего у меня никогда в жизни не было. Я был благодарен за интернет, но ровно до тех пор, пока мог противостоять желанию ввести в поисковик слова 'Пропавший ребенок+Джеймс Коул'. Результат выдал две ссылки, ни одна из которых не открыла для меня ничего сверхъестественного.

Я был похищен до повсеместного распространения интернета, Твиттера, Фейсбука и круглосуточных новостей. В то время самым продвинутым изобретением были бумажные пакеты для молока, и почтовые ящики. У Джеймса Коула не было ни единого шанса.

В ту ночь мне приснился кошмар - я был заключен в тело ребенка. Я снова находился с Нарви, и моя сила против него ничего не значила. Он надо мной смеялся. После этого, я целую неделю не выходил в сеть.

Мне никогда не нравилось видеть сны. Обычно они были о том, о чем мне думать не хотелось. Когда я был маленьким мальчиком, и работал в публичном доме, они мне никогда не снились. По крайней мере, насколько я помню. Бывало, что по утрам, когда я просыпался, у меня возникали новые, изощренные идеи в отношении убийства Нарви, которые я хотел реализовать в подходящее время, но я никогда не приписывал их своим снам. Впервые, я стал видеть их после того, как Рафик забрал меня к себе.

Неопределенность в новой судьбе внушала мне ужас. Я никогда не умел делиться своими чувствами - особенно, сомнениями, страхами, надеждами и желаниями. Именно они делали меня уязвимым, а это я ненавидел больше всего. И как только Рафик завоевал мое доверие, подарил мне новую жизнь и цель в ней, мои кошмары сошли на нет. Они возобновились через несколько недель после похищения Ливви, но на тот момент я не придавал им значения. Я знал, что меня одолевало множество противоречий: желание оставить эту жизнь, замешательство по поводу возрастающей скрытности Рафика, изводящее чувство сомнения в отношении похищения Ливви, и страх, что я сам становился Нарви.

Мои сны стали проявляться сильнее с укреплением моих чувств к Ливви. Тогда я это отрицал. Теперь - понимаю. Но ночные кошмары, мучившие меня после того, как я оставил Ливви у границы США и Мексики были самыми худшими. И если вы обо мне хоть что-нибудь знаете - а мы уже установили, что это так - то, наверное, можете себе представить, о чем они были.

Но, по правде говоря, я не позволил этим вещам - ужасам моего прошлого - затащить меня на дно, даже наоборот - в течение долгого времени они заставляли меня двигаться дальше. Порой, я размышляю над тем, что учитывая, через что мне пришлось пройти, я остался довольно-таки нормальным. Я могу справиться со всем, что бы мне эта жизнь не подкинула, но для человека, желающего уйти от своего прошлого, неуверенность в будущем доставляет наиболее тревожные чувства, нежели все остальные.

Я думал, что найдя Ливви, обрету эту уверенность, но выяснил, что счастье представляет собой и новые виды страданий. Страдания я понимаю, а счастье меня пугает. К тому же, всплывшие в памяти слова Ливви о 'другой хрени' приобрели для меня смысл. Впервые за всю жизнь, мне ничего не нужно было делать. Никто ничего от меня не ждал.

У меня было достаточно денег, чтобы отправиться, куда мне хочется и делать, что вздумается, но у меня на этот счет не было никаких соображений. Мои руки были связаны, а мой разум являл собой излюбленное место дьявольских игр. Казалось, словно все мои мысли сгинули в потайные углы рассудка, избегая адекватного сознания.

Я глубоко выдохнул в облегчении, когда Рид улетел из Испании, и Ливви, наконец-то, вернулась ко мне. Меня все еще посещали ночные кошмары, но пробуждение рядом с ее теплым телом упрощало мое возвращение из тревожного небытия.

Наступил октябрь, а вместе с ним и непредсказуемость погоды, что иной раз служило хорошим поводом для того, чтобы подольше поваляться в постели.

Мы с Ливви трахались как кролики... и некоторые другие виды животных. Несмотря на то, что ее присутствие дарило утешение после ночных кошмаров, мне было ненавистно чувство собственной слабости, из-за которого я это утешение и принимал. Поэтому, пока Ливви спала, я приспособился бодрствовать, и восполнял этот пробел, когда она занималась своими делами. Мне продолжали сниться кошмары, но я просыпался не в темноте.

В общем и целом, все шло хорошо. Кроме плохих снов, мне не на что было жаловаться. Однако я бы солгал, если бы сказал, что не начал ощущать себя немного более беспокойным.

Ливви ходила на работу, училась, встречалась с друзьями. У меня же ничего из этого не было. Поверьте, это не унижало моего достоинства, и я не ревновал ее к тем сторонам жизни. Просто мне стало очевидно, что моя теперешняя жизнь совершенно отличалась от того, что я знал. Чем занимаются бывшие похитители/насилъники в отставке?

Спустя три недели полного бездействия, я решил купить машину. В итоге, обзавелся БМВ пятой серии. Она была не такой сексуальной, как Ламборгини, но все равно далеко не промах. Подолгу катаясь на ней по городу, чтобы не сидеть в стерильном номере отеля, я, даже находясь вне его, держал себя в рамках приличия. Решив на неопределенное время остаться в Барселоне, я не хотел привлекать к себе излишнего внимания. Само нахождение с Ливви уже было огромным риском.

Ее друзьям понадобилось не так уж и много времени, чтобы понять происходящие с ней изменения. В эти первые три недели, Ливви их разве что не забросила. Она работала три смены в неделю и ходила на занятия с понедельника по четверг. И почти все свое свободное время проводила со мной.

- Итак, - начала Ливви, когда мы принялись за заказанную в номер еду.

- Помнишь, мы говорили о том, что всему свое время и что нам надо решить, как объяснять людям природу наших отношений?

Она откусила стебель спаржи. Я же, не прожевав, проглотил большой кусок стейка.

- Да.

- Ну... думаю, мы можем об этом поговорить. Клаудия и Рубио начинают жаловаться на то, что я *совсем* их забыла.

Ливви улыбнулась мне.

Я воткнул вилку в брокколи так, словно бедный овощ задолжал мне денег.

- Почему это должно их касаться? Ты - взрослая. Тебе не нужно их разрешение, чтобы проводить время со мной.

- Кaleb, - укорила она, - они мои друзья. Они поддерживали меня. И если ты хочешь влиться в мою жизнь, тебе придется найти способ познакомиться и с моими друзьями. Я не могу приезжать сюда каждую ночь. Это выматывает. У меня есть и своя жизнь!

- Везет же. Рад за тебя.

Отправив себе в рот очередную порцию еды, и избегая взгляда Ливви, я не знал, на что я так разозлился. Она привела абсолютно весомый аргумент, а я на него чихать хотел. Улыбка быстро сползла с лица Ливви.

- Знаешь, может, мне еще и с работы уволиться? - выплюнула она.

Я поднял глаза от своей тарелки. *Началось...*

- Ливви...

- Нет!

Ливви была в ударе. Ее глаза метали молнии.

- Отлично! Я оставлю учебу, и вычеркну из своей жизни всех друзей. Тогда я полностью стану принадлежать тебе! Ты сможешь держать меня в своей маленькой темной комнатке и трахать до одури. Так ты будешь всецело мною обладать. Тебе же именно этого хочется, так ведь?

Моя ярость была живым, дышащим монстром, поселившимся в моей груди и питающимся каждым сказанным ею словом. Несомненно, Ливви хотела кинуть мне это в лицо со дня нашего разговора на балконе. Ранили меня ее слова? Да. Но они меня еще и возбудили. Мой член был твердым, а в моих ушах отдавался знакомый приглушенный гул. Я хотел противостояния. Я *нуждался* в нем. Я психопат и мне надоело притворяться хорошим. Я НЕ ХОРОШИЙ!

Медленно пережевывая свой ужин и расплываясь в улыбке, я внимательно смотрел на Ливви. Она же изо всех сил пыталась не сломаться под напором моего молчания, но она никогда не могла с этим справиться - *до сих пор* не может. Я слышал, как она дышит, и видел, как ее глаза, сузившись, устремились к моему лицу. Если бы я был ее ровесником-сосунком, я бы побеспокоился за свою безопасность. Но меня запугивали и посильнее, поэтому попытки Ливви оказались тщетными. Она была слишком милой, слишком сексуальной.

- Ты, нахрен, собираешься отвечать?

Она дразнила меня, получая от этого удовольствие. Грудь Ливви поднималась и опускалась с ускоряющимся темпом, пока я разглядывал ее соски через кофточку.

Не спеша, я проглотил еду и отпил вино из своего бокала. Я скучал по знакомому чувству сопротивления Ливви. Я не хотел причинять ей боль и поклялся, что никогда этого не сделаю, но это не означало, что я должен был становиться пуськой.

- Тебе нужен ответ, Котенок?

В ее сердитом взгляде промелькнул страх, и она вздрогнула, не успев скрыть эту реакцию.

Подняв салфетку с колен, я положил ее на стол. Ливви не отрывала от меня глаз.

- Вот тебе мой ответ.

Проведя рукой по столу, я скинул наши тарелки, бокалы и столовое серебро на пол. И встал с места как раз в тот момент, когда вскочив со стула, Ливви побежала к двери.

- Калев, нет! - кричала она.

Одной рукой я зажал ей рот, а второй приподнял. В ответ, Ливви яростно заколотила ногами, зубами вгрызаясь в мою ладонь, а ногтями впиваясь в руку. Но боль меня только распалила. Я прижал ее тело к стене так, что она практически не могла двигаться. Она извивалась в моей хватке. Можете меня за это не ненавидеть, но я наслаждался каждой секундой. Опять же, я знал, что не собирался делать ей больно - не по-настоящему.

Обездвижив ее, я прошептал ей на ушко, - Тебе не кажется, что если бы я этого хотел, я бы это сделал?

Она хныкнула.

- Для меня так было бы гораздо проще. Ты была бы моей во всех возможных смыслах.

Я потерялся между ее ягодицами и чуть не кончил в штаны, когда Ливви застонала. Она пыталась высвободиться, но ее попытки были слабыми.

- Я мог бы держать тебя прикованной к кровати. Трахать тебя каждую ночь и ни разу не позволить кончить. Только хорошим девочкам позволено кончать, Котенок. Ты будешь для меня хорошей девочкой?

Убрав руку от ее рта, я смахнул волосы Ливви назад, чтобы видеть ее лицо.

- Пошел ты. Отпусти меня, - задыхалась она.

Тон ее голоса соответствовал словам, но язык тела говорил совсем о другом. Она терлась о мой член, толкая нас на опасную территорию. Я знал, что этот инцидент может обернуться против меня, но кайф от него было слишком силен. Я не мог устоять. Еще сильнее прижав ее к стене, пока она не стала ловить ртом воздух, я принялся оставлять на ее шее легкие поцелуи.

- Я отпущу тебя, если ты не потекла, - прошептал я ей на ушко.

Ливви не двигалась. И не отвечала.

- Что, нет ответа? Может, мне проверить?

Мое сердце мчалось галопом. Я боялся, что *уже* зашел слишком далеко. Боялся, что *уже* слишком поздно идти на попятную.

- Скажи мне остановиться, и я это сделаю. Скажи, что не хочешь, чтобы я спустил твои трусики и трахнул тебя прямо в этом положении. Скажи мне, какой я ужасный человек. Скажи мне, что я больной ублюдок и что ты хочешь, чтобы я навсегда убрался из твоей жизни.

Ливви крепко закрыла глаза. Ее губы дрожали, но она не плакала. Я ослабил хватку. Я не хотел причинять ей боль. Я любил ее, но не знал, как проявлять это нормальному. И не знал, как сказать ей о том, насколько я боялся.

Прижавшись лбом к ее шее, я все же попытался, - Скажи мне, что я не заслуживаю тебя. Скажи все то, что я и так уже знаю.

- Калеп...

Мое имя сорвалось с ее губ душераздирающим звуком. Приготовившись к худшему, я начал отстраняться, но руки Ливви вцепилась в мои предплечья, удерживая меня на месте.

- Трахни меня.

Времени для раздумий не было - я отреагировал мгновенно. Задрал ее юбку до талии, я стянул ее трусики до колен. Ливви ахнула, упершись руками в стену для равновесия. Прошло буквально несколько секунд до того, как мои собственные штаны были спущены до лодыжек...

Я ворвался в нее быстро и жестко. Она была влажной. Влажным, теплым, гребаным раем, окутывающим меня. Мне хотелось навсегда остаться в безопасности ее тела. Пока я был внутри нее, она была *моя*. Никто не мог у меня ее забрать, и я не смел это между нами разрушить.

Я начал вколачиваться в нее. Обернув свои руки вокруг запястий Ливви, я трахал ее у стены, с каждым толчком практически приподнимая ее тело от пола и... не переставая, извинялся.

- Мне жаль, Ливви. Мне так жаль. Прости меня. Прости, - шептал я, продолжая ее трахать.

После всего, Ливви спешно уехала. Мне хотелось остановить ее, но я не стал этого делать. Я чувствовал, что для одного вечера и без того наломал кучу дров. Оставив всю разбитую посуду на полу, я отправился под ошпаривающе-горячий душ. В ту ночь я отказывался спать.

На следующее утро, Ливви позвонила мне сама, - Привет.

В ее голосе я услышал улыбку. Меня одолевали легкие подозрения, и я насторожено принял тот факт, что она могла не злиться за прошлый вечер. От недосыпа, я потерял свои глаза.

- Привет.

- Просто хотела сказать тебе, что после занятий я иду на работу, но завтра свободна. Сегодня я смогу остаться у тебя, и подумала, что завтра мы могли бы сходить в кино. Так хочется посмотреть *Впусти меня*.

Присев, я облокотился на изголовье кровати.

- Эм... хорошо.

Я скорее ожидал столкнуться с ее злостью, возможно, даже с оправданиями, что некоторое время она не сможет ко мне приезжать. Но решил, что лучше принять ее предложение, нежели размышлять над ее мотивами.

- А о чем он?

- Что-то типа фильма ужасов, но не совсем. Вообще-то, мне понравилась шведская версия *Впусти меня*, но меня разбирает любопытство, что же режиссер сделал с этой.

Я улыбнулся, вспомнив развешанные по ее квартире постеры с фильмами.

- Конечно, Ливви. Так и сделаем.

- Сегодня без прозвищ? - поддразнила она.

- Я думал, тебе это не нравится.

На том конце линии образовалась тишина... затем, очень тихое, - Вчера понравилось.

Мой член дернулся.

- Буду знать.

- Ага, только... не напридумывай себе ничего. Ты не можешь все проблемы решать сексом, Калейб.

В мою грудь закралось чувство стыда.

- Постараюсь запомнить.

- Вот и хорошо. Увидимся ночью, Секси.

Я рассмеялся,

- А это теперь мое прозвище? Ненавижу его.

- Постараюсь запомнить.

Нажав на ОТБОЙ, я лег спать. На этот раз, снов не было.

Глава 6

Ливви обожала смотреть множество фильмов, и читать множество книг. И часто жаловалась на отсутствие возможности читать столько, сколько ей бы хотелось, потому как ее жизнь была слишком загружена работой, учебой и попытками урвать свободную минуту между мной и ее друзьями. И когда Ливви пыталась заговорить о последних, я чаще всего менял тему разговора.

Я знал, что она хотела, чтобы я познакомился с ними. Однако мысль окунуться в мир типичных представителей двадцатилетней молодежи казалась мне менее, чем привлекательной. С этими людьми у меня не было ничего общего - тем более с теми, кто ни разу не стрелял в человека в упор. По крайней мере, с Ливви мы в этом были похожи!

- День Благодарения уже на следующей неделе, - сказала она, садясь с машину.

Мы только что закончили просмотр *Гарри Поттера и Дары Смерти: Часть 1*.

До того, как нам отправиться в кино, Ливви настояла на том, что мне надо наверстать свое кинематографическое упущение. На удивление, фильм мне, действительно, понравился, и я даже задумался, на кого был больше похож - *Гарри* или *Волан-де-Морта*.

- Калев.

- Да? - повернувшись к Ливви, я улыбнулся.

Она вздохнула.

- Ты знаешь, что я собираюсь сказать. Не усложняй для меня этот разговор.

- Да ладно, тебе, Котенок. Опять? У меня достаточно друзей. И больше мне не нужно.

- У тебя нет друзей, Калев.

- Ты мой друг.

Подмигнув ей, я завел машину. Ливви никогда не могла устоять перед моим флиртом.

- Да ну тебя!

Она саркастично вскинула руками.

- Ты такой раздражающий! Если бы ты не был таким красивым, я бы стукнула тебя прямо по лицу.

Я рассмеялся.

- Давай же, Калев. Не будь задницей. Я была очень терпеливой, но для меня это важно. Ты для меня важен... но и они тоже. Пожалуйста, не заставляй меня выбирать.

Несмотря на ее игривый тон, я понимал, насколько серьезной была ситуация. Ливви через многое прошла из-за меня, и, в конце концов, вечер с ее друзьями сулил мне гораздо больше приятного, нежели ей в компании моих друзей.

- И что ты собираешься рассказать им обо мне?

Поерзав на сидении, она одарила меня взглядом с еле сдерживаемым восторгом.

- О, Боже мой, ты спрашиваешь, потому что, на самом деле, рассматриваешь такую возможность?

Я закатил глаза.

- Предположим, - проворчал я.

Я не был готов к тому, когда отстегнув ремень безопасности, Ливви бросилась ко мне с радостным визгом. Ударив по тормозам, я услышал позади себя сердитый звук клаксона.

- Ливви! Какого хрена? Я за рулем!

Ей же было совершенно до лампочки.

- Я так счастлива! Так счастлива, счастлива, счастлива.

Вернувшись на свое сидение, она снова пристегнула ремень безопасности.

- Увидев тебя, Клаудия выскажется по полной программе. Руби - супер-вежливый, но его девушка та еще болтушка, поэтому, будь готов, что от ее разговоров твои уши свернутся в трубочку. Иногда Клаудия переходит на личности, но я предупрежу ее, какой ты у нас вспыльчивый. О, Боже, мой, что же мы будем кушать? Надеюсь, в магазинах есть индейки. Большие индейки!

Уровень моей тревоги повышался. На какую хрень, черт возьми, я только что согласился?

- Ливви, это будет не так-то просто. Нам нужно быть осторожными, если, конечно, ты не хочешь писать мне длинные письма в тюрьму.

Ее пыл несколько поутих, и, положив свою ручку поверх моей, она произнесла,

- Этого не произойдет, потому что мы с тобой убежим.

Ливви была совершенно серьезной, и в моей груди стало немного теснее.

- Кроме того, продолжила она, - ФБР отсюда далеко, и они не станут меня проводывать до тех пор, пока я сама к ним не обращусь. Слоан иногда звонит, но насколько ей известно, я общаюсь с друзьями, а не оплакиваю тебя. Она появляется, но не так уж часто. У нас все в порядке, Калеб. У нас все идеально.

Я улыбнулся против воли.

- У нас все далеко не идеально, Котенок. Я самый больной человек из всех, кого ты знаешь.

- Да, но я *вторая* в числе самых больных из всех, кого знаешь ты, и если сложить два минуса, то получится плюс. Это математика. Калеб. Она - закон вселенной. А ты не можешь спорить со вселенной.

Ее улыбка была до ужаса смешной.

Я так чертовски сильно тебя люблю.

- Ну, тогда именно эта вселенная меня таким и сделала.

- Знаю! Поэтому она нам обязана.

Ливви показала свой язык, и я захохотал.

- А если серьезно, что мы им скажем?

Я держал Ливви за руку, сконцентрировавшись на дороге.

- Ну, это схоже с написанием сочинения. Ты начинаешь с того, что известно тебе, а насколько известно мне - лучшая ложь основана на правде. Тебя зовут Джеймс. Ты родился в Портленде, штат Орегон. Тебе двадцать семь, ты много путешествовал по миру, и мы с тобой встречаемся около полутора месяцев.

Я рассмеялся.

- Ты уже об этом думала, так? В моем паспорте значится другое имя. К тому же, если твоему другу-агенту ФБР снова взбредет в голову ползать в твоём окружении, не думаю, что присутствие в твоей жизни Джеймса Коула пройдет незамеченным. Потом, чем я зарабатываю на жизнь? Откуда у меня акцент, если я вырос в США? Какая у меня семья? Какие у меня увлечения?

Наблюдая за тем, как лицо Ливви постепенно лишалось всякого энтузиазма, я почувствовал себя дерьмом.

- Мне жаль, Ливви. Ты заслуживаешь лучшего, но я просто не знаю, как, по твоему мнению, нам удастся это преодолеть.

Всю оставшуюся дорогу до отеля она не проронила ни слова.

Добравшись до номера, мы разделись и забрались в кровать. Притянув ее ближе к себе, я практически слышал, как в ее голове крутятся шестеренки.

- Скажем им, что мы оба находимся в программе по защите свидетелей, - сказала Ливви, - что нам не следует быть вместе, но мы не можем друг без друга. Что ФБР хочет воспользоваться твоими показаниями, принадлежащими другой стране. Вот почему Рид задавал им вопросы, а я была так немногословна в отношении того, где проводила свои ночи. Они никогда о нас не расскажут. Насколько Клаудии и Рубио известно, мы встретились на Пасео. Они меня любят, Кaleb. Они сохранят наш секрет.

Я замотал головой.

- Ты, правда, думаешь, что это сработает? Все кажется слишком закрученным.

- Закручено не больше, чем есть на самом деле.

Я внимательно обдумал ее слова. Эта версия имела право на существование, но при условии, что ее друзьям можно было доверять, но я их совсем не знал. Мне придется досконально проверить их, и держать с ними ухо востро. Ливви это не понравится, поэтому сей факт придется от нее скрыть, но так будет лучше, чем в перспективе получить нож в спину. Рафику я всецело доверял целых двенадцать лет, пока не узнал, что этого делать не стоило. И я больше не собирался совершать подобной ошибки.

- Давай подождем, прежде чем озвучивать им версию с программной по защите свидетелей. Постараемся избежать остальную информацию, кроме моего имени, места нашей встречи и того, чем я занимаюсь. И если все пойдет хорошо, позже сможем открыть им нашу 'правду'.

- А что ты собираешься рассказать им о своей работе?

- Что я довольно обеспеченный. Что у меня есть свой трастовый фонд. Что я путешествовал с самого детства, поэтому у меня такой странный акцент. Мне двадцать семь, постоянно в разъездах, и мы встречаемся полтора месяца.

Я поцеловал Ливви в макушку.

- Спасибо, Кaleb.

- Пожалуйста, Котенок.

Потянувшись к груди Ливви, я провел пальцем по соску, и поцеловал ее в шею, когда вздохнув, она отклонила голову в сторону, предоставляя мне лучший доступ. Мои руки скользнули по груди к ребрам, и, добравшись до попки, я накрыл ее руками и сжал.

- Хотя, теперь ты мне должна, - прошептал я у ее шеи.

- Ммм, и чего ты хочешь?

Подражая моим движениям, она сжала мою задницу. Ливви была до странного

одержима моим телом. Но я не жаловался.

- Я хочу несколько вещей.

Я втянул кожу на плече Ливви в рот, и она выгнулась, потираясь своими сосками о мою грудь, и впиваясь пальцами в мой зад.

- Давай начнем с перемещения твоих ручек на более приемлемое место.

Она тихонько хихикнула.

- А мне нравится держать их там, где они есть.

Затем она меня... шлепнула. Это было громко, но совсем не больно. Я рассмеялся.

- Только в твоих розовых мечтах, Котенок. Но если тебе нравится порка, позволь мне показать, как это делается.

Я позволил своей руке с силой опуститься на ее пятую точку. Сила удара подтолкнула ее ближе ко мне.

- Нет! - завопила она, извиваясь в моих руках.

- Нет, Калеб. Ради всего святого!

Она смеялась, но вместе с тем, я чувствовал ее панику. Когда я отпустил ее, она сделала именно то, на что я надеялся – побежала. Сиганув через меня на пол, голая Ливви с визгом понеслась в гостиную. Я погнался за ней.

- Из-за тебя сюда поднимется охрана, - поддразнивал я ее с одной стороны дивана.

Ливви стояла с противоположной, реагируя на каждый шаг, который я делал в ее направлении. Она - наполовину восторженно, наполовину испуганно - истерически хохотала.

- Вот и хорошо. Я скажу им, что ты хочешь меня отшлепать. Извращенец!

- Тебе же это нравится, значит, извращенка - ты!

Толкнув диван, тем самым, выбив Ливви из равновесия, я рванул к ней, но она отскочила назад, и побежала в сторону обеденного стола.

Я заплатил безбожную сумму за номер, и мне было плевать, даже если мы разнесем его вдребезги.

- Хватит меня преследовать!

- Хватит убегать.

Она обежала стол, по пути опрокидывая стулья. Соски Ливви были словно маленькие твердые горошины, и я не мог оторвать глаз от ее полной груди, колышущейся и покачивающейся с каждым ее движением.

- Обещаешь, что не отшлепаешь меня?

Я улыбнулся во все тридцать два.

- Черта с два, я такое пообещаю.

Я внимательно следил за ней, пока она обходила стол, перешагивая через спинки ею же опрокинутых стульев. Если бы я рванул слишком быстро, Ливви могла бы

убежать в спальню, и закрыться в ванной комнате, но по другую сторону стола, ее спина упиралась в стену. Во время ее последнего обхода, я позволил ей насладиться трепетом мнимой победы.

Но тут, я запрыгнул на стол, и, испугавшись, Ливви отпрянула назад, врезаясь спиной в стену. Спрыгнув на пол, я поймал ее в ловушку.

- Попалась.

Ливви тяжело дышала. Я обожал смотреть на то, как она смеялась в то время, как изо всех сил старалась этого не делать. Несмотря на ее очевидную красоту, она часто корчила ужасно смешные рожицы.

- И что ты собираешься делать?

Она обернула ручки вокруг моих плеч, внезапно став очень кокетливой.

- Все, что захочу.

Я целовал ее губы, пока она мне не открылась. Проникая в нее языком, я чувствовал удовлетворение от того, как она стонала, потираясь об меня своим обнаженным телом. Мысли о том, что я ее чуть не потерял, было почти достаточно, чтобы я разозлился. Однако, если близость с Ливви меня кое-чему и научила (а научила она меня многому) - у меня, практически, не получалось злиться, когда она оказывалась в моих объятиях.

За прошлые недели я узнал, что Ливви нравились несколько жесткие игры. И если не анализировать, то по мне такой расклад был в самый раз. Ей нравилось, когда я удерживал ее, и когда был сзади. Ей нравилось, когда я говорил ей, что делать. Ей нравилась порка. Правда, в основном, ей нравилось кончать. И ей было без разницы, как это происходило - лишь бы было. Кроме того, это помогало снять мое напряжение.

Я отступил назад, поглаживая свой член, наслаждаясь тем, как глаза Ливви следили за моей рукой. Ей, и вправду, нравилось за мной наблюдать (при условии, что в кровати другой женщины со мной не было). Губы Ливви были опухшими от поцелуев, и, облизнув их, она стала ждать. Я был просто обязан скоротать это ожидание.

- Положи руки на стол и расставь ноги.

Ее губы растянулись в порочной улыбке.

- Да, Калеб.

Ливви быстро приняла нужную позу.

Проведя рукой по ее длинной, черной, как смоль копне волос, я понял, что когда-нибудь оберну ими свой член и кончу на них.

Убрав волосы в сторону, я возобновил свои прикосновения к ее спине, и улыбнулся, когда опустив грудь ниже, Ливви приподняла свой зад. Скоро я доберусь до него, но для начала мне бы хотелось без спешки изучить ее всю. В этом положении, ее груди казались тяжелее, полнее. Я ущипнул их, и Ливви хныкнула.

Я ущипнул ее клитор, и она простонала. Ее всхлипы и стоны были пищей для моей темной души.

- Ты готова к порке?

Это был не совсем вопрос - скорее предупреждение. Сделав глубокий вдох, Ливви медленно выдохнула. Ее дыхание сбилось от предвкушения.

- Да, Калев.

- Опустись грудью на стол и возмись за его края.

Я терпеливо ждал ее подчинения.

Прекрасная кожа Ливви была лишена недостатков. На ее изящной спине не было никаких шрамов. Она избежала моей участи, и я был безмерно за это благодарен.

Прижав ее одной рукой к своему бедру, второй я нанес первый удар. Звук эхом отдался в тишине. Ливви ахнула, но в остальном, осталась безмолвна. Я смотрел, как ее кожа стала розовой на том месте, где побывала моя рука.

- Уже розовая, зверушка. Как думаешь, сколько потребуется шлепков, чтобы сделать твою попку ярко-красной?

- Не знаю, Калев, - тихо произнесла она. Ее ноги дрожали.

- Может, нам следует узнать?

Кончиками пальцев я провел по отпечатку своей ладони. Ливви снова хныкнула.

- Если это то, чего ты хочешь, Калев.

Я улыбнулся про себя. Я знал, что был свихнувшимся сукиным сыном. А Ливви делала меня еще и *счастливым* сукиным сыном.

Я обрушил на нее еще два удара - один за другим. Вцепившись руками в стол, Ливви не стала сжимать свой зад. Практика, практика, практика.

- Тебе хорошо, Котенок?

Мое собственное дыхание участилось, а возбуждение снесло мне крышу. Голос Ливви наряду с ее извиваниями, толкали меня к высшей точке желания.

- Да, Калев. Пожалуйста, еще.

Я зашипел и в быстром темпе шлепнул ее еще четыре раза. Попка Ливви под моими пальцами ощущалась горячей. Она приподняла свои ноги, извиваясь на столе.

- Уже становится ярко-красной, зверушка.

Я задышался.

- Опустись на полную стопу, иначе заплатишься.

- Да, Калев, - прошептала Ливви.

Она была близка к тому, чтобы расплакаться, и больше не могла терпеть. Мать его, да я и сам больше не мог терпеть.

Своими разгоряченными пальцами, я принялся сзади ласкать ее киску. Простонав, Ливви расставила свои ноги еще шире.

- Ты невозможно влажная, Котенок. Тебе, должно быть, и впрямь, нравится порка.

Скользнув в нее указательным пальцем, я начал медленно двигать им вперед-назад. Ливви задрожала.

- Это мне нравится гораздо больше. Пожалуйста, еще. Жестче.

В меру своих возможностей, она задвигала бедрами, все еще находясь в моей хватке. Ливви сама доставляла себе удовольствие моим пальцем.

- Сейчас ты ведешь себя как плохая зверушка, Котенок. Не *ты* решаешь, когда тебя трахать.

Когда движение моего пальца замедлилось, из Ливви вырвался стон разочарования. Я улыбнулся.

- Кто решает, Котенок?

- Ты, Калевб.

Успокоившись, она расслабилась. Она была миром моего удовольствия, и добровольным соучастником моей нравственной развращенности.

- Правильно, Котенок. Я.

Шлепнув ее еще три раза, я услышал тихий всхлип. С нее было достаточно. С меня тоже. Встав позади нее, я приподнял ее бедра и стал опускать эту влажную киску на свой член, пока не погрузился в нее до самого основания.

- О, Господи! Пожалуйста, Калевб.

Тут же воспользовавшись наличием стола, Ливви стала отталкиваться от него, насаживаясь на меня сама. Это было настолько приятно, что я временно лишился самоконтроля. Такой секс не мог продлиться долго. Не то, чтобы кому-нибудь из нас двоих это было нужно. Я хотел власти, а Ливви хотела сдаться. Собрав оставшиеся силы, я лег на нее сверху.

Мои более шести футов роста (пользуюсь футами для вашего удобства, но тебе, и правда, пора переходить на метрическую систему, Америка) возвышались над пятью и шестьюдесятью футами Ливви. Я накрыл все ее тело, и чтобы не лишать ее доступа кислорода, оперся на локоть, второй рукой схватившись за другой край стола.

- Хочешь жестче, зверушка? Я тебе это устрою.

Двигая своими бедрами, я глубоко проникал в ее тело, почти выходя, но затем возвращаясь обратно, заставляя Ливви хныкать каждый раз, когда подаваясь вперед, дарил ей всего себя. Мы оставались в этом положении до тех пор, пока мой локоть не начало саднить, и мы оба не стали обливаться потом, после чего я перевернул нас так, что Ливви оказалась на мне, объезжая меня до нашего общего освобождения. Впоследствии, она так и уснула на мне сверху, с моим - уже смягчающимся членом - внутри себя. Всякий раз, когда кто-нибудь из нас шевелился, из нее вытекала сперма, но мне было все равно. Я был чертовски счастлив.

Глава 7

В ночь перед Днем Благодарения, я видел сон, в котором Ливви призналась, что больше не может меня любить. Проснувшись в панике, я заставил ее заняться со мной сексом. Кажется, она не возражала.

Праздничный ужин было решено провести в квартире Ливви. Клаудия и Рубио принесли с собой несколько бутылок сангрии, потому как, видимо, это был любимый напиток их небольшой компашки. Я же еще до завтрака начал цедить скотч.

Ливви считала, что то, как я нервничал, было 'мило'. Я и вправду, немного нервничал, но в большей степени от нежелания выстраивать наше общение, поэтому прикинул, что запашок перегара будет держать ее друзей на расстоянии.

Клаудия оказалась тем еще чудом природы - созданием с габаритами эльфа, темными короткими волосами, зелеными глазами и озорной, зловредной улыбкой. Она была еще ниже, чем Ливви, но вы этого не заметите, учитывая ее привычку нарушать личное пространство другого человека. В данном случае, *меня*.

- О, Боже мой, какой ты красавчик.

Держа мое лицо обеими руками, она то поворачивала его из стороны в сторону, то поднимала к потолку. У меня было такое чувство, словно у меня искали вшей, или того хуже - оценивали.

Выдернув свое лицо из хватки, я сердито на нее посмотрел.

- Ой! Какой обидчивый. София мне так и сказала.

Пожав плечами, она протопала в сторону кухни.

Ее парень оказался куда более вежливым. Рубио был привлекательным, в самом нелепом смысле этого слова - он был высоким, но тощим. Его волосы с особой тщательностью были приведены в художественный беспорядок, что считалось модным среди европейской молодежи, а цвет его глаз был такого же оттенка, что и у его девушки. У меня не было никаких сомнений в том, кто выступил инициатором отношений Клаудии и Рубио. По крайней мере, ему хватило чувство такта выглядеть смущенным.

- Прости, она со всеми так делает. Когда мы познакомились, она сказала что я очаровательный, и должен стать ее парнем.

- И ты стал им?

Я взглянул на Рубио. Тот расплылся в улыбке во все тридцать два зуба.

- На ней была облегающая кофточка, и мне были видны ее сиськи.

Я не мог не улыбнуться.

- Тогда ты поступил правильно.

- Я знаю, - хмыкнул он.

День Благодарения - американский праздник. Нам с Ливви пришлось облазить кучу продуктовых магазинов, чтобы найти индейку, которой можно было накормить целую армию, тогда как нам требовалось насытить всего лишь четверых. Однако, увидев, как Ливви извлекает главное блюдо из духовки, и ставит его на плиту, я понял, что усилия оказались не напрасными. Гордость Ливви за ее кулинарный шедевр была очевидной.

- Смотри! Это моя первая индейка.

Присев в реверансе, Ливви протянула ее в руках, демонстрируя свое творение.

- Ей полагается находиться в водной среде? - спросил я.

Еда пахла просто восхитительно, и я не мог дождаться, чтобы приступить к ней, но мне нестерпимо хотелось подразнить Ливви. Это было моим вторым любимым занятием.

- Я не люблю сухую индейку. Ну, может, переборщила с подливой. Хотя, кого я обманываю? Вовсе нет. Ты будешь не просто есть мою гребаную стряпню, но еще и пальцы облизывать.

Отрезав кусочек грудинки, она поднесла его к моим губам.

- Открой рот, герой-любовник.

Обернув руки вокруг ее талии, я притянул Ливви к себе. Она пахла парфюмом и едой.

Открыв рот, я позволил ей себя накормить. Это была самая вкусная индейка на свете - хрустящая снаружи, сочная внутри. Я облизнул пальчики Ливви, когда она потянула их обратно.

- Хмм, неплохо. Я чуть не съел твои пальчики.

Ливви послала мне лучезарную улыбку.

- Значит, я везучая. Мне еще так много хочется ими сделать.

Притянув мои губы к своим, она меня поцеловала. Мой член, оказавшийся между нами, дернулся, давая о себе знать, но Ливви медленно отстранилась, оставив мне один последний поцелуй.

- С нами здесь Клаудия и Рубио.

Я потерялся натянутой шириной своих штанов о ее живот. Разница в нашем росте всегда оставляла мой член в замешательстве - он не мог решить, куда ему податься - в мягкое тепло между ее грудями или влажный жар, ожидающий чуть ниже.

- Они могут смотреть. Может, парень чему-нибудь и научится.

Рассмеявшись, Ливви отстранилась.

- Не все так одержимы сексом, как ты. Сомневаюсь, что они оценят это должным образом.

Я пожал плечами.

- Мы можем спросить.

Именно в этот момент, в тесной кухне появился приглашенный эльф.

- Скажи, что ужин готов! Я умираю с голоду. Я не ела весь день, потому что ты наказала прийти с пустым желудком.

Схватив кусочек с неподалеку стоящего противня, она принялась жевать.

- Ммм, пока еще горячее.

И сунула оставшееся себе в рот.

- Клаудия! Это не для перекуса, ты, сучка.

Ливви шлепнула свою подругу по заднице, и они обе весело захихикали.

Девушки такие странные. Если бы другой мужчина назвал меня сучкой, вдобавок, шлепнув по заднице, это закончилось бы далеко не хихиканьем. Хотя, на мой взгляд, женская половина, по своей природе, более склонна к бисексуальности, чем мужская.

Мысль о том, как Ливви вытворяет очень неприличные вещи с этим эльфом, заставила меня остановиться, и, повернувшись в сторону гостиной, я решил свалить, пока мой член не стал еще тверже. В кухне и без того было мало места.

Войдя в комнату, я увидел распутывающего провода, и подключающего PlayStation Рубио. Я был искренне удивлен, что у него получалось сделать хоть что-нибудь, учитывая надетые на него штаны. Не понимаю мужские зауженные джинсы. Неужели кому-то нравится ходить с зажатыми яйцами?

На секунду, мне стало интересно, что бы по поводу этой моды подумал Рафик, отчего меня тут же охватило непонятное чувство грусти, и я поставил свой бокал со скотчем на кофейный столик. Последнее, что мне было нужно - это пьяные философствования.

- Тебе помочь с этим? - спросил я.

Мне нужно было чем-нибудь отвлечься.

- Нет, я почти закончил. Ты играешь или поешь?

Он повернулся ко мне, и внезапно я ощутил себя очень старым, и далеким от мира, в который вторгся.

- Ни то, ни другое, - ответил я.

Я стоял, чувствуя себя неловко из-за отсутствия спиртного в руке, и ничегонеделания.

Улыбнувшись, Рубио сунул мне в руку пластиковую гитару.

- Можешь начать с гитары. С ней легче, если ты только осваиваешь.

Не дождавшись моего ответа, он включил телевизор, и гостиную заполнила громкая рок-музыка, что показалось мне раздражающим, но я ничего об этом не сказал.

- Что мне делать? - спросил я.

- Сначала тебе нужно определиться с персонажем. Затем, мы выберем песню, и ты будешь нажимать на цветные кнопки в том порядке, в котором они появляются на экране. Я буду играть на ударных.

Рубио казался восторженным, но я его не понимал. До этого момента, я никогда не считал себя социально отсталым.

Выбрав в качестве героя бородатого рокера, я пощупал игрушечную гитару, находящуюся в моих руках. Ну, по крайней мере, сейчас, я чувствовал себя менее неловко.

Определившись со своим персонажем, Рубио приступил к поиску песни.

- Как называется наша группа?

- Секс Винтовки. Это выбор Софии, - рассмеялся он, - по ее мнению, это звучало более в гангстерском стиле, нежели Секс Пистолз.

Я не знал, кем были эти Секс Пистолз, но оценил чувство юмора Ливви.

- Оо, да! Я хочу поиграть, - завизжала Клаудия, присоединяясь к нам в гостиной.

Оглядевшись в поисках Ливви, я ее не нашел. *Пожалуйста, не оставляй меня наедине с этими двумя.*

- А где Л-София?

Я успел остановиться, прежде чем произнести 'Ливви', и обрадовался тому, что эта парочка была слишком занята подсоединением бас-гитары для Клаудии.

- София! Идем играть! - завопила девушка Рубио отвратительно-громким голосом.

Должно быть, я состроил гримасу, потому, она обратилась ко мне.

- Привыкай, красавчик. Если собираешься быть частью нашей группы, тебе придется смириться с подобным невоспитанным поведением. В этой семье нет места вежливости.

Она подмигнула мне, и я улыбнулся.

- Ты меня напугала, только и всего; я не считаю тебя невоспитанной.

Хотя, честно говоря, она была совершенно невоспитанной. Если бы она не приходилась подружкой моему Котенку, я бы научил ее паре-тройке манер. Но, увы, я поклялся Ливви, что не буду мучить людей, которым это не нравится. А что касается семьи - она явно говорила не с тем человеком.

Ливви вошла в комнату, и счастье, которое я увидел на ее лице, заставило мое сердце растаять. Не думаю, что когда-нибудь видел ее такой счастливой, и это вызвало мою ревность к ее друзьям. Я поступился всей своей долбаной жизнью, чтобы быть с ней, но она никогда не выглядела настолько счастливой со мной.

Подойдя ко мне, Ливви поддела ремень от гитары.

- Ты только посмотри на себя. Хорошо справляешься, Секси?

Поднявшись на носочки, она выпятила свои губки, и недолго думая, я нагнулся, чтобы принять ее поцелуй.

- Знаешь, у меня есть имя.

Она улынулась.

- Я помню, Секси.

Повернувшись, она взяла пульт и микрофон.

- Ужин готов, поэтому мы можем исполнить одну или две песни, и отправляться за стол.

- Индейка - пальчики оближешь, Руби. Я рада, что ты познакомился со мной раньше, чем с Софией. У меня никогда не получится накормить тебя такой же вкуснятиной, - сказала Клаудия.

- То, что даешь мне ты, лучше всякой еды, - тихо ответил Рубио, и поцеловал свою девушку в щеку, на что та покраснелась.

Я этих двух даже немного зауважал. Их любовь была очевидной, и я надеялся, что когда-нибудь, нас с Ливви ожидает то же самое... только без зауженных джинсов... или напоминаний о том, при каких ужасающих обстоятельствах мы встретились.

Я почувствовал шлепок по заднице - это была Ливви, посылающая мне серьезный 'ну иди же, трахни меня' взгляд.

- Готов играть, Секси? Убедись, что ты установил начальный режим, иначе тебе придется несладко.

Моя тревога частично рассеялась.

- А тебе лучше не забывать, с кем ты разговариваешь, иначе мне придется тебе напомнить.

- Ох, не могу дождаться.

Ливви сжала мой зад, и я, замотав головой, рассмеялся.

- Ладно, я буду петь 'Глаз Тигра'.

- Ты всегда ее поешь, - проскулила Клаудия.

- Заткнись! Когда придет твоя очередь, выберешь другую. Не смущай меня перед Секси. Я хочу поразить его своим талантом, - сказала Ливви.

- Тогда дай ему почитать свое откровенное чтиво. Уверена, оно ему понравится.

Изобразив своими пальцами кошачьи когти, Клаудия симитировала царапание таким движением, которое ни одному здравомыслящему человеку не показалось бы сексуальным... но, видимо, ему полагалось таковым быть.

- Так вот что ты постоянно печатаешь на своем ноутбуке?

Я широко улыбнулся, будучи уверенным, что запущу свои руки в ее компьютер при первой же возможности. На мгновение, Ливви побледнела.

- Ничего подобного. Забудь об этом. Давайте уже играть.

- Да ладно тебе, София. Эта история безумно интересная.

Клаудия повернулась ко мне.

- Она о девушке, которую...

- Клаудия!

Уже всерьез одернула Ливви, сверля свою подругу взглядом.

- Ладно. Хорошо, давайте играть, - саркастично ответила та.

Мой интерес и без того был возбужден, но после реакции Ливви, я насторожился, как собака на кость. Позже, я обязательно засыплю ее вопросами, но на данный момент, я решил сосредоточить свое внимание на пластиковой гитаре, и нажимании нужных кнопок.

Хорошо, что я был сообразительным, потому как в противном случае, мне пришлось бы туго с потоком то и дело мелькающих на экране цветов. Казалось, что вступление заняло целую вечность, но когда Ливви начала петь, я влился в игру.

Ее голос оказался красивым, сильным, с хрипотцой. Видимо, она была наделена множеством талантов, о которых я и понятия не имел, и мне захотелось узнать о ней

все, что только возможно. Мимолетом я подумал о том, какими талантами обладал я, которыми можно было бы сравниться с ее.

Во время инструментальной части, Ливви повернулась ко мне.

- Ты хорошо справляешься! Я с гитарой - полный отстой.

Я подмигнул ей.

- Пытаюсь сконцентрироваться, зверушка. Если ты не возражаешь.

- Ха! Играй, рок-звезда, не останавливайся.

Она отвернулась на припев, и я задался вопросом, каким образом ее легкие вмещали в себя так много воздуха.

В конце концов, песня закончилась, и моим показателем стали семьдесят пять процентов. Остальные участники группы набрали по девяносто, но наиболее высокую оценку получила Ливви с ее девяноста девятью процентами, чему она никак не могла перестать радоваться. Я никогда не видел ее такой самодовольной, и почувствовал, что при отражении в ней некоторых манер моего поведения, в моей груди зародилось нечто, похожее на гордость. Мы с Ливви прошли столь долгий путь, и мне до отчаяния хотелось узнать, как много мы еще сможем пройти.

Следующей пела Клаудия. Ее более мягкий, лирический голос неплохо справился с песней 'Девять вечера'. Мне было непросто с гитарой, но, по всей видимости, я превзошел Ливви, которая пыталась играть на бас-гитаре всем своим телом. Она высунула язычок, сконцентрировавшись на экране, и не обращая никакого внимания на то, как я пялился на нее при каждом удобном случае. После того, как Клаудия закончила свою песню, и мы все посмеялись над моими шестьюдесятью двумя процентами (у Ливви их набралось шестьдесят пять, но они почему-то решили посмеяться только надо мной - ублюдки), было принято решение отправиться за стол.

Стол Ливви оказался мал для приготовленных угощений и всех гостей, поэтому нагрузив свои тарелки на кухне, мы отнесли их к столу. Для меня все это было так странно. Я чувствовал себя чужаком, даже несмотря на то, что в буквальном смысле этого слова, был ближе к Ливви, чем любой из ее друзей.

Когда все расселись, я взял свою вилку, с намерением добраться до индейки, и стиснул ее, когда Ливви остановила мою руку. Посмотрев на нее, я нарочно прорычал, на что она только улыбнулась, и погладила меня по руке.

- Еще нет, Секси. Это же День Благодарения. Нам следует сказать, за что мы благодарны.

- Я был бы благодарен, если бы мы могли поесть, - проворчал я.

Положив вилку, я оглядел сидящих за столом. Все они мне улыбались. И это было жутким зрелищем. Поверьте мне, я знаю, что такое 'жутко'.

- София, это твой дом, тебе и начинать, - предложил Рубио.

- Хорошо, - сказала Ливви, и сделала глубокий вдох.

- Итак, для начала, я хочу сказать, что благодарна за еду. Не могу дождаться, когда к ней приступлю. Но что еще важнее... я благодарна, что вообще нахожусь здесь.

Она сглотнула, и, увидев, как ее глаза становятся влажными от невыплаканных слез, мне захотелось попросить всех уйти, чтобы я мог целовать ее до тех пор, пока

она не забудет все то, что чувствует. Но вместо этого, мне пришлось сидеть и притворяться, что не я был главным злодеем в ее жизни.

- Этот год был для меня сложным. На прошлый День Благодарения я была совсем одна. Я не знала, что мне делать со своей жизнью, и чего, в итоге, я от нее хотела. Я была... несчастной девушкой с разбитым сердцем.

По ее щеке скатилась слеза.

- София...

Клаудия потянулась к своей подруге через Рубио. Ливви улыбнулась.

- Нет, все в порядке. Я не собиралась плакать. Просто... в этом году я обзавелась двумя прекрасными друзьями, о чем любой человек может только мечтать, собственной квартирой... в самой Испании! И...

Она посмотрела на меня и, черт побери, я почувствовал, как и меня затопили ее эмоции.

- У меня появился ты. Я нашла свое пристанище. У меня есть любящая семья. И за это я глубоко благодарна. Я не знаю, где бы я без вас оказалась.

Ливви утерла слезы, и встряхнулась.

- Фу, простите, я как эмо. Просто люблю вас, засранцев, и все тут. Кто-нибудь, продолжайте.

Я сидел неподвижно на своем месте, пытаюсь понять, что творилось в моей душе. Ливви включила меня в свой список. Она была за меня благодарна. Во мне она нашла свое пристанище. Я чувствовал то же самое, но ни за что бы не смог быть таким спокойным в проявлении своих эмоций. Возможно, если бы мы были наедине, во тьме, мысленно обнаженными, тогда я смог бы ей открыться.

Но все смотрели на меня. Подбадривая, Ливви мило улыбалась. Взгляд Клаудии был гораздо более агрессивный, и практически, вынуждал меня начать. Рубио просто ждал. Он был терпеливым малым. Прочистив горло, я улыбнулся.

- Что ж, мне будет непросто превзойти вышесказанное, но я постараюсь что-нибудь придумать.

Я посмотрел на Ливви.

- Я понимаю, что мы знакомы не так уж и долго, и встречаемся всего полтора месяца.

Она улыбнулась мне с прищуренными глазами.

- Однако, должен честно признаться... что эти шесть недель стали лучшими в моей жизни. Я благодарен за это время, и надеюсь, что к следующему Дню Благодарения..., - я посмотрел на остальных, - я полюблю и вас, засранцев.

Клаудия и Рубио рассмеялись. Я вернул свой взгляд к Ливви. Она смотрела на меня с таким выражением на личике, которого я до сих пор не видел. И оно мне нравилось.

- Я благодарен за вкусную еду, хороших друзей и любовь. Да благослови, Господь, нашу еду и нашу дружбу, - быстро и кратко произнес Рубио.

Нехотя отведя взгляд от Ливви, я улыбнулся.

Клаудия притянула Рубио к себе, и поцеловала его с большей страстью, чем, наверное, полагалось за праздничным столом. Юная любовь. Именно этого я и хотел.

Клаудия прошептала ему на испанском, - Я благодарна за тебя, любимый, - а остальным присутствующим сказала, - я благодарна за мою семью, моих друзей и за все это угощение. А теперь, пожалуйста, давайте уже к нему приступим!

Рассмеявшись, все согласились, что пора начать есть. Взяв свою вилку, я воткнул ее в индейку, и стал жадно жевать.

Это был мой первый День Благодарения, и я тотчас решил, что мы будем праздновать его каждый год. За ужином я слушал, как Ливви говорила со своими друзьями об учебе и просмотренных ими фильмах. Дело дошло до работы Стэнли Кубрика, которую они обсуждали на занятиях. Клаудия и Рубио были его фанатами, но, по мнению Ливви, у этого режиссера отсутствовала способность передавать зрителю основную идею фильма.

- Все это болтовня о *Заводном Апельсине*, как о якобы культовом кино всех времен, и все в таком духе, - начала Ливви с набитым индейкой ртом.

- Две трети посмотревших эту работу, ничего, нахрен, не поняли. Это никакой не шедевр. Большая часть людей, называющих его блестящим - идиоты, которые его не поняли, но притворились, что поняли, лишь бы их не назвали идиотами, что делает их трусливыми идиотами. Фильм мог быть гораздо лучше. Кубрик мог донести свою идею гораздо четче, вдохновившись рядом не придуманных диалогов о человеческой природе, обществе и психологии, как методе лечения. Но вместо этого, всем запомнилась только сцена насилия. Это глупо.

- Должен не согласиться, - сказал Рубио.

- Я думаю, это абсолютно понятное кино о том, что общество не заботит собственное саморазрушение. Его не заботит сама болезнь - оно хочет лечить только симптомы. Общество не заботит то, что Алекс - насильник, или то, что сделало его таким социопатом. Обществу нужно, чтобы его наказали и 'реабилитировали'. Но в нем отсутствует такое понятие, как контроль поведения. Это должен быть выбор, человек должен выбрать в пользу хорошего, и единственное основание, по которому он становится лучше - наличие некой причины. Алекс был насильно реабилитирован посредством терапии отвращения, но вернувшись в общество, и, столкнувшись с насилием, которое в нем до сих пор преобладало, он снова стал насильником. Это часть человеческой натуры. И Кубрик выразил это наилучшим образом.

- Я знаю, о чем был фильм, Руби. Я его поняла. Но *мое* понимание заключается в том, что Кубрик был так увлечен изображением антиутопического будущего, что не успел вложить идею для основной аудитории. Студенты кинематографических заведений и творческие люди не всегда склонны к насилию. Эта идея ничего нового для них не несет. А среднестатистическому зрителю нужно сунуть правду в лицо, иначе он ни хрена не поймет. Почему ты думаешь, Мелу Гибсону так хорошо удалась его картина *Страсти Христовы*? Он, словно молотом, долбанул людей чувством стыда прямо по лицу.

- К черту Мела Гибсона! - вмешалась Клаудия, - и мне плевать, даже если он талантлив. Он - лицемерная задница, и последний человек, который имеет право снимать фильм про Иисуса.

Рубио погладил свою девушку по руке.

- Не нужно кипятиться, Клаудиа. Мы просто обсуждаем.

Рубио посмотрел на меня.

- А что ты скажешь, Джеймс? Тебе нравится Кубрик?

Это был первый раз, когда кто-то назвал меня моим настоящим именем. Оно было таким простым, и не таило в себе значений 'пес' или 'верный ученик'. Это было просто имя. Нормальное имя для нормального человека.

- Эм, я никогда не смотрел этот фильм, и не совсем понимаю, кто такой Кубрик. Но на прошлой неделе мы смотрели *Гарри Поттера*. И он мне понравился.

Улыбнувшись, я отпил немного сангрии. Все покатились со смеху, и Ливви прильнула ко мне, чтобы подарить еще один быстрый поцелуй.

- Прости, Секси. Порой мы варимся в нашем сумасшествии, забывая о других людях. Давайте сменим тему.

- Я не возражаю. Мне нравится слушать, о чем ты думаешь. Я слежу за разговором, и лично мне хочется верить, что человек может измениться в лучшую сторону. Но я считаю, что Рубио тоже прав - у человека должна быть причина для изменений. Он должен верить, что если он изменится, его жизнь станет лучше. Иначе, ему оно не выгодно. Насилие необходимо, если ты живешь в мире насилия.

Мое сердце грохотало. Выражение лица Рубио стало кислым.

- Я никогда не говорил, что насилие необходимо. Я говорил, что его слишком много, и нам надо найти способ обращаться с ним, как с социальной болезнью.

- Этого никогда не произойдет. Даже цветы убивают, Рубио. А человеческое существо куда несовершеннее цветов. Мы все поступаем так, как по нашим ощущениям, мы должны поступать. И если это означает убивать... то так тому и быть. Выживание...

- Это самое важное, - закончила Ливви.

Ее лицо стало грустным. Отложив свою вилку, она встала.

- Этот разговор навеял на меня скуку. Давайте еще поиграем в Rock Band.

Ливви улыбнулась, но улыбка не коснулась ее глаз. Я хорошо знал это выражение и жалел, что вообще открыл свой дурацкий рот.

Мы играли на Play Station еще несколько часов. Я успел подружиться с гитарой, и даже остался собою доволен. Я многое узнал об Америке и американцах, их поп-культуре, но никогда не играл в видео-игры. Это оказалось настолько увлекательным, что на следующий день я решил обзавестись такой же Play Station.

Позже, решив взять с собой больше, чем им полагалось еды, Клаудиа и Рубио отправились домой. На прощание они обняли меня - да, оба - и я подумал, что это было несколько странно. Хотя, я с этим смирился. Я мог бы обниматься... наверное. Нет, все же, это странно.

- Если бы мы находились в Штатах, завтра ты купил бы приставку с хорошей скидкой. Жалко, что в Испании не празднуют Черную Пятницу, - сказала Ливви, повернувшись к крану, и начав споласкивать посуду.

- А это что еще за фигня? - спросил я, открывая посудомоечную машину.

- Это святая традиция, когда тысячи продавцов устанавливают свои торговые палатки вне магазинов, и травмируют психику своим соседям самыми низкими ценами на PlayStation и iPad. Раньше я ходила туда со своей мамой.

Она пожала плечами.

- Думаю, я просто закажу еще одну приставку. Если, конечно, ты не сочтешь более романтичным тот факт, что своей игрой я буду травмировать психику *твоим* соседям? - улыбнулся я.

Ливви рассмеялась.

- Хммм... возможно. Давай посмотрим, кто станет жаловаться на громкую рок-музыку.

Она стукнула меня своим плечом.

- Сегодня ты был молодцом. Думаю, мои друзья в тебя немного влюбились.

Я почувствовал незнакомое покалывание в груди.

- Я старался и сделал все от меня зависящее. Они кажутся неплохими. Клаудия слишком дружелюбна, и я не понимаю, как Рубио передвигается в своих узких джинсах, но очевидно, они тебя любят. Тебе очень повезло, Котенок.

Я сделал паузу.

- Кажется, у тебя нет недостатка в любящих тебя людях.

Ливви мыла кастрюлю, не встречаясь со мной взглядом.

- Калевб, - вздохнула она.

- Мне нравится Джеймс. Наверное, тебе стоит называть меня этим именем. Так меньше шансов, что ты оговоришься среди своих друзей. Я мог бы называть тебя Софией. Мы могли бы, не знаю... притворяться. Притворяться, что нам нормально.... быть вместе. Хотя, я не стану носить эти зауженные джинсы.

Я пытался сохранять течение этого разговора в позитивном русле. У нас был такой прекрасный день, и я не хотел его портить.

Ливви передала мне кастрюлю для полоскания.

- Я думала об этом. И поняла... что, возможно, это хорошая идея. Тебе может показаться странным, но когда они изменили мое имя, я ощутила свободу выбора в том, кем хочу стать. Ливви была грустной девочкой. Ее слишком сильно заботили ненужные вещи, и она позволяла другим людям собою пользоваться. София знает себе цену, и больше ни от кого подобного не потерпит.

Меня не волновали ее слова.

- Ты никогда ничего не терпела. Ты - самый сильный человек из всех, кого я знаю. Даже сильнее меня.

Я сглотнул.

- Но я понимаю, о чем ты говоришь. Рафик назвал меня Калевбом после того, как он...

Я не мог произнести слова 'спас'. Рафик никогда меня не спасал.

- До этого у меня было менее лестное прозвище.

Передав мне очередную тарелку, Ливви встала ближе ко мне. При каждом движении, наши руки соприкасались.

- Какое?

Я произнес имя на арабском.

- Звучит не так уж и плохо. Что с ним не так?

Мне пришлось усмехнуться, чтобы уберечь себя от других эмоций.

- Это означает пес. Меня звали *псом*.

Взяв тарелку у Ливви из рук, я прополоскал ее, и положил в посудомоечную машину, не желая встречаться с ее потрясенным взглядом.

- Почему люди...? Мир чертовски отвратителен.

Перестав возиться с посудой, Ливви обняла меня сзади за талию.

- Я думаю, что ты чудо, Джеймс. И считаю, что ты заслужил быть счастливым. Мы оба заслужили.

Я продолжал полоскать тарелки.

- Не уверен, что ты права, София. Я знаю, что ты заслужила счастье. И кого-нибудь... лучше меня, но я эгоистичен. Я хочу тебя. И хочу настолько сильно, что пытаюсь быть тем самым лучшим. И все-таки, я не удивлюсь, если ты решишь, что этого слишком мало, и уже слишком поздно. Я не стану находиться здесь дольше, чем ты того желаешь. Клянусь.

Я не упомянул, что в этом случае, я сойду, мать его, с ума. Ведь я совершенно не знал, что буду делать, если Ливви не захочет быть со мной. Мне не к чему было возвращаться, кроме убийств и контрабанды. Разве я стал лучшим человеком? Наверное, нет. Я становился лучше, только когда жил ради Ливви. Я чувствовал себя бомбой с часовым механизмом.

- Тогда я тоже эгоистична, потому что хочу тебя ничуть не меньше. Я знаю, что происходящее между нами выходит за рамки человеческого понимания, ну а как иначе? В этом мире мы друг друга не знаем, но я видела тебя в худших твоих проявлениях, и знаю, что ты делал все, чтобы меня защитить. Пока этого достаточно. Остальное придет.

Поцеловав меня в спину, она вернулась к посуде.

- Понимаешь, для меня это немного. Во всяком случае, хорошего. Что еще ты хочешь узнать?

Я был уверен, что мое лицо плохо скрывало испытываемое мною смущение.

- Я знаю, что нам обоим нравится *Гарри Поттер*. И тебе нужно выпить, чтобы встретиться с моими друзьями, потому как ты нервничаешь. Когда ты молчишь, ты следишь за разговором, а когда говоришь, оставляешь дельные комментарии. Ты любишь читать так же, как и я. И я уверена, что никогда не увижу тебя в зауженных джинсах.

Рассмеявшись, Ливви толкнула меня своим бедром.

- Я знаю, что ты быстро учишься. Ты справился с игрушечной гитарой всего за несколько часов. Ты помогаешь мне с посудой. Я многое узнаю о тебе, Джеймс. И мне это нравится.

- За этими словами должна последовать сцена, где я хватаю и трахаю тебя перед раковиной, но должен признаться - я переел! И не могу дождаться, когда переоденусь в пару свободных штанов, и прилягу.

Мы посмеялись.

- Это все индейка. Именно она вызывает всеобщий сон. А завтра мы весь день будем ее доедать. Так хорошо.

Бросив на меня беглый взгляд, Ливви расплылась в озорной улыбке.

- Но будь уверен, что я попрошу трахнуть меня прежде, чем накормлю.

- Попросишь меня? - произнес я, сквозь смех.

Ей никогда не нужно было меня просить.

- Может, стану умолять? - промурлыкала она.

Мой член дернулся.

- Что ж, думаю, ты *хорошо* меня знаешь.

Глава 8

- У тебя есть планы на Рождество? - спросил я у Ливви.

Вручив мне стакан кофе, она сделала глоток из своего. Температура воздуха постоянно падала, но улицы города по-прежнему были переполнены потенциальными покупателями. Мы же с Ливви без пакетов с покупками, немного не вписывались в окружающую картину. Она послала мне ослепительную улыбку.

- Да. Я планировала провести большую часть праздничного дня, намертво приклеенной к твоему телу.

Она скользнула одной ладонью, одетой в рукавицу, по моему пальто, и я рассмеялся.

- Ну что ж, я уже в предвкушении. Я специально обернусь в подарочную упаковку.

Притянув Ливви к себе, я поцеловал ее более страстно, чем это полагалось делать на публике. Ее губы были холодными, но внутри ее ротик был теплым, слабо отдавая вкусом сладкого кофе.

- Я имел в виду других людей. Может ты планировала отпраздновать с кем-нибудь еще?

На ее лице появилось странное выражение.

- Нет. Только мы. Клаудия и Рубио отпразднуют со своими семьями. Они побудут вместе всего лишь несколько часов, потому как Рубио живет в Мадриде. Клаудия пригласила нас к своей маме домой, но я решила, что тебе не захочется ехать.

Честно говоря, и мне не хочется. Хотя, мы могли бы собраться все вместе на Рождественский Сочельник. А почему ты спрашиваешь?

Взяв Ливви за руку, я повел ее в людской поток, направляясь в сторону очередного торгового блока. Эта была ее идея отправиться за покупками, но она до сих пор ничего не купила.

- Я никогда не праздновал Рождество. Вообще-то, это касается многих праздников. И раз уж мне понравился День Благодарения, я мог бы... пополнить свой список праздников.

- Правда? - восторженно произнесла Ливви.

- Это же замечательно, Секси! Но теперь мне стыдно, потому что я не купила тебе подарок. А раз уж это твое первое Рождество, мы должны провести его по всем канонам. Я думала, ты не станешь его праздновать, поэтому не хотела поднимать эту тему. В том смысле, что если его не празднуешь ты, то и мне он ни к чему.

Заметив скрытую грусть в голосе Ливви, и предположив, что это было связано с отсутствием ее семьи, мне до странного захотелось ее об этом спросить. Меня не волновала ее мать - я знал, что у нее были родные братья и сестры, но понятия не имел, общалась она с ними или нет. Хотя опять же, отношения Ливви с ее семьей не сулили мне ничего хорошего.

- Ты уже дала мне больше, чем у меня когда-либо было. Тебе ведь не хочется меня избаловать, так? - я одарил ее своей самой непристойной улыбкой.

Ливви искоса на меня посмотрела.

- Избаловать тебя? Я об этом даже и не *мечтала*. Ты и без того, как здоровый гвоздь в заднице.

- Прости, я думал, что был нежным.

Я напрягся для возможного удара. Ливви могла быть буйной маленькой штучкой.

- Не будь таким пошлым! - пожурила она.

Ливви было трудно воспринимать всерьез, когда она смеялась.

- Мне интересно, удастся ли нам найти рождественскую елку. Как правило, их выставляют после Дня Благодарения, но должны быть миллионы торговых центров, где они все еще продаются. Спрошу у Клаудии. Обычно, она разбирается в таких вещах. С тех пор, как я сюда приехала, я многое узнала, но поскольку я *не* местная, иногда мне бывает, нужна помощь. Ха! Однажды я заблудилась...

Ливви, казалось, была полностью поглощена своим односторонним разговором. Признаюсь, я ненадолго отключился. Я думал, что пока мы находились в Мексике, я изучил все черты ее характера, но у меня стало появляться такое ощущение, что это была только верхушка айсберга. И мне очень нравилась идея новых открытий, даже если они сводились к тому, что Ливви была такой же болтушкой, как и Клаудия.

- Я подумал совершенно о другом, - прервал я.

К огорчению следующего за нами потока людей, пытающегося добраться до магазина с морепродуктами, Ливви остановилась.

- О чем ты подумал?

Она выглядела несколько встревоженной, и я не мог понять причину.

- Почему у тебя такое лицо?

Заматав головой, она расплылась в слащавой улыбке.

- Ничего. *Правда*. Просто... что ты собирался сказать?

Ливви улыбнулась немного более искренне.

- Ты о чем-то подумала. Скажи мне, что это было.

Я сделал глоток своего кофе. Раньше я никогда не был почитателем этого напитка, но стал понемногу к нему приобщаться. Обычно, Ливви пила его за завтраком. Она выдохнула.

- Не знаю, я думала, ты скажешь что-нибудь о том, что тебе... хочется увидеть своих друзей. Или что-нибудь еще.

- Ого, - воскликнул я, - думаешь, у меня есть друзья? Мало того, друзья, с которыми я хотел бы провести праздники.

Мне пришлось громко рассмеяться над нелепостью этих мыслей.

- Ну, не друзья, а... знаешь, знакомые.

Изогнув свою черную бровь, она с подозрением склонила голову набок.

- Все это я оставил позади, Ливви, и ты это знаешь, - спокойно произнес я.

- Я думала, что впредь ты будешь называть меня Софией.

Она посмотрела вниз на свою обувь, пиная воображаемый камушек.

- Но этот вопрос задавался не Джеймсу, так? - я сохранял тон своего голоса веселым.

- Ты прав. Прости, Джеймс.

Она шагнула ближе, и игриво стукнула своим кроссовком по носу моего ботинка.

- Ты меня прощаешь? Я по-прежнему получу свой подарок?

Рассмеявшись, потому как ничего другого мне не оставалось, я пришел к пониманию того, что наши отношения будут чередоваться вспышками прошлого, вытесняя всю радость настоящего. И моей единственной надеждой было то, что с течением достаточного количества времени, мы с Ливви выстроим новые воспоминания, способные перекрыть наше начало.

- Да, в отношении и первого, и второго. Я слишком рад твоему подарку, чтобы позволить тебе испортить для нас этот момент.

Пристально посмотрев на меня, Ливви улыбнулась.

- Значит, это для нас обоих, так? То есть, это не белье? Потому как это будет подарком скорее для тебя, чем для меня. Я не говорю, что не стану его носить, но в таком случае, буду настаивать еще на одном подарке.

- Ты смешная.

Я продолжил свой путь, и Ливви торопливо последовала за мной.

- А ты сексуальный, - прошептала она, и положила мою руку себе на плечи.

В таком положении было неудобно ходить, но я не возражал.

- Да, я знаю. И это проклятье. В любом случае, я надеялся, что на Рождественскую неделю ты сможешь отпроситься с работы. Я хочу отвезти тебя в Париж.

Притянув Ливви ближе, я поцеловал ее в макушку. К моим губам прилип розовый пух от ее шапки, поэтому, подняв руку с ее плеч, я его убрал. Боковым зрением я заметил, как за мной и Ливви наблюдает пожилой мужчина. Я бы не обратил на него внимания, но он был один, без пакетов с покупками, и вообще с пустыми руками. Увидев, что я перехватил его взгляд, мужчина склонил голову в приветствии, после чего повернулся к витрине. С настороженностью, я вернулся к Ливви. Этот человек был совершенно незнакомым, и едва ли выглядел опасным. Я оставил полный преступлений мир в прошлой жизни - пожилые мужчины были всего лишь пожилыми мужчинами.

- *Париж?* Когда тебе надо, ты можешь быть таким дьявольски милым. Я уже была в Париже - в прошлом году.

Пока мы шли, Ливви радостно подпрыгивала.

- Хотя, наверное, могла бы отпроситься с работы. Для этого уже поздновато, но мистер Джованни в таких вопросах очень добрый. Я студентка, так что не думаю, что он многого от меня ждет.

- Джованни... он симпатичный?

Иногда мне казалось, что Ливви была окружена одними мужчинами: Рид, Марко, Рубио, а теперь еще и Джованни.

- Разве что только в высоком, смуглом, и иностранном смысле этого слова. Но, в целом, он не в моем вкусе.

Она широко улыбнулась.

- Сучка, - я шлепнул ее по заднице.

Пока мы шли, на нас стали оборачиваться люди. Вспомнив о пожилом мужчине, и о том, как он за нами наблюдал, мне стало немного легче. Скорей всего, мы с Ливви просто привлекали к себе внимание, а некоторые покупатели, видимо, даже наслаждались нашими заигрываниями.

- Как бы то ни было, я знаю, что ты была в Париже. Я прочел это в письме, которое ты отправляла своей подруге.

- Не напоминай мне, - сказала Ливви.

- А я тебе *напоминаю*. И кажется, тебе там не очень понравилось. Ты была одна, а какой-то сукин сын стащил твой кошелек. Вот я и подумал, что мы могли бы отправиться в Париж вдвоем, и оставить об этом городе новые воспоминания. Мне никогда не доводилось быть настоящим туристом, а это может быть весело. Что скажешь?

Я сделал несколько глотков кофе, довольный тем, что он успел хорошенько остыть. Глаза Ливви сказали все, что мне нужно было знать - они горели ярким, восторженным огнем.

- Скажу... что ты восхитительный, Джеймс. Никто не делает меня такой счастливой, как ты.

Взяв меня под руку, она положила свою голову на мое предплечье, и удовлетворенно вздохнула, что согрело меня лучше любого кофе.

- Тогда решено. Я все организую. Мы остановимся в лучшем отеле, и будем есть в самых лучших ресторанах. Мы посетим самые лучшие места, и будем заниматься самым лучшим сексом.

Я был шокирующе легкомысленным. Раньше за мной такого не наблюдалось. Но я старался в это глубоко не вникать, несмотря на не унимающуюся тревогу, постоянно атаковую мою мысли предупреждениями о том, каким опасным могло быть счастье.

- А со мной будет самый лучший парень на свете!

Ливви слегка подпрыгнула и пролила свой кофе на пальто и рукавицу.

- У-у! Моя рукавичка совсем намочилась. Ну, по крайней мере, я не обожгла себе руки.

Остановившись у очередного мусорного контейнера, мы выбросили кофе. Ливви стояла неподвижно, пока я старательно очищал ее своими перчатками. Закончив, я снял их и выбросил вместе с ее рукавицами.

- Это первый раз, когда ты назвала меня своим парнем, - тихо упомянул я.

- Купим новые перчатки в том магазине, - указал я, - к тому же, было бы неплохо обзавестись обновками для поездки в Париж. Мне, пожалуй, даже нравится идея о тебе в нижнем белье.

Наклонившись, я поцеловал Ливви в губы. Решив углубить наш поцелуй, она положила свою руку мне на затылок, и прижала свои губы к моим один, второй, третий раз, пока я не открылся для ее языка.

С развитием наших отношений, ее поцелуи из робких превратились в неистовые. Я был удивлен, узнав о своем возрастающем пристрастии к дерзости Ливви. В прошлом, она была такой застенчивой, и я обожал играть с ней в Серого Волка и Маленькую Красную Шапочку.

Я поднял ее на руки, и она обернула свои ноги вокруг моей талии. Потоптавшись на своих детях, мимо нас пронеслась мамочка, называя наше поведение возмутительным. Схватив Ливви за попку, я сжал ее, и только потом отстранился от поцелуя, ставя ее на землю и поправляя свое пальто.

- Так я буду целовать только своего парня, - тяжело дыша, хихикнула Ливви.

Я оставил ей еще один поцелуй, умудрившись сдержать его в рамках приличия.

- Согласен. Эти губы официально принадлежат мне, и моими останутся. И если я когда-нибудь увижу их рядом с другим мужчиной, ему лучше оказаться твоим родственником.

Я был совершенно серьезен.

- Тебе удастся произносить самые романтические слова самым жутким из возможных способов. Не знай я тебя, испугалась бы, - сказала она и подмигнула.

- Ха, а я все еще могу быть страшным.

- Но не для меня, - прошептала Ливви.

Я почувствовал, как в моей груди кольнуло.

- Ты - исключение.

Я указал подбородком на магазин, о котором говорил ранее.

- Может, займемся настоящими покупками, или этим шопинг-туром мы только и собираемся, что развращать маленьких детей?

- А разве мы не можем делать и то, и другое? - произнесла Ливви с такой серьезностью, что мне пришлось постараться, чтобы сохранить спокойное выражение лица.

Интересно, а другие пары подкалывают друг друга так, как это делаем мы? Я так не думаю.

Мы вернулись в квартиру Ливви с таким количеством пакетов, которые только могли унести. Сначала она было заволновалась о том, что не может позволить мне оплачивать свои покупки, но я быстро напомнил ей, что будучи ее парнем, имею право осыпать ее подарками. Я сказал, что упустил возможность поухаживать за ней должным образом, и было справедливо разрешить мне восполнить этот пробел. Думаю, для одного дня, суммы в полторы тысячи евро было достаточно.

Ливви накупила сумок, обуви, коктейльных платьев, новых перчаток и достаточно белья, которое я буду сдирать с нее в течение ближайших нескольких недель. В частности, пару кружевных трусиков, которые я жаждал разорвать зубами. Ох, а еще возбудивший мой особый интерес, красный пеньюар без чашечек. Я искал к нему накидку в тон, но так ничего и не нашел. Непреодолимое желание напасть на Маленькую Красную Шапочку, должно было подождать.

- Ты голоден? - спросила Ливви.

Я с трудом ее расслышал, вываливая пакеты в гостиной. Ливви направилась в спальню.

- Да, - крикнул я, - но не думаю, что в твоём буфете найдется...

- Тогда иди сюда и полижи мою киску! - перебила она меня.

- Маленькая сучка, - пробубнил я на выдохе и рассмеялся.

Она меня достала.

- Ты заплатишься за это, зверушка! - прокричал я, направляясь в спальню, по пути избавляясь от своих перчаток, пальто, и рубашки.

- Я собираюсь промыть твой пошлый ротик своим членом.

Я услышал, как в прилегающей ванной комнате включилась вода. Скинув обувь, я расправился с ремнем, и спустил по ногам оставшуюся одежду.

- Оооой, я таааак боюсь, - поддразнивала Ливви.

Она уже была в душе, намыливая части тела, которые я собирался лизать. Ингредиенты улетного коктейля от Секси: Одна Ливви и просто добавь воды.

Забравшись в душ, я не стал терять времени даром. Схватив Ливви за намокшие волосы, я толкнул ее спиной к стене душа. Вода была горячей, обжигая мою холодную кожу. Мне нравился этот контраст.

- Кем ты себя возомнила, отдавая мне приказы? Разве я не учил тебя манерам?

Своим языком я оставил горячий, влажный след на ее шее, членом скользя по ее животу.

- Я не запомнила, - задыхалась Ливви у моего уха, - научи меня еще раз.

Ее слова заставили мой пульс участиться. Пока мы находились в Мексике, я был свидетелем единичных проблесков ее дерзости. Однако, они оставались именно проблесками. Ливви, с которой я встречался, разительно отличалась от Ливви, которую я держал пленницей. Спустя много лет собственного порабощения, или, наоборот, сокрушения неповиновения других, меня потрясло, насколько, в отношении нее, я наслаждался и тем, и другим. И все же, несмотря на попытки Ливви играть на моих нервах, ее действия указывали на обратное. Я начинал видеть, что ее слова произносились не для того, чтобы поставить меня на место, а для того, чтобы побудить меня к действиям менее...джентльменского характера.

- Это все твой рот.

Я стал оставлять на ней легкие поцелуи, практически чувствуя ее раздражение от ожидания чего-нибудь более жесткого.

- Он всякий раз доставляет тебе неприятности.

Еще один легкий поцелуй, и еще. Ливви издавала тихие звуки разочарования. Она попыталась наклониться и углубить поцелуй, и именно в этот момент, я напомнил ей о своей руке, с силой сжимающей ее волосы. Она поморщилась.

- Больно? - прошептал я у ее губ, оставив еще один поцелуй.

Она издала еще один звук досады, и я почувствовал тепло ее рук на своих бедрах, притягивающих меня к ней. Подняв свою свободную руку, я провел пальцем по ее губам.

- Я задал тебе вопрос, зверушка и ожидаю получить на него ответ.

Пальцы Ливви еще сильнее впились в мои бедра. Ее глаза были слегка прикрыты. По какой бы то ни было причине, она никогда не могла выдержать моего прямого взгляда. И позволял я ей это только потому, что мне нравилось, как она отказывалась от самоконтроля каждый раз, когда была ослеплена. Я подумал обо всех случаях, когда надевал на нее повязку, чтобы достигнуть подобного результата.

Язычок Ливви непристойно лизнул мой палец, очерчивающий ее губы. Она *никогда* не была такой наглой в Мексике - не без предварительного напоминания о ее потребности в выживании. Но сейчас все было по-другому. Она хотела меня. Хотела отдать себя мне. Я чувствовал себя недостойным принять такой подарок, но это не остановило меня, и я жестко прижал ее к своей груди.

Долгие секунды прошли без ее ответа.

- Делай то, что собираешься делать.

Ее голос стал грубее от похоти. Я медленно опустил ее на пол, с силой сжимая ее волосы. Она быстро покорилась, единожды вскрикнув, тем самым, выдав свое удивление.

- Я сказал, что собираюсь промыть твой пошлый ротик своим членом.

Обернув ладонь вокруг своей затвердевшей плоти, я провел головкой по ее губам.

- Открой рот.

Облизав свои губы - когда желание, пронзившее все мое тело, усилилось в своей интенсивности - я смотрел, как Ливви с вызовом сжала свои губки. Она стала оставлять на головке моего члена легкие поцелуи, медленно спускаясь вниз по стволу. На эту картину было приятно смотреть, но никакого удовлетворения она не обещала. Если Ливви хотела получить урок, я был просто обязан ей его преподать.

Я покачал своей эрекцией перед ее лицом, и она расплылась в порочной улыбке. Грубо сжав ее волосы, я заставил ее ахнуть, и, воспользовавшись этим, проник в ее рот. Тепло. Я погрузился в него глубоко. Внутри было жарко, и по моей коже проносились вибрации с каждым удивленным вздохом, который Ливви пыталась сделать.

Я слегка толкнулся в нее, наблюдая, как ее губы растягивались вокруг моей плоти, а моя длина исчезала в пламени ее податливого рта. Я погрузился еще глубже, пока ее зубки не стали царапать мой член, а горло Ливви не сжалось вокруг его головки. *Да! Вот так.*

Знаю, что многие женщины не любят минет, но Боже, я преклоняюсь перед теми, кто его делает.

На мгновение, мне показалось, что я потеряю сознание от ощущения теплого, влажного, тугого ротика Ливви. Это ощущение было почти болезненным, чтобы из него вырываться. Каждая клеточка моего тела *кричала* о том, чтобы я толкнулся в нее жестче, глубже, и начал жадно трахать, но я этого не сделал. Я быстро вышел из нее. Ливви задышалась. Шумно. От ее вспухших губ до головки моего члена тянулась длинная полоска слюны.

- Еще? – спросил я, на что Ливви кивнула, и я снова скользнул в нее.

Она всосала мой член, и мои бедра задрожали. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не действовать слишком грубо. Убрав руки от Ливви и своего члена, я уперся ими о впереди стоящую стену. Скорее почувствовав, чем услышав ее благодарный вздох, я был вознагражден, когда ее ручки обхватили мой зад, и она еще глубже вобрала меня в себя.

- Блять!

Я позволил себе замедлить этот момент. Я хотел остаться в нем. Это было так чертовски приятно. Но когда ее рвотный рефлекс дал о себе знать, я быстро отстранился. Больше одышки. Больше слюны. Я увидел, как переведя дыхание, Ливви открыла глаза, в которых стояли слезы, но я знал, что она не плакала. Она любила пошалить. Подавшись вперед, она потерлась головой о мое бедро. Трудно объяснить те чувства, которые я испытываю всякий раз, когда Ливви выражает себя подобным образом. Если бы я был волком, я бы завыл. Львом – зарычал. Если бы мы жили в джунглях, я бы принес ей и волка, и льва для пиршества.

Опустив руку, я погладил ее по влажным волосам. Она повернула свое личико к моей руке, и, смотря на меня умоляющим взглядом, стала осыпать мою ладонь поцелуями. В голове промелькнула мысль: *Она любит меня или то, что я с ней делаю?*

- Скажи мне, чего ты хочешь, - сказал я.

Это был не вопрос. Глаза Ливви не оставляли мои, поэтому мне было несложно увидеть вспыхнувшую в них уязвимость.

- Сделать тебя счастливым, - ответила она.

Ливви казалась неуверенной, и я не мог понять почему.

- Я счастлив, - ответил я.

Я знал, что мог надавить на нее еще сильнее, но был против этого.

Подняв Ливви на дрожащие ноги, я поцеловал ее так, как она того хотела. Прервав поцелуй, я произнес, - Повернись и расставь ноги.

Она сделала так, как было сказано, пока я перестраивал свое габаритное тело в этом маленьком пространстве. Душевая кабина Ливви, и в правду, была рассчитана на одного человека. Я умудрился усесться на пол, придвинувшись лицом к ее разведенным бедрам. Поцеловав ее клитор, я скользнул в сладкую киску языком, и довел ее до оргазма. Как только Ливви кончила, я потянул ее к себе, чтобы она, наконец-то, оседлала мой член. Мое сердце вздрогнуло. Этого было достаточно, сказал я себе. То, что было у нас с Ливви - достаточно, и, я не обратил внимание на свое сердце, когда оно пропело: *Пока что.*

Поцеловавшись, мы с Ливви занялись сексом. Сердце довольно молчало.

Глава 9

Париж - чудесный город, даже зимой. Он представляет собой восхитительное сочетание старого и нового. Это одно из немногочисленных мест, где вы можете увидеть пятивековое здание со Старбаксом внутри.

Однако, в самом популярном в мире мегаполисе, скопление туристов отвлекает от впечатлений. Во всяком случае, меня. Как правило, люди мне не нравятся, а когда они прижимаются в переполненном пространстве - они нравятся мне еще меньше.

Это был наш второй день в Париже, и Ливви настояла на том, что нам нужно посетить Лувр. Благодаря щедрому вознаграждению, нам удалось обойти очередь, и посмотреть на *Мона Лизу*, не попав в эпицентр уже находящейся в музее толпы.

- Хотелось бы рассмотреть ее получше. Стекло мешает увидеть детали. Но все же, картина потрясающая. Что думаешь?

Подняв голову, Ливви вытянула шею, чтобы увидеть меня. Я нахмурился (что, по-видимому, делал часто).

- Думаю, что этому стоящему позади меня придурку, следует поторопиться сделать свое смазанное фото, и перестать тыкаться в меня, иначе я вознамерюсь создать произведение искусства прямо из *его* рожи.

Улыбка Ливви превратилась в неодобрительно сложенные надутые губки.

- Здесь столпотворение, Секси. Парень в этом не виноват. По крайней мере, мы стоим впереди. В свой прошлый визит я оказалась где-то в середине, и сквозь туристов ничего не увидела. Меня толкали со всех сторон. В конце концов, я просто развернулась и ушла.

Ливви облокотилась о небольшое ограждение, чтобы присмотреться.

- Что ж, эта идея таит в себе обещание.

Пока Ливви не смотрела, я стрельнул взглядом в позади стоящего парня, на что тот поднял руки и опустил голову в знак извинения. В своем жесте он оказался таким милым, что мне стало неудобно за свою злость. Это был результат нахождения с Ливви. Прежний я сказал бы, - *Ага, ты извинился. Теперь, проваливай.*

Почувствовав тычок в грудь, я повернулся и увидел Ливви, явно заставшую меня на месте преступления.

- Будь. Вежливым. У меня нет желания отправиться в каталажку *Les Mis* в своих дорогих шмотках. Там *les*биянки сожрут меня с потрохами.

Она широко улыбнулась.

- Две шутки в одном предложении, - произнес я безразличным тоном, - немного перестаралась. К тому же, произносится *lay*, а не *les*.

- Все равно, было забавно.

Раскрасневшись, Ливви прижалась к моей груди, отчего я, наконец, рассмеялся. Мне понадобилось немало времени, чтобы понять, насколько ловко она управляла моим настроением. Ливви заставляла меня забывать о моей злости, делая это так, что я даже не замечал.

Взяв ее за руку, я повел нас через толпу к менее популярным художественным работам. Как и большинство людей, я не разбирался в искусстве, но разбирался в том, что мне нравится. Лично мне пришлось по душе некоторые менее 'прославленные' картины, нежели *Мона Лиза*, и честно говоря, в ее улыбке я не нашел ничего таинственного. Гораздо больше меня привлекла *Осень* кисти Джузеппе Арчимбольдо. Этот художник, для изображения мужского портрета, соединил овощи и фрукты, заставив меня задуматься о жизни и смерти. Все вокруг созревало и погибало. Я подумал о своих двадцати семи годах. Знание этого факта несло определенные последствия.

После Лувра, мы пообедали в небольшом кафе в шаговой доступности от музея. Отель предоставлял нам учтвого водителя, но, по мнению Ливви, было кощунственно пользоваться такого рода сервисом. Пешие прогулки, определенно, были в стиле парижан, а, значит, составили обязательную часть нашего туристического опыта.

Мне было не привыкать к ходьбе, но в отношении данного вопроса у меня имелись другие соображения. И к тому моменту, как мы добрались до Эйфелевой башни и Триумфальной арки, я был готов затолкать Ливви в такси. Но, конечно же, нам непременно нужно было добраться до самого верха башни.

Ливви, будучи прекрасной, молодой, активной девчонкой, фонтанировала энергией и улыбками. К ее счастью (и моему несчастью), ее радость была

заразительной, что уберегло меня от пренебрежительных высказываний по поводу туристических маршрутов.

- Отлично! В этот раз работают лифты! - воскликнула она.

Я отпихнул Ливви от билетной кассы до того, как подошла ее очередь.

- Прости, Котенок, но я в эту штуковину ни ногой. Что если она сломается? Ты, правда, хочешь застрять в маленькой коробочке с толпой незнакомцев? Лично меня эта идея совсем не привлекает.

Мне не нравятся тесные пространства, если только они не тугие, влажные и теплые.

- Ооо, у тебя клаустрофобия?

Ливви скорчила насмешливо-грустную мордашку.

- Следи за собой, Котенок. Мне бы не хотелось отшлепать твою попку на глазах у всех этих людей.

Притянув Ливви к себе, я подарил ее заднице увесистый шлепок. Кто-то, из проходящих мимо, хихикнул. Ливви рассмеялась.

- Не могу поверить, что ты это только что сделал.

- Позже, я планирую сделать гораздо больше, - прошептал я ей на ушко, и для пущей уверенности, прикусил за мочку.

Пискнув, она от меня отпрянула.

- Я только надеюсь, что у меня останется достаточно энергии, после того, как мы преодолеем все эти долбанные ступеньки.

- Серьезно? Ступеньки?

В конце концов, Ливви сама канючила по поводу того, что простые пути для дураков.

- Да. Ступеньки. Это тебе за то, что заставила меня обойти весь Париж. Надеюсь, когда мы окажемся на самом верху, твои ноги и бедра будут изнывать от боли и усталости... но от этого станет только интереснее, когда я заставлю тебя оседлать.

Сморщив свой носик, Ливви рассмеялась.

- Ты жесток, - сказала она.

- А ты была бы со мной, если бы я был другим?

В ответ я получил более, чем подозрительный взгляд.

- У тебя есть что-нибудь в карманах пальто?

Ливви проверила их содержимое.

- Нет. Я взяла с собой только паспорт, но ты его забрал.

- Вот и хорошо. Не хотелось бы, чтобы тебя снова обокрали.

Поцеловав Ливви в лоб, я направился к ступенькам.

- А что, если обворуют тебя?

- Хотел бы я на это посмотреть, зверушка.

Я даже немного надеялся, что кто-нибудь на такое отважится.

Я становился безумно голодным до противостояний. Прошло несколько месяцев с тех пор, как я участвовал в подобного рода столкновениях, и был удивлен, осознав, как сильно мне этого не хватало. Я отодвинул эту мысль подальше, наверное, уже в сотый раз.

Пока другие втискивались в лифт, мы с Ливви начали свое восхождение по лестнице. И практически сразу же я пожалел о своем решении надеть брюки и классические туфли. На ступеньках лежал тонкий слой льда, и с каждым шагом становилось все более скользко.

- Вот и топай в новых замшевых *Mary Janes*. Клянусь, если я умру, я буду очень сильно на тебя злиться.

Ругаясь, Ливви преодолела еще один лестничный пролет.

- Как будто я позволю чему-нибудь с тобой произойти. Получилось бы офигительно напрасное спасение, тебе так не кажется?

Я знал, что моим мучениям не будет конца. Вдобавок к своему подъему, я подталкивал Ливви, помогая ей справляться со ступеньками.

- Офигительно? Никогда раньше не слышала от тебя этого слова.

Она рассмеялась.

- И хотя я ценю рыцарство, но я абсолютно уверена, что мое спасение пошло на пользу и тебе.

- Это распространенное выражение. Кроме того... - я потянулся, чтобы удержать Ливви, когда она соскользнула с одной ступеньки. - Ты в порядке?

- Да, в полном. А если серьезно, Джеймс, *пожалуйста*, давай сядем в лифт, когда поднимемся на первую платформу. До самого верха больше тысячи ступенек.

Ливви обернула свои ручки вокруг моей шеи, пытаясь отдышаться. Ее лоб был взмокшим, а щеки красными от холода.

- Пожалуйста?

Она начала оставлять на моей холодной щеке легкие поцелуи.

- Умоляю.

Я рассмеялся, взглянув на ее озорную улыбку, и приподнятые брови.

- Я подумаю, - пробормотал я.

На самом деле, мне не хотелось садиться в этот чертов лифт. Я пользовался им в случае крайней необходимости, и только когда был один.

Моя дебютная поездка в лифте состоялась в первые годы проживания с Рафиком. У него были дела в Карачи и он взял меня с собой. Тогда мне было шестнадцать, или около того. Рафик не предупредил меня, что гребаное устройство будет двигаться, и когда я вышел из этого ящика смерти, меня вырвало прямо в коридоре. В результате, я не только не сопровождал Рафика на встрече, но еще и все время отсутствия своего наставника, по его указанию, катался в лифте вверх-вниз. Мне понадобилось семь или

восемь поездок, и угроза от охранника в причинении мне тяжких телесных повреждений для того, чтобы я перестал орать, пока лифт скользил между этажами.

- Ты - самый лучший парень на свете. Ты разрешаешь мне кататься на лифтах и еще кое на чем.

Ливви залилась неудержимым хохотом.

- Смейся, смейся, зверушка. Будет *еще* смешнее, когда мы застрянем, и тебе придется нюхать вонь не самых чистоплотных туристов.

Ливви расхохоталась еще сильнее, пока мы продолжали наше восхождение по ступенькам.

- Не переживай, Секси. Я смогу тебя защитить.

Повернувшись, она мне подмигнула. Понемногу, Ливви перенимала мои манеры, и, несмотря на мое отрицание, этот факт неизменно дарил мне чувство... целостности.

- Хорошо. В противном случае я буду единственным безумцем, пытающимся открыть двери лифта голыми руками.

- Боже! Думаю, весь завтрашний день я прохожу в тапочках. Мои ноги меня просто *убивают*.

Проковыляв в сторону стула, Ливви сразу же принялась за ремешки, удерживающие ее обувь на месте.

- Это была твоя идея облазить весь город.

Я смеялся, издеваясь над ней.

- Теперь у тебя есть мозоли, которые будут напоминать тебе о нашей поездке в Париж. Можешь рассказать Клаудии о местных пластырях, которые я купил тебе в холле.

Подтрунивая, я перешел на ее стиль общения.

- Она будет *так* тебе *завидовать*.

Я поморщился, скинув собственные туфли. Ливви уставилась на меня.

- Надеюсь, что она услышит меня сквозь смех, когда я расскажу ей о том, как в лифте ты кричал на подростка и его девчонку.

- Они прыгали без остановки! И этим раскачали лифт. Им повезло, что я ограничился только замечанием.

Поставив перед Ливви стул, я потянулся к одной из ее ножек. Мне так и хотелось опрокинуть ее, чтобы прекратить этот безостановочный хохот, который вскоре превратился в долгий скулящий стон, когда я обеими руками принялся за ее стопу.

- Ох! Если ты не станешь останавливаться, я буду любить тебя вечно.

Мою грудь пронзило незнакомым ощущением, но я его проигнорировал. Если Ливви меня и любила, она не торопилась мне об этом сообщать, а я не поднимал тему о своих чувствах со Дня Благодарения. Мы неспешно принимали изменения в наших жизнях, узнавая друг друга, тщательно анализируя, но, тем не менее, эти слова меня взволновали.

Мое сердце зевнуло, словно проснувшись ото сна.

- Это не от чистых помыслов, - парировал я, - после того, как закончу, я ожидаю ответной услуги. К тому же, считаю, что за этим должен последовать массаж спины. Мои мышцы до сих пор в шоке после насильственного заточения при плавном, но мучительном восхождении.

Ливви улыбнулась с закрытыми глазами.

- Люблю, когда ты говоришь такие вещи.

Она была совершенно потеряна в своих ощущениях, и ей даже не приходило на ум, что отсутствие такта в выборе слов, значительно облегчало ее прощение. Я знал, что она могла меня и не любить, но испытывала очень теплые чувства, и никогда бы умышленно не причинила мне боли.

Ливви продолжила, - Ты делаешь мне массаж ног, а потом мне представится возможность заняться твоей спиной? Я, и вправду, самая везучая девушка в Париже. Ты хотя бы замечаешь, как на тебя смотрят женщины, Кaleb? Джеймс. Неважно. Ты просто... ты чертовски красивый, вот ты какой.

- Красивый. Я красивый. Нет, не замечал. Я слишком занят, наблюдая за тобой, или с особой тщательностью посылая убийственные взгляды для отпугивания любого, у кого хватит глупости положить на тебя глаз.

Я улыбнулся, когда от этих слов Ливви удовлетворенно вздохнула.

- Да, ты точно умеешь обращаться со словами. Тебе следует быть писателем, потому как с другой работой ты явно пролетел.

- А разве не ты у нас писательница?

Открыв глаза, Ливви присела. В одно мгновение показалась - как я это истолковал - ее нервозность, но она быстро испарилась. Заговорив, Ливви засияла игривой улыбкой,

- Не совсем. Не то, чтобы мою писанину кто-нибудь читал. Это обычный рассказ.

- Неправда. Очевидно, Клаудия видела твою работу. Не знаю, в курсе ты или нет, но я умею читать, и если хочешь, могу взглянуть. По мнению твоей подруги, у этого рассказа есть будущее.

Медленно сняв ножку с моих колен, Ливви уселась на меня сверху.

- Что? Ты умеешь читать? Я потрясена!

Она кратко поцеловала меня в губы.

- Ты пытаешься меня отвлечь, - сказал я, не впечатлившись.

- Это не так. Я всего лишь хочу отплатить тебе массажем.

Она стала разминать мои плечи, и я застонал.

- Этот процесс подразумевает наличие какого-нибудь масла? Я нахожу мысль о моих всюду скользящих руках безумно привлекательной. Если хочешь, я даже могу снять одежду.

Впившись пальцами в мою шею, Ливви придвинулась своими бедрами ко мне, и я почувствовал ее дыхание, когда она прошептала мне на ухо, - Я даже займусь тобой спереди.

- Буду иметь это в виду, - без энтузиазма произнес я.

Но, по правде говоря, единственное, о чем я, по-настоящему мог сейчас думать - это о влажной Ливви и о том, как легко будет в ней скользить. Иногда мне казалось, что ощущение прочного соединения меня с ней возникало тогда, когда я оказывался внутри нее в буквальном смысле. В такие моменты я представлял себя ее Прекрасным Принцем. Я не был монстром. И заслуживал ее. А мое сердце не являлось пустой оболочкой - оно переполнялось любовью.

- Эй, - прошептала Ливви у моих губ, - где ты витаешь, Секси?

Она была обеспокоена. Я услышал это в ее голосе, отчего воспоминания тех дней грозились вырваться наружу. Я ненавидел то, каким привычным для меня было ее беспокойство. Я установил с ней зрительный контакт.

- Здесь, именно там, где и хочу быть.

Ливви улыбнулась.

- Я тоже.

Она стала медленно и страстно меня целовать, в каждое движение своих губ, вплетая скрытую благодарность - что мне было трудно принять, учитывая обстоятельства нашей жизни - но мое сердце с жадностью ее поглощало, имея наглость требовать все больше и больше.

- Скажи, что ты моя, Ливви.

Мы погрузились в прошлое.

- Твоя, Кaleb.

Губы Ливви оставляли поцелуи на моем лице, спускаясь вниз по шее. Наши ласки друг друга из медленных и терпеливых превратились в стремительные и голодные.

Она втянула кожу на моей шее в рот, оставляя метку, и расцарапывая мою спину.

- А ты мой. Только мой.

Я ненавидел начало нашей с Ливви истории. Ненавидел, что когда-то причинял боль такому необыкновенному человеку. Однако, наше прошлое не было лишено светлых пятен. Это было время, когда мною управляли иллюзии обладания целью и силой. Но Ливви, открыто заявив о своей любви, забрала всю власть себе. Вопреки ужасам моего детства, я нашел свое успокоение в осознании черноты своей души, но Ливви принесла с собой ослепивший меня свет, и в ней я нашел сокровище моей новой жизни. Находясь с Котенком, я держался за нее, обессиленный и часто, словно неживой. Мгновения, сродни этим, в которых мы находили себя, были нашим сладким утешением.

Осторожно расправившись с тремя крошечными жемчужными пуговичками на ее воротнике, я резко расстегнул молнию вдоль всей спины, на что Ливви издала удивленный, но жаждущий звук. Я раскрыл материю, и, позволив ей соскользнуть вниз, зафиксировал ею ее руки.

Ливви хныкала, извиваясь на мне. Ее бедра еле ощутимо толкались вперед, преследуя удовольствие. Приложившись губами к ее ключице, я начал посасывать ее.

Я оставил на Ливви свои собственные метки - следы от зубов на ее бедрах, отпечаток моей ладони - на попке. Возле соска Ливви - где я ущипнул ее, когда она кончала - виднелся кровоподтек, а ее киска все еще была наполнена моей спермой с предыдущей ночи. Что еще мне было нужно? Что еще я заслужил?

- Ты даришь мне такие приятные ощущения, - задыхалась Ливви.

Прижав колени к моим бедрам, она стала притягивать меня за рубашку к себе, в поисках большего контакта. Я неустанно водил своим ртом по плавной линии ее горла, обнаженным плечам, и неприкрытой ложбинке между грудями, заставляя Котенка запрокидывать голову назад.

Я скользнул губами по фиолетовой метке, оставленной на ее ключице.

- Всего лишь приятные? Должно быть, я стараюсь недостаточно хорошо.

- Ммм... тогда старайся получше.

Схватив Ливви за бедра, я грубо опустил ее на свою эрекцию. Выпутав руки из платья, и обернув их вокруг моей шеи, она пыталась на мне поскакать, но я отодвинул ее бедра назад, и, удерживая Ливви на месте, наслаждался ее тихими, изголодавшимися звуками.

- Снова этот ротик. Такой дерзкий.

- Калек, - промурлыкала Ливви, - прекрати заниматься ерундой. Ты знаешь, чего я хочу.

Я расплылся в широкой улыбке.

- И что бы это могло быть?

- Тебя. Во мне.

Мой член дернулся в своем возбуждении.

- Хочешь почувствовать меня?

Пробравшись рукой под платье, я стал гладить чувствительную кожу ее бедер над резинкой чулок. Решив закупить Ливви подвязок, чтобы она носила их, как настоящая француженка, я продолжил свое изучение, приподнимая край кружевных трусиков так, чтобы кончиками пальцев задевать ее плоть.

- Да... пожалуйста.

Я услышал, как Ливви сглотнула, своими бедрами стараясь направлять мои пальцы. Я оттянул ткань ее нижнего белья. Трусики, скрывающие ее киску, были насквозь промокшими.

- Ты, действительно, думаешь, что заслужила это? Что я из тех мужчин, которым нравятся дерзкие ротики?

Я вспомнил: - *Мне нравится твой маленький дерзкий ротик. Я не хочу делать ему больно.*

- Я...

Она подалась вперед в поисках удовольствия.

- На это надеюсь.

Я коснулся ее тыльной стороной ладони.

- Так и есть, - прошептал я и набросился на ее губы - одновременно, и те, и другие.

Ливви вздрогнула. Я начал проталкивать в нее свои пальцы, ртом проглатывая ее стоны, но наслаждение Ливви оказалось недолгим, потому как я медленно из нее вышел.

- Но это не означает, что тебе позволено разговаривать со мной, как попало.

Она нахмурилась.

- Калев.

Я прижал свои влажные пальцы к ее губам и Ливви отстранилась. На ее лице читался шок и некоторое отвращение. Неосознанно, она облизнула свои губы. Притянув Ливви к себе, я целовал ее до тех пор, пока она снова мне не открылась. Я обожал вкус ее киски на ее сладких губах. Это сводило меня с ума от желания. Известная часть меня наслаждалась ее реакцией, и всегда будет ею наслаждаться. Я чувствовал себя самым собой. Я чувствовал себя всемогущим.

Оторвавшись от поцелуя, я встал, отнес Ливви в спальню, и бросил ее на кровать.

- Повернись и ляг на живот. Я хочу тебя трахнуть.

Грудь Ливви поднималась и опускалась от тяжелого дыхания, когда она села в своем скомканном, спущенном до талии платье, после чего потянулась к нему, чтобы - как я предположил - снять.

- Я не говорил тебе раздеваться, - рявкнул я.

Вспыхнувший в ее глазах страх быстро выгорел, оставив за собой тлеющие угли.

- Да, Калев, - прошептала она.

Не торопясь, Ливви повернулась и поползла к изголовью кровати. Оказавшись на месте, она задрала платье, демонстрируя свои трусики. Кружевная ткань прикрывала ее попку не до конца, выставляя нижнюю часть ее мягкого места на мое обозрение.

Обернувшись, Ливви поймала мой взгляд, после чего, робко улыбнулась и, наконец, легла на кровать.

- Да, мне нравится то, что я вижу. Думаю, на данный момент, это очевидно.

Я опустил ладонь на ее зад с громким шлепком.

- Но не стоит быть самодовольной.

Взявшись за трусики Ливви, я спустил их по ее ножкам. Потом выпрямился и снял свой ремень.

Она заметно напряглась, сжав покрывало в кулачках. Но к ее чести, она не пошевелилась, не обернулась, чтобы посмотреть, что я делаю, и не спросила о моих намерениях. Она просто ждала. Терпеливо. Доверчиво. *Покорно.*

Я боролся с соблазном хлестнуть Ливви ремнем, представляя, как она ахнет от удивления, а ее раскрасневшиеся ягодицы сожмутся. Я нарисовал в своем воображении образ того, как она будет бороться с собой, оставаясь неподвижной, и

визуализировал вспухшие борозды от моего ремня. Еще один след. Еще один знак. Еще одно клеймо. Сжимая ремень в кулаке, я его все же отпустил. Я не хотел напоминать Ливви больше того, что уже напомнил.

Неторопливо раздевшись, я повесил свои брюки в шкаф, а остальную одежду отложил для стирки. И все это время, я наблюдал за Ливви, позволяя своей похоти усиливаться с каждой минутой, пока она терпеливо ждала моего возвращения.

Или новой команды.

Пошарив в чемодане, я вытащил пузырек с маслом, который брал с собой. Мне действительно хотелось этого гребаного массажа, но он мог подождать. У меня были другие планы.

Покусывая и полизывая заднюю поверхность ножек Ливви, я подбирался к ее сексуальной попке. Она дрожала и тихонько пискнула, почувствовав, как я влил немного масла в расщелину между ее ягодицами.

- Все нормально? - спросил я.

Мне не нужен был ответ на этот вопрос - я просто наслаждался, слушая его.

Ливви медлила с озвучиванием своего согласия, и молчала, пока я не стал втирать масло головкой члена в ее промежность, чтобы она мне открылась.

- Д-д-да.

Я продолжил свои манипуляции, теперь уже жестче.

- Ох... подожди... пожалуйста...

Приподнявшись на локтях, Ливви попыталась заползти выше на кровать, но не смогла. Она оказалась придавленной мною.

- Шшш.

Взяв Ливви за локти, я стащил ее обратно вниз.

- Ты доверяешь мне, Котенок?

Расстегнув ее лифчик, я начал массажировать красные следы, оставленные его лямками. Ливви это нравилось.

- Ты веришь мне, когда я говорю, что не причиню тебе боли? Не так, как раньше. И вообще никогда.

Прижав пальцы по обеим сторонам от ее позвоночника, я провел ими вверх до основания шеи. Ливви вздохнула.

- Да. Я тебе доверяю.

Под моими прикосновениями, ее рот раскрылся, а мышцы расслабились.

- Просто... будь нежным.

На моем лице появилась грустная улыбка, которую Ливви не могла видеть. В первый раз она сказала мне эти слова, думая, что я собирался заняться с ней сексом. Но вместо этого, она призналась мне в любви, на что я повел себя жестоко. Я больше не совершу подобной ошибки.

Опустившись на Ливви всем своим телом, я поцеловал ее в плечо.

- Обещаю, Котенок. Я остановлюсь, если ты этого не захочешь.

Я вжался в нее своим членом.

- Раздвинь ноги.

На этот раз никаких колебаний не было. В приглашении, Ливви развела ноги по обе стороны от меня. Двигая своими бедрами, я внимательно следил за ее реакцией. Мой член был скользким. Я знал, что Ливви могла чувствовать его жар и длину, скользящую между ее ягодицами. Проникновения пока не было, и оттягивание этого момента только распаляло соблазн.

Глаза Ливви были закрыты, изредка приоткрываясь, а ее ротик испускал стыдливые стоны. Зубами она терзала нижнюю губу, иногда дотрагиваясь до нее пальцами. На ее щеках появился розовый румянец, сигнализирующий о возбуждении. Я осыпал ее щеку, шею, плечо легкими поцелуями, которые дарили успокоение, но не приглушали пылающего внутри пожара. Я хотел Ливви обезумевшей от желания. Дрожащей от похоти. Умоляющей.

Настроив угол проникновения, для начала, я провел головкой члена по ее анусу. Это было неявное предложение, но только лишь намек. Я хотел, чтобы Ливви желала моего доминирования так же страстно, как и я ее подчинения.

Победа!

Она издала молящий звук, а ее бедра толкнулись до того, как она смогла сдержаться. Перестав двигаться, я возликовал от ее разочарованного вздоха, и от того, как она заставила свое тело успокоиться.

- Скажи мне, чего ты хочешь, - с жаром прошептал я ей на ушко.

Ливви нахмурилась, но не поддалась.

Отклонившись назад, я провел по ее дырочке смазанным в масле пальцем, и медленно проник внутрь, только на одну фалангу. Ливви громко простонала. Я вышел из нее.

- Скажи мне.

- Пожалуйста, Калев.

Она приподняла свой зад.

- Скажи мне.

Расположив головку своего члена у ее входа, я осторожно толкнулся.

- О, Господи!

Сжав простыни в кулаках, Ливви выгнула спину.

- Пожалуйста, Калев. Ты мне *нужен*.

Вне всяких сомнений, это было весьма приятное для меня утверждение. Но все-таки, получив неожиданное, но желаемое подчинение, я задумался, что, возможно, мне не следовало его принимать.

Я поцеловал Ливви в плечо.

- Спасибо тебе. Знаю, я не тот человек, которому с легкостью можно довериться.

Мои пальцы нашли ее влажную плоть, и скользнули внутрь. Это была знакомая территория, которая не требовала от меня быть чересчур нежным или осторожным, а также склонять Ливви к своей воле. Здесь было *безопасно*. Прошипев в возбуждении, Ливви задвигала бедрами, насколько это у нее получалось под моим весом.

- Что ты делаешь?

Голос Ливви был чуть громче дыхания. Согнув пальцы, я стал прижимать их к передней стенке ее влагалища, зная, что так она быстрее кончит.

- Думаю, это очевидно. Сначала, я собираюсь довести тебя до оргазма, затем трахать, пока ты снова не кончишь. И, может, за этим, последует еще один раунд.

Ливви хныкнула. Я жил ради этого звука.

- Но... я думала... о, Боже... прямо туда.

Пространство между ее губами и моими ушами заполнили стоны и нечленораздельные просьбы. На мои, находящиеся в ее теле пальцы, хлынул новый поток влаги. Ливви застыла, охваченная пиком своего удовольствия, после чего обмякла. Медленно вытаскивая пальцы, я уже был готов заменить их на...

- Нет, Калев, - прошептала она в подушку, - не так.

- Не так?

- Я знаю, чего ты хочешь.

- Но я не хочу делать тебе больно.

- А я хочу, чтобы мне было больно, - прошептала Ливви.

Ее волосы липли ко лбу, тело было покрасневшимся, а глаза закрытыми. Она не увидела моей напряженной реакции, и не открыла глаз, чтобы принять этот момент. Казалось, будто Ливви купалась в своем блаженстве, а не просила меня причинить ей боль. *Кто ты, черт тебя подери, такая?*

- Ты *хочешь*, чтобы я сделал тебе больно? - прошептал я.

С секунду она молчала.

- Я доверяю тебе, Калев.

- Но...

- Шшш, - успокаивала Ливви, - не анализируй, просто сделай.

Я и сделал, испытывая немалую долю тревоги. Совсем слегка вжимаясь в ее попку, я слушал ее глубокие вдохи и выдохи. Ливви впускала меня в свое тело через подчинение, оставаясь для меня открытой и готовой. Мое сердце колотилось с такой силой, что чуть не выпрыгнуло из грудной клетки. Я не понимал. Она хотела, чтобы я изменился. Хотела кого-то, отличного от меня, разве не так? Тогда почему она меня изводила? Какой-то части меня было все равно. Я хотел ее слишком сильно, чтобы во всем этом разбираться.

Я сконцентрировался на своих неглубоких проникновениях, на окружающем меня сжатии, и воздействии каждого вымученного, в моем погружении, дюйма. Ливви хныкнула. Этот звук был рожден болью. Я стал совершенно неподвижным.

- Еще, - прошептала она, и я уступил.

К тому моменту, когда я полностью оказался в Ливви, ее глаза были полны слез. Я почти боялся шевелиться, но вместе с этим был полон решимости взять то, что она мне так смело предлагала. Мой разум пребывал в замешательстве, а тело - нет.

- Последний шанс, - произнес я.

Прижав губы к ее щеке, я почувствовал, что та была мокрая. Я облизнул ее, чтобы проглотить эти слезы. Я пробовал ее грусть. Пробовал ее радость. А сейчас гадал, что олицетворяли *эти* слезы. Но 'пожалуйста' идвигающиеся бедра Ливви стали ее ответом.

В моей голове царил хаос, и было облегчением позволить своему телу одержать над разумом верх, а себе раствориться в ритме, в чувствах, в Ливви. Я слушал ее стоны, всхлипы, и крики, отвечая им хрипами, рычанием и шипением. Когда мой темп ускорился, в комнате послышались звуки наших ударяющихся друг о друга тел.

Ливви извивалась подо мной, временами побуждая толкаться в нее глубже, жестче, быстрее, а иной раз голосом и движениями умоляя сбавить нагрузку и обороты. Но остановок не было. Для нас обоих это было неприемлемо.

Уже не в силах выносить этот жар, я поставил Ливви на четвереньки. Она толкалась назад, еще глубже вбирая меня в себя, и вскоре выкрикнула, кончая и еще сильнее насаживаясь на мой член. Мой мир крутанулся по своей оси. *Моя!*

- Я сейчас кончу, - предупредил я.

Ливви тяжело дышала.

- Скажи, что любишь меня, - произнесла она.

- Ты первая! - прокричал я, начав изливаться в нее.

После, произошедшее нами не обсуждалось. Никому из нас не хотелось переносить это на более серьезный эмоциональный уровень.

Глава 10

К приходу января, мы с Ливви начали привыкать к тому, что являлись парой. Согласен, необычной парой, понемногу свыкающейся со своим статусом. Ночных кошмаров становилось все меньше, а наши споры случались все реже. Время от времени Ливви подпускала меня к своей попке (улыбочка).

Но, разумеется, мне пришлось серьезно постараться, чтобы все это испортить. Ладно, прежде чем продолжить, пожалуйста, позвольте сказать - я не горжусь тем, что сделал.

Меня одолевала скука и неконтролируемое любопытство. К тому же, если вы не заметили, я не вхожу в число типичных парней.

Это был первый раз, когда я остался в квартире Ливви совершенно один. В течение дня она находилась на учебе, но ее вечер был свободным от работы. И когда Ливви спросила, застанет ли она меня здесь по возвращению домой, я ответил 'да', потому как мне было в облом торчать в номере отеля.

Квартиру заливал солнечный свет, а я лежал на ее кровати, утопая в куче подушек всевозможных размеров и цветов (В самом деле, дамы, в чем прикол со всеми этими подушками?). Чувствуя себя исключительным пошляком, подрочив на ее постели с рюшками, я намеренно вытер сперму пушистой розовой подушкой, в надежде на то, что это подтолкнет Ливви к избавлению от всей этой дряни.

После, я принял душ, насыпал себе чашу с хрустящими шоколадными шариками, и стал внимательно просматривать стопку взятых на прокат фильмов, оставленных Ливви на кофейном столике. Я никогда не относился к типу людей, считающих злаковую пищу, не говоря уже о *детской* злаковой пище, но Ливви ее безумно любила и зачастую, это было единственное, что можно было найти у нее на кухне. Я знал, что при желании, она могла приготовить что угодно, но, по-видимому, Ливви редко пребывала в кулинарном настроении. Несколько вечеров мы ели эти злаки даже на ужин.

Я решил не смотреть фильмы без Ливви, потому как во время сеанса она обожала развлекать меня редкими кинематографическими комментариями сомнительной подлинности. Однажды я совершил ошибку, спросив ее, почему мы смотрим *Эпизод IV*, вместо того, чтобы начать с самого первого, за чем последовала уничижительная критика в адрес Джорджа Лукаса, и как он погубил *Звездные Войны*, выпустив три приквела. Меня это не интересовало, но мне нравилось смотреть, как Ливви разглагольствовала о чем-то, кроме меня. Но вот что мне совсем не нравилось, так это то, как она пялилась на меня весь фильм, чтобы понять мою реакцию на 'чумовые' сцены.

Пока я сидел на диване, жуя детский корм, мой взгляд упал на ее ноутбук. Он просто стоял на кофейном столике, и брал меня своим присутствием на слабо! Все свободное время, Ливви проводила за этой штукой, и мне отчаянно хотелось узнать, о чем таком она писала, что даже не подпускала меня к нему на расстоянии пушечного выстрела.

Я помнил, как Ливви гаркнула на Клаудию, чтобы та замолчала. Затем, в моей памяти всплыл тот раз, когда она избежала этой темы в Париже, что только распалило мое любопытство. Я относительно быстро решил, что рассказ был обо мне, о нас, или еще лучше - о ней. Сунув оставшиеся шарики себе в рот, я отставил чашу на стол, взял ноутбук, открыл его... и расплылся в улыбке, увидев ее заставку.

Это была моя фотография, сделанная в День Благодарения, когда я уснул у Ливви на диване. На мне оставались штаны, но объектив был направлен на мое лицо и оголенную грудь. *Вот ведь маленькая извращенка, фотографирует меня в беспомощном состоянии.*

У меня запросили пароль. Для чего Ливви нужен был пароль? Неужели она мне не доверяла? Надеюсь, вы улыбаетесь, потому что именно этим я сейчас и занимаюсь. Как бы то ни было, потратив добрую половину утра, я, в конце концов, подобрал пароль к ее ноутбуку. Он вызвал во мне смешанные эмоции: Выживание. И если вы пришли в ужас, смею вас заверить - я целиком и полностью осознавал тот факт, что Ливви узнает о моих действиях. Я не старался замести следов. Мне всего лишь хотелось узнать, какого черта было в ее ноутбуке, и почему она предпочитала держать его как можно дальше. Меня посетила мимолетная мысль о том, что я открывал ящик Пандоры, но она, и вправду, была мимолетной. Моей первостепенной задачей всегда было узнавать, что происходит вокруг меня, и это не раз спасало мою шкуру.

Ливви оказалась весьма организованной. Ее рабочий стол был систематизирован в ряд папок: ФЛМ101, АНГ202, ИСТ152, ИСК102, Университетские Планы, и наиболее заманчивая, Пленница. Угадайте, какую папку я открыл первой? Нет! Не с фильмами. В ней оказалось несколько различных документов: Калевб, Рид, Слоан, Расследования ФБР, Мексика, Восток, Стокгольмский Синдром, Торговля людьми, Пленница_Д1_32.

Мои пальцы дрожали, пока я зависал над каждым файлом. Мне было интересно, что я найду, смогу ли переварить увиденное, изменится ли мое отношение к Ливви после того, как я это прочту, и если она меня в чем-то предавала, хотел ли я об этом знать? Я понимал, что назад дороги уже не будет. Неведение никогда не заканчивалось для меня хорошо.

Прощупывая почву, я открыл документ под название 'Слоан'. В нем содержалось описание ее внешности и перечисление характерных особенностей. По мне, Слоан, оказалась интересной в самом странном смысле этого слова (произвольное вязание и вариативная таксидермия? Чего?).

Я сразу же перешел к файлу Рид.

Рост: 186 см, Вес 88 кг? Описание: Черные, как смоль волосы, немного длинноваты (что удивительно, учитывая его работу, и привычку быть занозой в жопе), слегка завиваются возле ушей, и у основания шеи. Его глаза темные и выразительные, благодаря таким же темным бровям. Всегда гладко выбрит (весьма педантичен в плане ухода за собой, не говоря уже о волосах). Его губы (мммм). Его рот теплый, на вкус, как кофе с мятой. Злитесь, когда его неожиданно целуют (ха!).

Молниеносно на меня обрушилась ослепляющая ярость. Почему Ливви его целовала? Какова была истинная цель их с Ридом встречи, когда он приезжал ее 'проведать'? Мне пришлось прекратить чтение и сделать несколько глубоких вдохов. Ливви меня бы не предала. Правда же? Ведь очевидно, что она меня не сдала. Я заставил себя продолжить.

Ливви описывала Рида, как привлекательного и проницательного мужчину. Это я чертовски привлекательный и проницательный! Могу поспорить, Рид говорит на одном языке, я же владею пятью!

Я перешел на свой файл. Несомненно, он должен оказаться интереснее, чем документ этого агента. И тут, я вспомнил, что когда мы находились в Мексике, Ливви рассказывала о том, что когда-нибудь надеялась написать книгу. Она поведала мне о первом правиле писателя - излагать то, что знаешь. Эта мысль наполнила меня дурным предчувствием.

Документ был больше, чем предыдущие два, и занимал три страницы. Она не поскупилась на детали, и это меня как-то успокоило. Ливви оказалась любительницей приукрасить, и если не считать, что из человека она превратила меня в персонажа, я не понимал, как мне относиться к перемывке собственных костей.

Рост: 192 см Вес: 95 кг? Описание: светлые волосы, голубые глаза цвета Карибского моря. Полные губы, созданные для поцелуев. У него острый клык, который несколько выбивается из ряда прекрасных зубов (его первая улыбка). Мускулистый, но стройный, не грузный или перекачанный. Его кожа загорелая от солнца, а не от солярия. На его теле имеются почти невидимые светлые волоски (когда целуешь его спину, они встают дыбом, но супер-мягкие).

Особенности: Кажется, что Кaleb всегда думает о чем-то забавном или веселом (эта все его дурацкая ухмылка). Его глаза могут быть прекрасными или дьявольски пугающими (от безмятежной лазури до мутных вод). Его губы поджимаются, когда он бесится, но старается этого не показывать. Он часто хмурится, иногда одновременно улыбаясь, что обычно выдает его намерение сделать что-нибудь особенно жестокое (та первая порка).

Сведения по персонажу Ливви все продолжались и продолжались. Она пересказывала все то, что помнила обо мне, умудрившись описать даже мой член, как я выглядел, когда кончал, и то, как я смеялся. Неужели Клаудия видела эти записи? Насколько я знал, она прочла, как минимум, часть этого рассказа. О чем Ливви, мать ее, думала?

Возмущившись, я сразу же обратил внимание на то, что поджал губы, и прикусил кончик языка, в попытке успокоиться. Невесело усмехнувшись, я, напоследок, открыл файл *Плененная*.

Пролог:

Это не роман. В романах описываются храбрые рыцари и наивные принцессы. В них говорится о героях, достойных своих титулов. Они поражают драконов, взбираются на башни, чтобы спасти прекрасных принцесс, тотчас женятся, и обзаводятся наследниками. Романы заканчиваются словами, - 'и жили они долго и счастливо'. Но это не роман.

Это история любви, персонажи в которой несовершенные до состояния сломленности. Герой красив, но уродлив, в смысле, отрицающем стандартное понимание, а героиня заключена не в башню, а в темную, уединенную комнату. Никакой принц ее не спасет. И пока эта любовь цветет и пахнет, 'и жили они долго и счастливо' не будет. Любовь редко рождается или умирает именно так, как мы того хотим. История любви может произойти с кем угодно, и эта произошла со мной.

Прочитанные слова разожгли во мне непонятные чувства. У меня не осталось никаких сомнений - Ливви писала книгу о нас. Наша история не была романом. Я не был достоин называться героем. Я был красивым внешне и уродливым внутри. И мы... не жили долго и счастливо.

Я с трудом сглотнул. И сделал это несколько раз. Я зашел слишком далеко, чтобы остановиться, поэтому продолжил читать:

Во сне я спешно шла по тротуару, пытаясь скрыться от мрачного парня в машине, и когда подняла глаза, я увидела ЕГО. Возможно, дело было в его легком шаге, или в том, как его взгляд скользнул мимо меня, не задерживаясь, но по какой-то причине, он показался мне... надежным. Я бросилась в его объятия, обхватывая его руками за талию, и прошептала, - Просто подыграй мне, ладно? Он подыграл, и я удивилась, когда меня обхватили его руки. Момент опасности, кажется, был уже позади, но мне почему-то не хотелось его отпускать. В его руках я ощущала себя в полной безопасности, прежде, я никогда по-настоящему не чувствовала себя в безопасности. И он так хорошо пах, именно так, как я полагаю, должен был пахнуть мужчина - свежестью, душистым мылом, теплой кожей и легким потом. Осознав, что я слишком долго пользовалась своим положением, не отпуская его, я спешно убрала свои руки, словно он был охвачен огнем. Подняв на него глаза, я поняла, что передо мной стоял ангел. У меня чуть не подкосились колени. Он был самым прекрасным созданием из всех, что мне когда-либо доводилось видеть в своей жизни,

включая щенков, младенцев, радугу, закаты и рассветы. Я бы даже не осмелилась назвать его мужчиной - мужчины не могут быть такими красивыми. Его кожа была покрыта прекраснейшим загаром, как будто само солнце неспешно ласкало его своими лучами до создания полного совершенства. На его мускулистых руках виднелись такие же золотистые волосы, что и на голове. А его глаза напоминали зеленовато-голубую лагуну Карибского моря, которую я видела только на киноафишах. Он улыбнулся, и я не могла удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ. Я была марионеткой, а он дергал за мои ниточки. Его улыбка обнажила красивые белые зубы и острый клык на левой стороне, что делало их несовершенными, но в его случае, этот маленький дефект лишь добавлял ему больше очарования. Он что-то говорил мне о другой девушке, но я отказывалась слушать.

Это была наша первая встреча. В моих объятиях Ливви чувствовала себя в безопасности, не ведая, не представляя, что я собирался с ней сделать. Даже зная дальнейшую историю, и то, что у нас сложились отношения, эти слова вызвали во мне приступ тошноты. Выбор слов и фраз Ливви выдавал ее возраст. Она сравнивала меня с щенками, младенцами и радугой. Такая юная, такая наивная... и все это разрушил я.

Первые наброски Ливви совершенно не похожи на то, что вы сейчас читаете. У нее не было повествования от моего лица, моих размышлений, мыслей во время наших первых столкновений. В книге рассказывалось о грустной девочке в темной комнате, находящейся во власти монстра- садиста, которому было плевать на ее жизнь. Такими были ее воспоминания обо мне.

Я читал о похищении Ливви, переживая каждый момент ее страха, и испытывая ярость, когда Джаир ударил ее по лицу, лишив сознания. За гранью реальности было узнавать о первом впечатлении Ливви в отношении моего голоса, пока она лежала привязанной и ослепленной в доме Фелипе. Она думала, что я собирался ее изнасиловать, затем убить. Наверное, тогда я об этом знал, что меня совсем не волновало... и это самое ужасное. Я помню свое безразличие. Очередная правда о человеке, которым был я.

Не удовлетворившись наказанием, я продолжил читать. К моему удивлению, в записях проскальзывал эротический подтекст. В то время, как я помнил яркие моменты с долей своего нездорового желания, ее точка зрения было словно нож, проворачиваемый в моем сердце. Я не был уверен в том, что Ливви, которую я узнал, была той самой девочкой из прошлого. Возможно, я просто подмял ее под себя.

Я задумался о том, что если бы Ливви была кем-то другим - очередной девчонкой - как я однажды предлагал - прошел бы я через все это, и продал бы ее Владэку. И если бы она никогда от меня не убежала, не пострадала от байкеров, взял бы я эту прекрасную девушку, лишив ее невинности. В такие моменты, я был готов на все, чтобы стереть проплывающие перед моими глазами слова. Я не хотел, чтобы они существовали. И не хотел, чтобы они были правдой. Тот, кем я был сейчас, стремился вернуться в день встречи с Ливви, и переписать нашу историю. Но в моей голове не унимался изводящий голосок, напоминающий о том, как далеко мне придется вернуться, чтобы исправить собственные ошибки.

Я хотел оказаться в ночь своего избиения Нарви, и сдаться на волю смерти. Но что было бы с Ливви, если бы я погиб? Что было бы со всеми теми девушками, которых я обрек на страдания?

Было слишком поздно спасать Пию Кумар. Я заживо закопал хозяев этой рабыни рядом с ее могилой, чтобы она слышала их крики.

Мне пришлось отвернуться от экрана, выключить ноутбук, и выйти на балкон, чтобы глотнуть свежего воздуха. Было трудно дышать. Казалось невероятным, что Ливви не могла признаться мне в любви. Какое право я имел на это чувство?

Зайдя в комнату, я оставил ей записку.

Я прочитал твою книгу. Знаю, ты будешь вне себя от злости, и ты имеешь на это полное право. Я понимаю, что тебе захочется на меня накричать, ты имеешь право и на это, но должен быть с тобою откровенен - пока я не знаю, смогу ли все это принять. Несколько дней я проведу в отеле. Мне нужно подумать.

Твой Калев.

p.s. Прости за все.

Собрав свои скромные пожитки, находившиеся у Ливви в квартире, я, уходя, закрыл за собой дверь. Я был в состоянии оцепенения, не знал, что мне дальше делать, и с трудом вел машину - мое внимание было сосредоточено не на дороге, а на Ливви.

Почему она позволила мне остаться с ней? После всего, через что я заставил ее пройти, я не мог придумать причины, по которой она впустила меня в свою жизнь. Может, потому что боялась меня, или хотела держать поближе, чтобы приглядывать за мной? Это было умно. Именно так поступил бы и я.

Я ненавидел, насколько слабым меня делали чувства к ней. Я не был плаксивым ребенком, но презирал чувство собственного опустошения, когда ее не было рядом. Я ненавидел сидеть в номере отеля, и ждать, когда она освободится с учебы или работы. Я думал о ней, как о своей. Она и была моей, и все же, я не мог коснуться ее там, где мне этого больше всего хотелось. Я не мог коснуться ее сердца и заставить отдать мне все то, в чем у меня возникла такая неумолимая потребность. На мгновение... я возненавидел ее. Я возненавидел свою любовь к ней.

Я собирался вернуться в отель, но мои мысли привели меня в другое место.

Пару раз я бывал в спортивном зале, и даже подумывал его посещать, но в конечном итоге, поменял свое решение. Я был жестоким человеком, и сомневался, что мне следовало ходить в подобные места. Вероятно, я передумал. Моей жестокости требовалось освобождение.

Припарковав машину, я вошел внутрь, и тут же учуял запах мужского пота. Комнату практически распирало от вонючести человеческих тел. Там не оказалось ни кондиционеров, ни эскалаторов, ни стен, заставленных беговыми дорожками или другими тренажерами. Это был настоящий спортивный зал. Это было то самое место, где мужчины могли обратиться к своему зверю, живущему в каждом из нас.

Наконец-таки, по моим венам разлился адреналин. Мое сердце заколотилось, кулаки сжались, а мышцы подтянулись и застыли. Я практически жаждал боя.

Пока я осматривал зал в поисках желающего и способного составить мне достойного соперника, ко мне обратились на испанском, - Могу я вас записать?

Повернувшись, я посмотрел на рядом стоящего парня. Его едва ли можно было назвать высоким, но от него веяло чрезмерной уверенностью в себе. Наверное, он был немного младше меня, что также сказывалось на его манере поведения.

Неспешно оглядев этого типа, я решил, что он, скорей всего, был мастером каких-нибудь боевых искусств: судя по виду, его ноги были способны переламывать кости.

- Я хочу бой, - произнес я настолько спокойно, насколько мог, что, должно быть, получилось не слишком убедительно, потому что он посмотрел на меня с некоторой подозрительностью.

- Английский? Хорошо. Я немного говорю. Тебе нужно...

Он пытался подобрать подходящее слово, но закончил подергиванием своей одежды.

- Я ничего с собой не взял, - ответил я, - и мне ничего не нужно. Буду вот так.

Махнув рукой на свою футболку и джинсы, я не стал утруждаться, объясняя ему, что знаю испанский - я был не в настроении вести беседы. Улыбнувшись, мужчина замотал головой.

- Боец? Какого стиля?

Он направился к передней двери и завернул в комнату слева. Предположив, что это был кабинет, я вошел в него, несколько раздраженный из-за невозможности незамедлительно приступить к схватке.

- Рукопашного.

Будучи военным офицером, Рафик хорошо обучил меня этому делу. Одним из моих любимых воспоминаний был тот день, когда я, наконец, одолел его врукопашную. Он сильно рисковал, передавая мне все те знания, которыми обладал. Без Рафика я был неграмотной, беззащитной шлюхой. И вся ирония была в том, что навыки, которым он меня научил, поспособствовали его собственной смерти.

Сидящий за столом мужчина, закатил глаза, и что-то пробормотал обо мне на испанском. Он считал меня идиотом, который пришел сюда за тем, чтобы ему надрали зад. Казалось, эта идея его забавляла. Взяв какие-то бумаги с позади стоящего принтера, он положил их мне прямо перед носом.

- Пожалуйста, внесите всю информацию о себе, и поставьте снизу подпись. Необходимо удостоверение вашей личности и деньги за членство.

Заполнив необходимые бумаги, я вытащил из своего бумажника все наличные. Их оказалось достаточно, чтобы оплатить членство за три месяца. Мужчина за столом, по-видимому, оказался доволен моей оплатой, и встал, чтобы пожать мне руку.

- Карлос.

Не видя никаких причин для того, чтобы заводить нового врага, я ответил на рукопожатие, пытаясь ровно произнести свое имя, - Джеймс.

Отпустив руку, я посмотрел в сторону ринга.

- Теперь, я могу драться?

Недовольный Карлос покачал головой.

- Ладно. Дерись.

Он пошел первым, и я последовал за ним в направлении ринга. Карлос подозвал ближайшего бойца. Некоторое время я слушал, как он рассказывал тому о моих

намерениях. Смерив меня взглядом, боец фыркнул и ответил, что не прочь быть моим противником. По-видимому, никому из них не приходило в голову наличие у меня определенного таланта.

Я выказал им свое скромное возражение, неторопливо снимая обувь, носки, футболку. Мне было наплевать, каким образом пойдет бой. Мне просто нужна была драка. Не став противиться неподходящей по размеру капе, я зажал ее между зубами. Ко всему прочему, решив не пренебрегать защитой, надел шлем. Через несколько минут, я стоял на ринге напротив Фернандо.

Мы оказались вполне подходящими партнерами. Он был немного ниже меня, но казался более рельефным, мускулистым. Я понял, что стиль борьбы Фернандо подразумевал использование ног, по тому, как он начал разминать их, поднимая ступни к пояснице.

Я поворачивал головой, плечами, встряхнул руки. Встав на пальцы ног, разогрел свои мышцы, насколько это было возможно за тот короткий промежуток времени, отведенный мне на подготовку. Я не питал никаких иллюзий по поводу своей неуязвимости. Более того, я жаждал ударов, которые на меня обрушатся. Я знал, что они распялят меня, разбудят спрятанную во мне ярость, и как только она меня поглотит, все мысли о Ливви испарятся - боль душевная, перетечет в боль физическую.

Подозвав нас к центру ринга, Карлос прошелся по правилам боя: не обманывать, не кусать, не ломать кости, не бить в пах, не бить головой, и не драться после гонга. Последовал еще ряд знакомых мне правил, но опять же - я никогда, ни с кем не дрался, кроме Рафика, и то - забавы ради. И даже тогда, я учился выживать, а не вести бой. Но самым главным правилом - обязательным не для кого-то, а только для меня - было одно-единственное: не убивать.

Кивнув друг другу, мы с Фернандо отступили по два шага от центра, а Карлос покинул ринг, встав неподалеку от него. Прозвучал гонг.

Мой соперник не торопился. Вопреки своему фырканию и напускной самоуверенности, он стал медленно обходить ринг, чтобы выявить мои сильные стороны. Я делал то же самое. Но промедление оказалось быстротечным. В ожидании атаки его мощными ногами, я был застигнут врасплох, когда он просто налетел на меня со всей силы своего тренированного тела. Подняв на руки, он швырнул меня в сторону угла. После чего, я почувствовал, как на мои ребра приземлилось его колено. Из меня вышибло весь воздух.

Сцепив свои свободные руки, я заехал Фернандо в место соединения его шеи с плечом. Он сделал шаг назад, и я ударил его в ту же самую область, отчего у меня появилось достаточно пространства, чтобы поднять правую ногу и оттолкнуть его от себя. Улыбнувшись, Фернандо поднял руки в пригласительном жесте: *Давай же*.

Он оставил меня бездыханным, а я почти ничего не успел сделать, чтобы убедить его в том, что являлся достойным противником. В срочном порядке, я собирался исправить сложившуюся ситуацию, и начал наступать на него серией ударов, которые он довольно легко отражал. Я бил так часто, что Фернандо отвлекся от моих рук, за чем последовал мой ход. Ударив его в шею слева, я шагнул ближе, и правым локтем заехал ему в висок.

Он потерял равновесие, предоставив мне возможность подсечь его ногу и опрокинуть все его тело на мат. Фернандо был опытным бойцом, и моя атака вывела его из строя лишь ненадолго. Быстро перекатившись, он поймал меня своими мощными ногами и повалил на пол, после чего, на мою спину посыпались впечатляющие по своей силе удары пятками.

Казалось, что во время нашей схватки зал оживился, и вокруг ринга начали собираться другие ребята. Они болели за Фернандо.

Мы сцепились на матах, не позволяя заламывать руки, или начать душить друг друга, что, несомненно, привело бы к болезненному поражающему захвату. Гонг прозвучал прежде, чем каждый из нас захотел сдать свои позиции.

- По углам! - крикнул Карлос.

Отпихнув Фернандо, я поднялся на ноги. Мы неотрывно смотрели друг на друга, пытаюсь отдышаться, а Карлос хохотал, отмечая, что у меня было больше практики, чем он предполагал.

Мой противник посоветовал мне не слишком-то радоваться. Что он еще легко со мной обошелся, и надерет мне задницу, как только раздастся следующий гонг.

Сняв шлем, я кинул его за пределы ринга. Подражая раннему жесту Фернандо, я поднял свои руки, и сказал ему, чтобы он надрал мой зад, если считает, что сможет. Судя по всему, всех приятно удивила моя способность изъясняться на испанском. Всех, кроме Фернандо. Он снял шлем и откинул его подальше. Карлос ударил в гонг.

Фернандо бросился на меня, но в этот раз я был готов встретить его натиск. Дождавшись момента, когда он окажется на расстоянии вытянутой руки, я использовал его инерцию против него же самого. Шагнув в сторону, я обхватил его шею рукой, запрыгнул ему на спину, и повалил на маты, на которые мы приземлились с оглушительным грохотом. Намертво вцепившись коленями в его туловище, я стал дубасить его по лицу, не давая ему время восстановиться. Мои руки болели от ударов по кости.

Перекатившись, Фернандо отпихнул меня в сторону, и махнул назад, попав мне между лопатками. Я вскрикнул, елозя руками в попытке схватиться за потное тело своего противника. То, что я надел джинсы - было ошибкой. Ткань стесняла мои движения. На мою спину обрушились еще два удара, и у меня перед глазами появились звездочки.

Наше противостояние из любительского спаринга превратилось в серьезный бой. Фернандо всячески старался вскарабкаться мне на спину и сцепить руки вокруг моей шеи. Я же не прекращал защищать свое горло.

Через мое тело прошло знакомое чувство. Внезапно, единственное, что имело значение, стала победа. В мое лицо прилетело кулаком, больно стукнув капой о мои зубы. Я почувствовал вкус крови.

- Ты не можешь меня убить, брат. Я здесь всемогущ.

Сжав челюсть, я со всей силы оттолкнул руку, собирающуюся сомкнуться вокруг моей шеи. Рука Фернандо дрогнула, заставив измениться его положение на моей спине.

Раздался гонг и Карлос крикнул нам прекратить, но никто из нас не послушался. Я отказывался спасаться гонгом во второй раз.

Приподнявшись на руках, я открыл свою шею Фернандо так, что он был не в силах устоять. И когда он поддался, лицом прижавшись к моему лицу, я завел одну руку ему за голову, а второй схватился за его глотку. И сжал. Фернандо покряхтел мне в ухо. Прижимая его к себе, своим плечом я перекрывал ему трахею. Для нас обоих - впившись в горло противника - это стало проверкой на выносливость.

Позиция Фернандо была выгоднее моей, но он привык драться за спорт, а я привык драться за жизнь. Я сжимал, пока мои плечи не запылали. Мне уже давно не хватало кислорода, и перед моими глазами стояли лишь черные пятна. Но я держался. Держался до тех пор, пока Фернандо не обмяк на мне, всего за несколько секунд до того, как я вырубился сам.

В сознание меня привели неслабым ударом по морде и холодной водой. Сердитый взгляд Карлоса - все, что мне понадобилось, чтобы понять произошедшее. Посмотрев мимо него, я увидел, что с Фернандо делали то же самое. Тот присел и, откашливаясь, начал растирать свою шею.

- Когда ты вошел, я сразу понял, что от тебя будут одни неприятности, - произнес Карлос на испанском, - одевайся и проваливай, нахрен, отсюда.

Поднявшись, он кинул мне мою футболку. Я надел ее и встал так быстро, как только мог.

- Хороший бой, - удалось произнести мне распухшим горлом, - как-нибудь повторим.

У Фернандо получилось улыбнуться и кивнуть, после чего я повернулся и покинул ринг.

Забрав свои носки и обувь, я ушел, даже не надев их. Пока я шел к машине, холод приводил меня в чувства, и я не возражал. Это было единственным, что удерживало меня в вертикальном положении. Я знал, что к утру буду разукрашенный и помятый, как черт. По крайней мере, хоть что-то казалось прежним.

Я успел вернуться в отель прежде, чем дрожь в растянутых мышцах, изувеченное тело и избитые кости заставили меня мечтать о горячей ванне. Медленно я погрузился в воду. Все безбожно щипало. Я положил лед на лицо.

В тот момент никто не мог назвать меня красивым.

Глава 11

Я крепко спал, когда услышал настойчивый стук в дверь, и простонал, попытавшись пошевелиться. Свет, проникающий сквозь шторы, указывал на то, что вечер еще не наступил. Долго не дожидаясь, Ливви сама явилась ко мне.

Я решил, что мои дальнейшие попытки сдвинуться были неразумными. Мое горло слишком болело, чтобы кричать. Мою грудь прострелило странным чувством - я хотел увидеть Ливви, но не хотел с ней ссориться.

Вскрытый наживую. Это единственные слова, которые пришли мне на ум, чтобы описать то, как я себя чувствую – вскрытый наживую. Как будто кто-то разрезает меня скальпелем и до тех пор, пока плоть не начинает отделяться, а из

открытой раны не польется кровь... боль не проходит. Я слышу треск, и звук того, как с моих ребер сдирают кожу. Из меня медленно, один за другим, извлекают окровавленные, вязкие органы, до тех пор, пока во мне не остается ничего, кроме пустоты. Пустоты и мучительной боли, но я все еще жив. Все еще. Жив.

И пока я лежал, не желая шевелиться, а Ливви, стучала в мою дверь, до меня дошло: *мне всегда будет больно*. Да, вскрытый наживую - самые подходящие слова. Любить Ливви было все равно, что разрезать себя, и вынимать свои внутренности. Она делала меня слабым. Она делала меня уязвимым. Она заставила меня желать, ждать и надеяться на то, что никогда не будет моим.

Дверь открылась.

- Калев? - позвала Ливви.

Это был первый раз, когда она воспользовалась ключом, который я ей дал, и я застонал от собственной глупости. И вот еще одна черта, которой меня наделила Ливви - глупость.

- Я здесь, - прокричал я.

Удушье до потери сознания плохо сказывается на голосовых связках.

Я ненавидел то, как сильно билось мое сердце. Мне, действительно, хотелось ее увидеть. Хотелось попросить у нее прощения. И к своему стыду, хотелось показаться ей на глаза в этом избитом виде, и воспользоваться своим плачевным состоянием, чтобы она на меня не накричала. Ливви ахнула, увидев мою рожу, но не стала ко мне прикасаться.

- Что ты сделал на этот раз? Ну, кроме того, что порылся в моих личных вещах и обманул мое доверие? Похоже, у тебя выдался нелегкий день.

Я позволил ее словам повиснуть в воздухе. Что я мог ответить? В конце концов, шагнув ближе, Ливви провела пальцами по моей щеке. Я зашипел.

- Так тебе и надо, - рявкнула она.

Под ее злостью мне слышалось беспокойство.

- Что произошло?

- Я подрался, - прошептал я, - видела бы ты другого парня.

Я усмехнулся, и это было больно.

- А, д-другой парень жив? - равнодушно спросила она.

- Да, - так же холодно ответил я.

- Ты не могла об этом не спросить, так ведь? Я всегда убиваю людей по пустяковым причинам. Я отвернулся от Ливви. - Если ты пришла сюда поспорить, можешь не утруждаться. Твоя взяла.

В груди я почувствовал осязаемое давление.

- Просто уйди.

- Ты, правда, хочешь, чтобы я ушла? - спросила Ливви.

Ее голос был совершенно безэмоциональным, и это напугало меня до черта. *Пожалуйста, не уходи. Не оставляй меня.*

- Если ты все сказала, - вместо ответа, произнес я.

- Трус, - выплюнула Ливви, - ты можешь подраться. Кинуться на вооруженных головорезов. Убить. Но не дай Бог тебе проглотить свою долбаную гордость, и попросить прощение за то, что повел себя как маленький, любопытный засранец.

Я быстро сел.

- Ты думаешь, что я не могу проглотить свою гордость? Да пошла ты! Все, что я делал целыми месяцами - это проглатывал свою гордость. Прошу у тебя прощения до тошноты. Трахаю тебя, когда тебе этого хочется. Прилежно веду себя с твоими друзьями. Жду, пока ты вернешься домой, потому что мне больше нечем заняться. Ты стала всей моей жизнью! А в это время ты пишешь обо мне. Ты до сих пор видишь во мне того человека, которым я был. Ты видишь убийцу - красивого внешне и уродливого внутри. Тогда для чего ты со мной? Для чего я изо всех сил пытаюсь быть кем-то другим, если ты всегда будешь видеть во мне монстра, разрушившего твою жизнь? Я слеую за тобой по пятам, как влюбленный болван, и изо дня в день противостояю желанию вернуться к тому, что знаю. В такие минуты мне хочется стать тем человеком, которым я был, потому что он не мог тебя любить. Прежний я никогда не позволил бы себе такую слабость!

Я прокричал эти слова сквозь боль в горле, что перемешавшись с моими эмоциями, выплеснулось наружу, грозясь перекрыть мне доступ кислорода. Лицо Ливви стало равнодушной маской. Меня пробрал озноб до самых костей. У кого она научилась быть такой холодной? Задаваясь этим вопросом, я уже знал ответ.

- Ты любишь меня? - спросила Ливви, посмотрев мне прямо в глаза. - И когда ты это понял? Не тогда ли, когда я призналась тебе в любви, а ты ответил, что это было мило? Или, возможно, когда я убила человека? А может, когда я умоляла тебя не оставлять меня у границы? Ты понял, что любишь меня, когда я одиноко лежала в больнице, оплакивая тебя? Когда ты орал о своей любви на всех перекрестках, Калев? Я тебя не слышала. Я была слишком занята, пытаюсь без тебя, мать твою, дышать. Занята, убеждая всех и каждого в том, что я не свихнулась, несмотря на то, что оправдывала своего похитителя. Ну, так, напомни мне. Когда ты произносил эти слова? Я непременно вернусь назад в прошлое, и успокою сломленную девушку, которую ты оставил. Твоя любовь успокоит ЕЕ, потому что Я уже не та девушка. Я научилась без тебя дышать. Узнала, что никому в этой жизни нельзя доверять. И дело не в том, что ты прочитал мои записи. На это мне наплевать. Рано или поздно, ты бы все равно их увидел. Дело в написанной тобою записке. И в этом моменте. Дело в осознании, что в любую минуту ты снова убежишь, оставив меня одну. Тогда как я могу говорить тебе о своей любви? Как мне снова это пережить?

Я замер на месте. Каждая клеточка моего тела горела от стыда. Ливви была живучей. Она пережила *меня*.

Вот тогда я и понял, что был свидетелем не ее равнодушия - это была боль. Ливви было больно и это было по моей вине.

Я не знал, что происходит, но вскоре все прояснилось: в носу и глазах защипало, я всхлипнул. Я знал, что Ливви смотрела на меня. И понимал, как нелепо я, должно быть, смотрелся, и насколько был слабым и сломленным. Но мне было все равно. Мне нечего было терять.

Я постарался прочистить горло, перед тем, как заговорить.

- Я не мог тебе об этом рассказать, Котенок. Я только что закопал... я ведь любил его.

Я почувствовал, как моя грудная клетка задрожала.

- Кого? - прошептала Ливви.

Она до сих пор была такой равнодушной.

- Рафика, - тихо произнес я.

Ливви вздохнула.

- Почему, Кaleb? Ты знаешь, что он сделал.

- Да. Я знаю, что он сделал. Я также знаю, что он не сделал: он никогда не трогал меня так, как это делали другие.

Часть меня не могла поверить в то, что я собирался с ней об этом говорить. Я прочитал ее рассказ, и он заставил меня задуматься. Видимо, я почувствовал себя обязанным рассказать Ливви свою половину нашей истории. Мне нужно было объяснить ей, что я оставил ее не без веских причин.

- Я был так мал, Ливви. Так беспомощен. Каждый день меня кто-нибудь насиловал. И это продолжалось до тех пор, пока я не начал убеждать себя в том, что это было не изнасилование. Я позволял им прикасаться к себе. Позволял им... трахать себя. Я улыбался тем, кого видел чаще других, воображая, что они могли быть ко мне равнодушны. Иначе с чего бы им возвращаться для моего повторного использования? Со временем, я им поверил. И верил, когда они говорили о своей привязанности. Верил, когда они обещали мне выкупить меня у Нарви. Я позволял себе надеяться, что в один прекрасный день стану свободным.

Я услышал собственный всхлип. Этот звук был таким далеким, словно на части распадался кто-то другой, не я.

- Но этого не происходило. Они никогда не были ко мне равнодушными. Они никогда не собирались меня освободить. Надежда - вот чем их забавляло играть - моей надеждой. И я ее в себе убил. Но однажды... появился Рафик. Он забрал меня... избитого и окровавленного. Он привез меня домой и выходил. Он восстановил мое тело. Восстановил мой разум. Восстановил мою душу. Он научил меня большему, чем выживание - он научил меня *жизни*. И он никогда меня не трогал. Рафик заботился обо мне многие годы. Мне больше не нужна была надежда. У меня было кое-что получше. У меня была *цель*! Из-за нее я любил Рафика. А потом...

Чувствуя себя онемевшим, я уставился в пустое пространство.

- Я узнал правду.

Мое тело заколотило, когда я вспомнил ночь его убийства.

- Я был никем, Ливви. Я для него был никем, а он для меня был *всем*. Я был готов отдать за него жизнь, и все это время... я был никем.

Наконец, я посмотрел на Ливви. По ее щекам текли слезы.

- Но не это самое плохое. Нет, самое плохое, что я собирался убить его еще до того, как узнал правду. Это был единственный способ освободить тебя и я... я его убил, Ливви. Убил и закопал в саду Фелипе - там, где его родные никогда не найдут. Я похоронил единственную семью, которой - как я думал - мог доверять. Я любил его, а

он оказался человеком, ответственным за самое чудовищное предательство в моей жизни. И тогда я понял, что то же самое я делал с тобой. Я бил тебя. Насиловал тебя - хуже - я сделал так, что тебе это нравилось. Я дразнил тебя надеждой и забирал ее обратно. Я заставил тебя полюбить меня! Как я мог тебе об этом рассказать? Я не мог, Ливви. Я был в замешательстве. Я был... *раздавлен*. Я *до сих пор* раздавлен. Я не знаю, кто я такой, и чего я хочу. Все, что я знаю, что без тебя... без тебя... ничего нет. Меня нет. Ты хоть понимаешь, как страшно это для кого-то, вроде меня?

Слова о любви к ней крутились на кончике моего языка. Я сдерживал их с того момента, когда наблюдал за ней, уходящей из моей жизни, и если бы она хоть на секунду обернулась и посмотрела на меня, я бы не смог сдержаться... я бы сказал ей:

Я люблю тебя.

Я не мог произнести этого в Мексике. В тот день я был слишком потерян. Я утратил свою реальность. Что я понимал в любви, если единственный человек, к которому я, несомненно, ее испытывал, лгал мне на протяжении двенадцати лет? Ливви говорила, что она моя. Но как я мог быть в этом уверен? Хуже того, что, если это было правдой? Что, если она любила меня, а все, что я мог ей предложить - некое подобие сердца? Как может человек понять, что такое любовь, ни разу не испытав ее? Это все равно, что пытаться описать цвет слепому человеку. Некоторые вещи нужно понять самому. Чтобы понять любовь, нужно прочувствовать ее на себе. До тех пор, пока Ливви не ушла, и я не остался во всем мире по-настоящему один, я не понимал, что такое любовь. Она явилась ко мне иначе, нежели другим; мне пришлось найти любовь так, как я находил все, что меня определяло - через свои страдания.

Из-за утраты Ливви, мое томящееся сердце стало открытой раной. Оно - сердце - было живым, и его не радовала месть, не утешали попытки исправить совершенные ошибки, не прельщали случайные женщины, и оно не унималось, вопреки рекам алкоголя для притупления чувств. Мое сердце желало только одного. С жадностью, разрывая меня на части, оно просило о Ливви. Оно хотело моих надежд, моих снов. Оно хотело моих воспоминаний о ее личике. Оно хотело нашего общего смеха.

- Моя, - твердило сердце.

Только Ливви могла сделать меня целостным, и как только я это осознал, я не мог перестать ее искать. Я стал одержимым желанием узнать, действительно ли она любила меня.

От первого прикосновения Ливви к моему плечу, я, в очередной раз, разрыдался. Любовь делала меня слабым. Я хотел, чтобы она исчезла. А она, напротив - ставила меня на колени.

Позволив Ливви опустить меня на кровать, я услышал, как она отвернулась, и тогда, эта самая любовь заставила меня просить,

- Пожалуйста, не уходи. Не оставляй меня.

Я почувствовал, как она пропустила мои волосы сквозь свои пальцы.

- Я никогда тебя не оставлю, Кaleb. Я просто хотела принести тебе воды.

- Я не хочу воды.

- Скотч? Виски?

- Только тебя.

Последовала продолжительная пауза.

- Хорошо.

Я услышал, как раздевшись, она проскользнула позади меня под одеяло. Ливви пахла сигаретным дымом, хотя не курила с той первой ночи, когда я пришел в ее квартиру. Но я ничего об этом не сказал. У нее были свои минусы, у меня свои. Единственное, что имело значение - то, что Ливви была теплой. И мягкой. Она всегда была теплой и мягкой. Ливви тихо прошептала мне на ухо, - Я тоже испугалась. Ты не открывал дверь, и я подумала: он снова меня оставил. Кaleb, ты не можешь так со мной поступить.

Ливви поцеловала меня в плечо, но я чувствовал, как она дрожала от злости.

- Ты злишься на меня.

- Да, - сказала она, - но, наверное, не стоит тебя в этом винить. По большому счету, было смешно надеяться, что ты *не* залезешь в мой ноутбук. Твои же слова: ты знаешь, кто я такой. И знаешь, на что я способен.

Ливви испустила короткий смешок, который быстро перешел в задумчивый вздох.

- Должно быть, тебе пришлось нелегко - не иметь возможности с кем-нибудь поговорить... *о нем*. Меня уж точно не беспокоит, что он мертв - по мне - гореть ему в аду, мне все равно - но я бы никогда не предположила, как сильно ты...

Опять вздохнув, Ливви умолкла.

- Я и не ожидаю твоего беспокойства. И не жалею о том, что сделал. Я только хотел объяснить, почему не мог взять тебя с собой. И если честно, не раскаиваюсь в том, что я тебя оставил.

Она напряглась.

- Жалеешь, что вернулся?

Я повернулся и притянул Ливви в свои объятия. Не ей следовало меня успокаивать.

- Нет. Я никогда не пожалею ни об одном, проведенном с тобой мгновении. Ты - самое лучшее, что случилось в моей жизни. Мне просто хотелось... быть для тебя тем же.

Ее молчание было почти оглушительным. Оно было подтверждением.

- Я... блять. Я так чертовски зла на тебя, Кaleb. Иногда я даже не знаю, как все это переварить. Во мне бушует столько всего. *Вот* для чего мне нужно писать - это помогает излить все дерьмо, и отфильтровать мысли.

Приподнявшись на локте, Ливви посмотрела мне прямо в глаза. Выражение ее лица было страдальческим.

- Ты - самое лучшее, что случилось в моей жизни. Но также, и самое худшее. И я пытаюсь совместить эти две вещи. Поможешь мне?

- А как мне полагается тебе помочь? - спросил я.

- Расскажи мне историю от своего лица. Я хочу услышать не только хорошее, но и плохое. У меня так много вопросов, так много моментов моей жизни, где я обладаю

лишь частью информации. Ты прочитал мою точку зрения. А мне нужна твоя. Помоги мне понять, как меня угораздило...

Ее глаза закончили фразу: *полюбить тебя*.

- Помоги мне объяснить это остальному миру.

От ее слов, моя голова пошла кругом. Я не хотел, чтобы остальной мир знал. Я и сам не хотел знать. По сути, я, напротив, делал все возможное, чтобы мы забыли о начале нашего совместного пути. Каким образом это могло помочь?

- Это не для всего мира, Ливви. Я не понимаю.

- Тебе и не положено, а я понимаю. Я не предам твоего доверия. И изложу все так, как следует. Я заставлю их увидеть, что некоторые истории не черные и белые. Я заставлю их прочувствовать *наш рассказ, нас*. И только после этого мне станет легче. Я не буду переживать, что ты меня обманываешь. У меня появится ощущение правильности наших отношений, и я буду их защищать. Я *всегда* буду их защищать.

Какое я мог найти на это возражение? У меня было все, что я хотел: уверенность в том, что Ливви не собиралась меня оставлять. Мне даже удалось избежать ссоры на тему 'почему я влез в ее ноутбук'. Но что самое важное, Ливви подарила мне частичку любви, в которой она мне когда-то призналась, и я был полон решимости ее возродить.

- Что ты хочешь узнать? Например? - подначивал я.

Наклонившись ко мне, она оставила на моих губах легкий поцелуй.

- Мне не нравится видеть тебя в таком состоянии. Если кто-то и будет дубасить тебя по морде, то пусть это буду я.

Ливви улыбнулась.

- Думаешь, что сможешь меня одолеть?

Я всячески старался не расплыться в улыбке, чтобы снова не надорвать свою пострадавшую губу.

- Думаю, ты мне это позволишь.

- Вообще-то, уже позволял. Если бы кто-нибудь ударил меня столько раз, этому бедолаге пришлось бы до конца своих дней ходить, оглядываясь по сторонам.

Я провел пальцами по ее щеке. Однажды я ее ударил.

- Я чувствовал себя ужасно... в тот раз. Я больше никогда...

- Я знаю, - перебила Ливви, - прости, что спросила тебя о... сам знаешь. Я понимаю, ты пытаешься стать другим человеком, и ты так сильно изменился. Это было нечестно.

- Ты имела полное право. Я пытаюсь измениться, но это не значит, что мне не нужно противиться тому, кем я был. На моих руках немало крови.

Про себя я вспомнил о двенадцати месяцах, проведенных без Ливви.

- Сейчас ты другой, - тихо произнесла она.

Я видел лица отданных мною в рабство, затем мною же освобожденных девушек, и подумал о тех, кого было слишком поздно спасать. Они будут преследовать меня вечно, но едва ли это достаточное наказание. И все же, судьба привела меня к Ливви.

- Не могу сказать, что я полностью изменился. Я никогда не перестану быть чрезмерно бдительным по отношению к себе, или к тебе. Думаю, часть меня всегда будет чьим-то верным учеником. Я - тот, кто я есть. Я погладил ее по волосам.

- Я убью ради тебя, Ливви. И умру ради тебя.

- Кaleb, не надо. Ты ничей не верный ученик. Ты свободен, и вся эта чушь осталось в прошлом.

Ее рука сжала мою талию.

- Надеюсь, ты права, Котенок, но я по-прежнему сделаю все, чтобы защитить то, что мне дорого. Я только надеюсь, что мне никогда не придется прибегнуть к насилию. Отныне я буду драться только в спортивном зале.

Ливви рассмеялась.

- Хочешь сказать, ты сделал это намеренно? Ох, Кaleb, - вздохнула она, - порой ты бываешь таким тупоголовым мужланом.

Она снова меня поцеловала.

- Зато всегда мужчиной. Не забывай об этом.

Я подмигнул ей.

- Задавай свои вопросы, Котенок. Не могу обещать, что всегда буду таким же покладистым.

Я водил пальцами по ее пояснице. Ее улыбка немного угасла, но все же, Ливви излучала решительность.

- Почему я, Кaleb? Почему ты выбрал *меня*?

Я пожалел о том, что побудил ее к вопросам. Я мог придумать, как минимум, десять альтернативных способов мучения, но только не формулировку ответов на провокационные вопросы, подобные этим. Однако, вопрос '*почему*' всегда был важен для людей. Он был важен и для меня. Мне всегда хотелось знать, почему меня забрали. Почему, когда я был мальчиком, Рафик демонстрировал мне свою искреннюю привязанность. Вся моя жизнь крутилась вокруг этого '*почему*', поэтому я был просто обязан ответить Ливви.

Я прочистил горло.

- Ты пробудила мое любопытство.

Я практически чувствовал силу ее взгляда.

- До того, как принять решение, я наблюдал за тобой не одну неделю. И каждый раз, видя тебя... мне хотелось узнать о тебе больше.

- Но почему?

Она прижалась к моему боку, и я выдохнул.

- Дьявол, я не знаю. Наверное... потому что ты выглядела грустной.

Подняв свободную руку, я провел по ее изогнутой в недоумении брови.

- Ты всегда смотрела под ноги, и меня это здорово злило, потому что я не мог видеть твоего лица, твоих глаз. Мне хотелось знать, почему ты такая грустная.

Слушая свои собственные слова, и смотря в те же самые глаза, я задался вопросом - какие бесы меня толкнули на то, чтобы причинить боль кому-то столь невинному, столь прекрасному.

- Ты рассказывала мне о своей матери и о том, как она с тобой обращалась, но вначале я этого не знал. И смотря на твои мешковатые штаны, и растянутые свитера, я никак не мог понять, отчего такой красивой девушке, как ты, хотелось прятаться.

Узнав, что она пряталась от кого-то, вроде меня, я подумал: *жизнь жестока*.

- А потом произошла наша роковая встреча. Ты кинулась прямоком в мои объятия и я...

Я почти не мог произнести этого вслух.

- Я должен был тебя заполучить. Мне жаль, Ливви. Мне очень, очень жаль.

Она замотала головой.

- Мне не нужно, чтобы ты еще раз просил прощения. Мы вместе, и я не хочу, чтобы по этому поводу тебя мучили угрызения совести. Мне просто хочется, чтобы ты перестал на меня давить.

Схватившись за мое плечо, Ливви меня шутливо потрепала.

- Мне нужно знать, каким образом мы к этому пришли, но это не означает, что я не рада тому, где мы оказались. Я здесь, с тобой, и никому из нас не следует об этом жалеть.

- Временами все кажется иначе. Ты испытываешь ко мне чувства, Ливви. Я знаю, что это так. Вот только ты не признаешься в них, потому как наказываешь меня за то, что я сделал. Понимаю, я это заслужил, но перестань делать вид, что ты меня простила. Если хочешь от меня правды, стань честной сама.

Я почувствовал между нами смену власти. Для Ливви я был там, где она хотела, то же самое касалось и ее для меня. Мы были друг у друга, и меня согревала мысль, что никто из нас так просто это не отпустит.

Ливви положила голову мне на грудь в безмолвном прощении. Иногда, она с такой легкостью вила из меня веревки. Если раньше мне приходилось работать над ее способностью прибирать власть к своим рукам через подчинение, то сейчас у Ливви это получалось на славу. И все же, я сомневался, что дело было в этом. Со дня нашей встречи, она крутила мною, так или иначе.

- Я прощаю тебя, Калеб. Я просто... злюсь. Ты тоже злишься. Мне не нравится, как легко ты причиняешь мне боль.

- Это нелегко, Ливви. И мне *не нравится* причинять тебе боль. Это неправда.

Она издала рычащий звук, отчего я едва не рассмеялся, но смог удержать это в себе.

- Я говорила о другом, - сказала она, - ведь... ты ушел. И можешь снова уйти. Ты *думаешь* о том, чтобы оставить меня и вернуться к той жизни. И как я должна себя после этого чувствовать?

Мне захотелось вскочить с кровати, и разбросать вещи по всему номеру. Ливви могла быть такой раздражающей.

- Единственная причина, по которой я тебе об этом сказал – потому что ты поступаешь со мной точно также. В одну минуту, ты не можешь без меня и хочешь моей грубости. В другую, спрашиваешь, не убил ли я кого. Как бы между прочим! Будто я когда-нибудь убивал без веской причины. И мне полагается верить, что ты хочешь провести остаток своей жизни с кем-то – по твоему мнению - способным на такие вещи? Если так... то ты, *определенно*, не та девушка, которой я тебя запомнил.

Ливви улыбнулась.

- Остаток моей жизни? А ты амбициозен.

Вдохнув, я резко выдохнул. Да, она была раздражающей. Мне пришлось рассмеяться, чтобы не встряхнуть ее как следует.

- Я... ладно. Я амбициозен - И не выдержав, добавил, - Не то, чтобы мне было чем, кроме этого, заняться. Мой график весьма незагружен.

- В таком случае, могу я задать свои вопросы? - робко улыбнулась она.

Я вздохнул.

- Черт. Задавай.

Казалось, что мы говорили часами. Скольких человек я убил? Почему я их убил? Убил ли я тех, кто был в особняке? Что произошло с Селией (она же, скорее всего, жива)?

По возможности, я отвечал на вопросы Ливви максимально быстро и кратко, не вдаваясь в эмоции. Я не жалел о забранных жизнях. И никогда не убивал просто так. Разве что испытывал чувство вины из-за тех, кого подверг опасности. Я не стал избегать вопросов, связанных с Рафиком - коих было немного, либо связанных с Ливви и мной - коих было *немало*.

- Тебе нравилось то, что ты со мной делал? - прошептала она.

Я был вымотан, как физически, так и эмоционально.

- А тебе? - переспросил я.

Я надеялся, что поняв намек, она перестанет задавать так много гребаных вопросов.

- Кое-что - да, - тихо прошептала Ливви.

Повернув голову, я уставился на нее. Она покраснела. Под конец, беседа становилась все интереснее и интереснее.

- Например? И не говори о порке - я *знаю*, ты обожаешь порку.

- Я... ну, *главным образом*, порка, но мне нравилось... и другое. Это твоя вина. Это ты сделал меня такой же сексуальной извращенкой, подстать себе.

Ливви поцеловала меня в грудь. Я рассмеялся.

- Везет же мне.

- Ты мог бы... меня связывать. Если тебе хочется. Если тебе... нравится.

Скользнув пальчиком под одеяло, Ливви принялась поглаживать мой член. Я простонал.

- Котенок... я...

Мои мысли разбегались, в то время, как Ливви обернула ладонь вокруг моей плоти, и начала меня ласкать.

- Я застигнут врасплох. И не думаю...

Мой голос сорвался, а глаза закрылись.

- Тебе бы этого хотелось?

Несмотря на смелые прикосновения, голос Ливви был тихим и застенчивым.

- Да, - прошептал я, - очень хотелось. Мне не хватает... Боже, как приятно.

Рукой она пробралась к моим яичкам, ногтями задевая сверхчувствительную кожу.

- Чего тебе не хватает? - прошептала Ливви, перекинув свою ногу через мою.

Моя рука лежала на ее пояснице, и я почувствовал, как своими бедрами она стала толкаться в меня.

- Контроля, - еле выговорил я, - мне не хватает контроля.

Подняв руку с поясницы, я положил ее Ливви на затылок.

- Надо мной? - с трудом дышала она.

- Да. Мне нравилось... говорить тебе, что делать. Нравилось знать, что произойдет дальше.

Я посмеялся про себя.

- Мне нравилось...

Склонять тебя и заставлять делать все, чего мне, мать его, хотелось. Обладать тобой. Шокировать тебя. Ломать и создавать тебя заново.

- Остановись, Ливви.

Я положил руку поверх ее, чтобы прекратить ласки моего члена.

- В чем дело? - взволнованно спросила она.

- В этом!

Я медленно сел.

- Что, по твоему мнению, мне в этом нравилось, Ливви? Я не привык быть... Я не нормальный, Ливви. У меня вставал, когда ты плакала. Это ты хочешь услышать?

Она выглядела обиженной.

- Я знаю, Калев. Ты мне говорил. Я и не жду, что ты будешь нормальным. Просто это...

Из обиженного, выражение ее лица превратилось в смущенное.

- Это что, Ливви? Объясни мне, потому что ты напрочь сбила меня с толку.

Я не отрывал от нее глаз, побуждая к ответу.

- Просто это, - всячески старалась она, - до тебя... у меня никого не было. А потом мы провели вместе так долго и сделали так много. И после, я осталась одна, без тебя, и, может быть, пыталась... с другими парнями, но они не были тобой... и я не смогла...

- Что? - потребовал я, - я думал, ты говорила, что после меня ты ни с кем не была.

Выйдя из речевого ступора, Ливви сердито ответила,

- Я не была! Я не могла! Кaleb, те вещи, которые ты со мной *делал*... Я к ним привыкла. И мне они нравились. С тобой никогда и ничего неправильного не происходило. Ты говорил мне, что делать и... мне этого хотелось. Не было никого, кто мог бы...

Она покраснела так, что даже ее грудь залилась краской. Я в потрясении выдохнул и вспомнил о первом утре в отеле, и множестве последующих раз, когда Ливви побуждала меня к доминированию. И почувствовал себя глупо, из-за того, что не догадался об этом раньше. Я знал, что некоторым нравились игры с элементами доминирования и подчинения, но для меня это никогда не было *игрой*. Посмотрев на Ливви, я улыбнулся.

- Ох, Котенок. Какая же мы странная пара. Я... не могу подобрать слов. Ты знаешь, что мне нравится. А доминировать над тобой мне не просто *нравится* - я это *обожаю*. Но это нелегко включить и выключить. Это... совсем другое.

Ливви стала нервно дергать за лежащую между нами простынь.

- Я знаю... Но... разве мы не можем попробовать? Раньше мы же это делали. Скажем... во время секса. Неужели нельзя попытаться?

Судя по ощущениям, мой мозг в черепушке взорвался. Ливви предлагала мне контроль, но только при определенных обстоятельствах. Это был слишком щедрый подарок, чтобы его принять, но я был в нетерпении распорядиться им по полной программе. Мой член был слишком тверд для того, чтобы мозг пытался соображать.

- Значит, если я скажу 'на колени', как ты отреагируешь?

Ливви протяжно выдохнула, улыбнулась, и опустилась с кровати на пол.

- Да, Кaleb, - прошептала она и покраснела.

Мое сердце екнуло.

- Думаю... Мне это понравится. *Очень*.

Глава 12

Февраль. Положение дел менялось. Снова. И некоторые изменения, пожалуй, даже большая их часть, мне нравились.

Мое любимое обстоятельство было связано с жадой Ливви к подчинению. Со дня 'инцидента с ноутбуком' и последовавшим обоюдным соглашением быть друг с

другом откровеннее, у нее не осталось иного выбора, кроме как нарушить по данному вопросу молчание. Кое-что из услышанного было неувидительным.

Секс, которым мы занимались, бесспорно, являлся для меня привычным. Я знал, что Ливви получала удовольствие от порки, преследований, удержания и периодического анального траха. Но вот чего я никак не ожидал - так это ее тяги к тому, что она называла *играми*, на что я ссылаясь, как на *инсценировки*.

Я надеялся, что после встречи с Ливви, мы начнем жизнь с чистого листа и притворимся, что прошлого никогда не было (когда я перечитал это предложение, оно показалось мне тупым). Как бы там ни было, все студенты на первом курсе должны были изучать психологию, и Ливви, казалось, чувствовала себя в ней, как рыба в воде. Она хотела поэкспериментировать с экспозиционной терапией, в надежде, что проиграв некоторые сцены ее опыта в безопасной обстановке, она больше не будет их бояться. Разумеется, я посчитал эту идею прибабахнутой (это специальный термин, да). Последнее, чего мне хотелось - это воспроизводить свою роль в качестве похитителя Ливви. Что, если бы это не сработало, и она меня возненавидела? Ливви пришлось потрудиться, чтобы уговорить меня, но я, в конечном итоге, согласился лишь на ряд менее... волнительных моментов.

Однажды утром, я сделал нам завтрак, поставил его на передвижной столик из ИКЕА, и направился в ее комнату. Пока я был занят на кухне, Ливви подготовилась, и я был приятно удивлен, обнаружив ее в одной из моих белых рубашек, и с изящными кошачьими ушками. Я понял значение этого одеяния, а ушки оказались 'вишенкой на торте', пронзившей меня в самое сердце.

- Мне снять свою рубашку? - спросил я.

По хронологии событий предусматривалось, что снять.

- Если ты переступил через свою *капризную скромность*, - прошептала она. В прошлом - в другое время, и в другом месте - ее слова показались бы мне провокационными, но в нашем воспроизведении, я нашел их... очаровательными. Я снял рубашку, наслаждаясь отражающейся в глазах Ливви похотью, а не страхом. Воспользовавшись случаем, я продолжил игру.

- Жаль, что мне нечем тебя привязать. Не могу вспомнить ни одного человека, кто смотрелся бы в ошейнике и наручниках лучше тебя.

Повернувшись, Ливви вытащила из-под кровати коробку, в которой я обнаружил украшенный ошейник, поводок и пару пушистых наручников. Я рассмеялся.

- Вот это да, а ты даром время не теряла. Когда и откуда ты умудрилась их достать?

Ливви покраснела, переиначивая дальнейшее развитие воспоминания.

- Заказала по интернету, - застенчиво ответила она.

Ее руки были уже заведены назад, и она легонько покачивалась из стороны в сторону. Я поцеловал Ливви. Это было легкое, символическое прикосновение губ.

- Повернись, - приказал я.

Вздвигнув, Ливви обронила еле слышный звук, но быстро подчинилась. И пока я кормил завтраком, расположившуюся у моих ног Ливви, меня атаковали несколько мыслей.

Во-первых, я осознал силу прощения. Во-вторых, нашел игру Ливви увлекательной. В-третьих, я никогда не смогу ее оставить. В-четвертых, я никогда *не захочу* ее оставить. Плохо ли, хорошо ли, но наш совместный опыт безвозвратно изменил Ливви. Она была девятнадцатилетней девушкой с наклонностями, которые не поймет ни один ее ровесник, и ранимостью, которую запросто мог распознать и воспользоваться любой мерзавец, вроде меня. Ливви была сильной, умной, волевой, целеустремленной, но еще она была мягкой, доверчивой, и нуждающейся в сердечных привязанностях. О ней надо было заботиться.

Следующими изменениями я наслаждался в меньшей степени. В рамках заключенного соглашения, мы с Ливви обсуждали наши страхи, надежды и стремления в том, какими должны быть отношения. Ей хотелось побольше узнать о моем прошлом, о Мексике, и том, чем - не таким отвратительным - я занимался в течение проведенного без нее года.

Из-за писательской деятельности Ливви, мне было беспокойно. Однако, кроме проводимого с Клаудией и Рубио времени, или секса, нас с ней мало что занимало. Очевидно, я вдохновил Ливви на 'писанину', и она решилась включить в свой рассказ изложенные мною факты.

Неожиданно, бывали дни, когда она со мной не разговаривала, потому что только заканчивала описывать какое-нибудь травматическое событие с моим участием. Это были моменты, которые никому из нас не хотелось *воспроизводить*. Поначалу, я пытался соблазном вытащить ее из подобных мыслей, но после нескольких попыток, Ливви узрела в этом манипуляцию. Вскоре, я решил в такие дни... ну, и критические дни, отсиживать в кустах.

В другие дни, она взяла в привычку ловить меня на диване или за обеденным столом, и задавать мне бесцеремонные вопросы о моем прошлом. Обычно, это заканчивалось либо ссорой из-за моей 'уклончивости', либо сексом. Иногда у нас бывало и то, и другое - сначала ссора, сразу после чего, секс. Я переживал, что если все продолжится в том же духе, то у меня будет возникать эрекция всякий раз, когда Ливви мною недовольна.

Но, как и в случае с сексуальными играми, я начал видеть преимущества самовыражения через наши разговоры. Я понимал, что уже не расстраивался из-за ее вопросов, как это было раньше. И понемногу сам предлагал ей информацию, о которой она не спрашивала. Я рассказал ей про Резу, и насколько виноватым чувствовал себя за то, что не предупредил его о смерти Нарви. Он был таким оптимистичным мальчиком. Положение раба ему нравилось не больше, чем мне, но там, где я бунтовал до последнего вздоха, Реза тактично управлял ситуацией.

- Думаешь, он мог убежать? В смысле, я слышала, как эта пушка стреляет. Наверное, вся округа узнала, что кто-то стрелял. Мог он, услышав это, убежать? - спросила Ливви.

Прозвучит невероятно глупо, но... это гребаная мысль даже не приходила мне в голову! Правда, не приходила. Я был вне себя. По сей день, когда бы я ни вспоминал момент своего первого убийства, я не слышал ни одного постороннего звука, кроме биения своего сердца, и пронзительного шумного потока адреналина в своих венах. Я помнил тяжесть револьвера. Помнил выражение отвращения на лице Нарви. Я помнил, как закрыл глаза, и нажал на курок. Помнил, что до того, как рухнуть на пол, в мое лицо брызнуло что-то мокрое. Я помнил тишину. Присев, я ничего не слышал, но

неотрывно смотрел в холодные, пустые глаза своего мучителя. Помнил, как подумал, что душа, должно быть, существует. Что-то удерживало Нарви живым, а потом оно исчезло, оставив лишь мясо, кровь и груды костей. Я помнил острое чувство злости и печали оттого, что оказался недостаточно храбрым, чтобы держать глаза открытыми. Помнил, как подумал: *мне следовало заставить его умолять о моем прощении. Заставить его молить о пощаде. Мне следовало изнасиловать его тростью, которой он меня избивал.*

- Я... не знаю, мог ли Реза убежать. Думаю, это возможно, - произнес я в состоянии полного потрясения. - Рафик сказал, что сжег здание вместе с телом Нарви. Наверное... я не хотел задавать слишком много вопросов.

- Почему?

Ливви положила свою ручку поверх моей.

- Я не был уверен, понравится ли это Рафику, - просто ответил я.

- Поразмыслив, что если он смог сжечь здание, полное людей, и спокойно заявить об этом за завтраком, я решил не попадать к нему в немилость.

- Сколько тебе было?

- Придется иметь дело с математикой. Когда там мой день рождения?

- Джеймс. А серьезно?

Я рассмеялся.

- Дай мне передохнуть. Прежде, мне никогда не приходилось об этом вспоминать.

- Тебе двадцать семь.

Она немного грустно улыбнулась. Я подумал пару мгновений.

- Думаю, мне было... двенадцать, может, тринадцать?

Откинувшись на стуле, Ливви уставилась на меня.

- Господи Иисусе.

Она покачала головой, и утерла слезу.

- Я в порядке, зверушка. По крайней мере... я так думаю.

Я не возражал против того, чтобы (так полно) открываться Ливви, но за этим неизменно следовали мои переживания о том, что она увидит меня слабым. Я не хотел ее жалости. Я только хотел, чтобы она поняла, как много усилий я приложил к тому, чтобы дать ей то, в чем она нуждалась. Хотя, я только начинал понимать, что в чем, *по моему мнению*, Ливви нуждалась, и что ей *на самом деле* требовалось - было разными вещами. Не всегда. Но иногда.

Бывали дни, когда я брал на себя обязанность ретивого защитника Ливви (и пьяной университетской шпане приходилось следить за своими языками, если их беспокоила целостность собственных зубов).

- Ты больше, чем в порядке. Я чертовски впечатлена тобой. У меня такое ощущение, словно... чем больше я узнаю о твоём прошлом... у меня было так много

чувств, которые я не могла обдумать в Мексике. И когда я пыталась объяснить это Риду или Слоан, по их лицам я видела, какой смешной им казалась.

- Проще объяснять свои чувства к поруганной шлюхе, чем к мужчине, державшей тебя пленницей? Дело в половой принадлежности и роде деятельности?

Я пытался не выдать голосом, как при этих словах сжались мои яйца. Ливви пришла в ужас.

- Нет! Джеймс... нет. Скорее... ты мог быть таким холодным. Но когда я находилась на грани, цепляясь за тоненькую ниточку... ты всегда знал, что сказать. У тебя есть эта способность удерживать меня и вселять надежду. Ты полон тепла и доброты.

На это мне пришлось нахмуриться, и Ливви шлепнула меня по руке.

- Так и есть! - настаивала она.

- Я не всегда видела, находился ты в комнате или нет, но всегда чувствовала. Я не понимала, откуда это взялось, но когда я слышу, как ты рассказываешь о своем прошлом, для меня все обретает смысл.

Признаться, я был немного смущен. Я не очень-то привык к комплиментам, особенно, когда они чрезмерно личные и искренние. Мое сердце было почти... умиротворенным. Я же, напротив, чувствовал себя дерганным.

- Ну что ж. Хорошо. Наверное. Хорошо, если ты считаешь меня... хорошим.

- Джеймс, ты выглядишь так, как будто я только что пукнула тебе прямо в лицо.

Ливви широко улыбнулась.

- Что?! Это омерзительно.

Ливви расхохоталась. Это был ее невероятно громкий хохот, означающий невозможность контролировать себя, и являющийся не самым милым зрелищем, но я любил, когда она так смеялась. И я люблю, когда она так смеется.

- Нет. Это *Монти Пайтон*.

Я тоже хохотал. Веселье Ливви было слишком заразительным, чтобы его не разделить.

- Чего?

- Фильм.

Она утерла глаза от слез, на что я тут же притянул ее руку к своим губам, и облизнул пальчик. Так много видов слез. И я собираюсь попробовать их все.

- Не уверен, что хочу его смотреть.

Подавшись вперед, Ливви поцеловала меня в губы.

- Теперь *придется*. Это старый, но до ужаса смешной фильм, и я не могу дожидаться, когда увижу твою реакцию.

Я скорчил 'какого хрена с тобой не так?' физиономию.

- Тревожно, когда ты так делаешь. Я всегда понимаю, что произойдет нечто грандиозное, потому как ты смотришь на меня своими огромными глазами напуганного олененка.

Ливви пожала плечами.

- Не моя вина в том, что на тебя так приятно смотреть.

Выражение ее личика стало сочувственно-осуждающим.

- Ты единственный человек, которого я знаю, кто в синяках выглядит *еще сексуальнее*.

Она ткнула в шов на моей брови, и я зашипел.

- Черт бы тебя побрал, зверушка. Больно же.

Я посещал спортивный зал по несколько раз в неделю, и дрался. Чаще всего, моим противником становился Фернандо, но от случая к случаю, я спаринговался и с другими ребятами. Некоторые из них даже оказались приличными собеседниками, до тех пор, пока не отклонялись от темы состязаний, стилей борьбы, или рациона питания. Меня даже вынудили попробовать протеиновый коктейль... один раз.

- Да? А тебе не было больно, когда тот парень лупасил тебя по морде?

Сжав кулачок, она покрутила им у края глаза, прикусив свою нижнюю губу.

- Ты назвала меня нытиком?

Встав, я пристально посмотрел на Ливви, которой пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться со мной взглядом.

- Большая заявка для такой маленькой девочки.

- Я тебя не боюсь, и ткну в твой пластырь.

Она выпятила свою пышную грудь. Было трудно сохранять беспристрастное лицо. *Она, что... реально меня переговорила?* Ответом было оглушающее 'да'.

- Ткнешь в мой пластырь, и получишь серьезные проблемы.

Ливви сжала челюсти, чтобы не улыбнуться. Медленно ее рука потянулась вверх, к моей брови... Ее взгляд встретился с моим... Она решалась... Поддавшись вспышке возбуждения, облизнула нижнюю губу, и... ткнула пальцем в мой порез. Я не поморщился.

- Это та часть, где я злюсь, и угрожаю преподать тебе урок? - спокойно спросил я.

Теперь уже Ливви практически трясло от возбуждения.

- Да.

Ее передернуло.

- Когда ты уходишь на работу?

- У меня есть несколько часов, - с придыханием ответила она.

- Значит...

Глядя ее по лицу одной рукой, и наблюдая за тем, как она закрыла глаза, чтобы насладиться моим прикосновением, второй я схватил ее за волосы и потянул.

- Давай научим тебя кое-каким манерам.

- Напомни мне еще раз, почему мы проводим наш романтический вечер с Клаудией и Рубио? Если тебе нужна романтика, то присутствие посторонних людей кажется нецелесообразным.

Я забыл свои туфли в номере отеля, и нам пришлось за ними возвращаться. Циферблат на приборной панели напомнил, что нам нужно забрать пару друзей где-то через час.

- *Потому что*, Лучший Парень на Свете, будет весело. К тому же, Руби очень хотел отвести Клаудию в какое-нибудь приличное место. Он копил с самого Рождества. *Can Fabes* славится восхитительной кухней. Я до сих пор не знаю, каким образом тебе удалось зарезервировать столик. И вообще, как у тебя это получилось? Ведь все решилось в последний момент.

Ливви в третий раз проверила состояние своей губной помады в зеркале солнцезащитного откидного козырька. Думаю, ей просто нравилось, как на ней смотрелся красный цвет. Как и мне.

- Все решилось в последний момент, потому как ты умолчала про то, что я должен был что-то планировать. День Святого Валентина? Я слышал о нем, но понятия не имел, что люди участвуют в подобного рода... сентиментальностях. Разве им не хватает этого на День Благодарения и Рождество?

Включив поворотный сигнал, я выехал на соседнюю полосу, чтобы объехать нечто, оказавшееся гольф-мобилем. *Малолитражные машины. Гадость!*

- Меняешь тему разговора, Джеймс. Я в курсе твоей тактики, - Ливви впиалась в меня глазами, а на ее губах играла улыбка.

- Я лично отправился в ресторан и очаровал администратора. Она была очень сговорчивой.

Ухмыльнувшись, я увидел, как улыбка Ливви растаяла.

- Ты сама просила, - я пожал плечами.

- Я не просила тебя флиртовать с другой девушкой.

- Я и не говорил, что флиртовал. Я сказал, очаровал. Я просто объяснил, что оказался невежей и совершил вопиющую ошибку, не зарезервировав столик, чтобы отвести мою прекрасную девушку и ее свиту на ужин в самый романтический день года. Сказал, что без тебя я буду потерян, и если она окажет мне подобную любезность, то удостоится моей наиглубочайшей признательности. Затем я преподнес ей солидные чаевые.

Я не отрывал взгляда от дороги, хотя знал, что выражение моего лица оставалось самодовольным.

- Придурок, - сказала Ливви.

Взяв мою руку, она поместила ее между своими ладошками, и сжала.

- Идиотка, - парировал я, - будто кто-нибудь еще мог привлечь мое внимание.

Я сжал ее руку в ответ.

- У меня для тебя подарок, - произнесла Ливви.

- Котенок, - предостерег я, - мы уже обменялись подарками.

Я преподнес ей жемчуг, а Ливви презентовала мне себя в красной накидке, и на каблуках, из-за высоты которых практически достигла уровня моих глаз. Это была очень краткая, но весьма увлекательная погоня - никто не смог бы долго бегать на таких ходулях. Я запретил Ливви носить их вне дома.

- Расслабься. Ничего такого.

Открыв свою сумочку, она вытащила коробку конфет. Я рассмеялся.

- Она выглядит начатой.

- Я почти все съела, - сказала она.

- Ты иногда такая странная, зверушка.

- Признак моего сумасшествия, Секси. Раскрой свою ладонь.

Я уступил, и Ливви высыпала мне на руку несколько конфет в форме сердца. Увидев их, я почувствовал, словно кто-то сжал мое собственное. На каждой сладости было написано 'Будь моим'.

- Я уже твой, зверушка. А ты моя.

Затолкав конфеты в свой рот, я несколько испортил романтичность момента, но, кажется, Ливви не возражала.

- Да, твоя, - ответила она, и поцеловала меня в щеку.

В глубине сердца я почувствовал утверждение, по моему подозрению, с некоторых пор, являвшееся правдой. В действительности, она имела в виду: *Я люблю тебя*.

После того, как мы забрали мои туфли, а также заехали за Клаудией и Рубио (мне всегда было неудобно называть этого паренька Руби), мы добрались до ресторана с запасом в десять минут. Подойдя к администратору, я испытал некоторую неловкость. Ею оказалась та самая девушка, что и на прошлой неделе. Она дружелюбно улыбнулась, однако, от меня не ускользнуло то, как ее бровь поползла вверх, при виде меня с толпой молодежи, которую я привел с собой. Я никогда не стеснялся Ливви, но находясь в компании трех гораздо более молодых людей, чувствовал себя... старым. Было время, когда этот факт меня не тревожил, потому что я понятия не имел о своем реальном возрасте. Тем не менее, администратор нас тепло поприветствовала.

- Сеньор Коул.

Она указала нам в сторону нашего официанта, который с улыбкой попросил нас проследовать за ним.

- Твоя фамилия Коул? Как и у Софии? - Клаудия звучала недоверчиво.

- Странное совпадение, - сказал я.

Клаудия пожала плечами, что придало ей детский вид, несмотря на довольно взрослое коктейльное платье.

- Полагаю, если вы когда-нибудь решите пожениться, вам не придется спорить о том, менять Софии фамилию, или нет.

- Клаудия, - прошипела Ливви.

Официант скромно улыбнулся и отвел взгляд, пока мы рассаживались по своим местам. Я помог Ливви снять пальто, и выдвинул для нее стул (шесть месяцев назад, я даже не мог открыть дверь). Рубио, став свидетелем моих безукоризненных навыков профессионального ухажера, позаботился о Клаудии. Судя по всему, дамы высоко оценили наши старания.

- Прошу вас просмотреть меню, пока я оставляю вашу одежду в гардеробной.

Официант удалился, и, заметив, как он разговаривает с администратором, я догадался, что ей полагалось забрать нашу верхнюю одежду, как только мы вошли. Я надеялся, что не причинил ей никаких неприятностей. Хотя с другой стороны, она должна была выполнять свою работу.

- Спасибо, что пригласил нас, - обратился ко мне Рубио.

Он всегда такой воспитанный, что я частенько задаюсь вопросом, каким образом Клаудии удастся его удерживать. Но потом вспоминаю о себе и Ливви. Бывают случаи и поинтереснее.

- Спасибо, что помог выбрать ресторан. Этот район мне мало знаком.

Я подмигнул Рубио, на что тот сдержал улыбку. Об этом ресторане мне рассказал консьерж моего отеля, но было нелишним посодействовать Рубио, чтобы впечатлить его девушку.

- Руби такой скромный.

Клаудия повернулась к своему парню.

- Ты не говорил, что помог запланировать этот ужин.

Она поцеловала его в щеку. Рубио покраснел (жалкий тип).

- Это был... сюрприз.

Ливви сжала мое бедро.

- Ооой, ребята, вы такие милые, что меня сейчас стошнит.

Мы с ней потешались над неловкостью второй пары. Они хоть понимали, с кем ужинали? Клаудия быстро пришла в себя.

- Как будто вы лучше. Вы постоянно раздеваете друг друга глазами. Удивительно, что вы вообще выбрались из дома.

- Мужчине нужно питаться, - сказал я, - к тому же, я раздеваю ее не только глазами. Иногда я делаю это зубами.

Ливви покраснела до корней волос, пока мы покатывались со смеху.

- Я просто рада, что она, наконец-то, встретила свою пару. Мы с Руби долго пытались ее с кем-нибудь свести. Даже думали, что она могла быть лесбиянкой, и стеснялась нам в этом признаться. Чтобы вывести ее на разговор, я даже рассказала ей о том, как однажды поцеловала свою подругу Беттани... но она не отреагировала.

У Клаудии есть привычка вываливать слишком много информации, но когда дело касается Ливви, я наслаждаюсь каждым ее словом.

- У тебя *нет* подруги по имени Беттани, - укорила Ливви.

Судя по голосу, она казалась взбешенной, но это было напускным.

- Ты же этого не знала, - ответила Клаудия, - я просто хотела продемонстрировать тебе свое одобрительное отношение к тому, что ты лесбиянка.

- Но я не лесбиянка! - воскликнула Ливви в притворном раздражении, и закрыла лицо, когда официант, выбрав именно этот момент, вернулся к нашему столу.

Несмотря на мою уверенность, что он невольно услышал разговор, официант держал себя в рамках профессиональной этики. Вскоре, и всем нам удалось успокоиться настолько, чтобы заказать ужин и вино.

Ливви считала Европу 'чумовой' по той лишь причине, что согласно закону, здесь разрешалось употребление алкоголя с восемнадцати лет. Конечно, если вы дотянетесь до барной стойки, чтобы вас обслужили.

- Знаешь, если когда-нибудь решишь поэкспериментировать с девушкой - естественно, под моим бдительным руководством - я ничего не имею против.

Я послал Ливви нахальную улыбку, и для пущего эффекта, изогнул бровь. Она покачала головой.

- Бьюсь об заклад, что не имеешь.

Под столом, ее рука накрыла мои яйца и ее глаза расширились, когда она почувствовала доказательство моего возбуждения.

- Позже, - прошептала она.

И я задумался, подразумевала ли она, что позже ублажит меня, или позже предстанет передо мной целующей и ласкающей другую девушку. В любом случае, мне повезло.

Остаток ужина прошел в таком же веселом настроении. Клаудия и Ливви разговорную часть взяли на себя. Мне так было предпочтительней, и Рубио, кажется, тоже. Ливви была остроумной, а Клаудия настолько грубой, что я не мог не потешаться над этими двумя подружками. Эльф со своим парнем, все больше вызывали мою симпатию.

После ужина и попытки потанцевать (а я *не* самый лучший танцор), я отвез Клаудию и ее парня домой. Рубио - будучи джентльменом, коим он и является - пытался сунуть свою долю расходов на ужин в мой карман, но я ему не позволил.

- Купи ей что-нибудь дорогое, ибо ничто так не делает женщину более покладистой в постели, - с улыбкой произнес я.

- Я уже покладистая, - возразила Клаудия, - Руби может производить впечатление тихони, но вы же знаете, что говорят о тихом омуте.

Руби рассмеялся, одновременно, залившись краской.

- Она пьяна. Я лучше заведу ее домой.

- Да! Заведи меня!

Притянув Рубио к себе, своим ртом Клаудия прижалась к его лицу. Это длилось так долго, что я решил уехать, наблюдая в зеркало заднего вида за тем, как Рубио махнул рукой, продолжая целоваться.

Ливви растянулась на пассажирском сидении, пребывая в блаженном опьянении, и судя по тому, как она себя поглаживала, по прибытии домой, мне было чем заняться.

- Тебе что-нибудь нужно из твоей квартиры? Сегодня мне бы хотел остаться в отеле.

Я гладил Ливви в перерывах между маневрами на дороге.

- А что? - сонно спросила она.

- Все мои вещи в отеле. Твоя квартира ближе к тому месту, где мы сейчас находимся. И если тебе что-нибудь нужно, мы можем заехать, - объяснил я. Я ненавидел спать без Ливви. Когда она оставалась со мной, кошмары снились значительно реже.

- Но я хочу тебя. И не хочу ждать, - канючила она.

Она была очень пьяной, и часть меня подозревала, что этой ночью о сексе можно было не мечтать.

- Я тоже хочу тебя. Жаль, что мы живем так далеко друг от друга. У Клаудии и Рубио нет этой проблемы.

Внезапно Ливви стала совершенно трезвой, если только не принимать во внимание ее огромные хмельные глаза.

- Ты... хочешь переехать в мою квартиру?

- Нет, - однозначно ответил я.

- Ох.

Казалось, она одновременно испытала и облегчение, и разочарование. Отвернувшись, в течение нескольких минут, Ливви смотрела в окно, затем сердито спросила, - Почему нет?

- Потому что, твоя квартира маленькая.

- Ох.

Замешательство. Я вздохнул.

- Я прошу тебя переехать со мной, София. Я уеду из своего отеля, ты - из своей квартиры, и мы купим *наше общее* жилище.

Машину заполнила тишина, по ощущениям, длиною в бесконечные часы.

- Хорошо, - просто ответила она.

- Хорошо? - недоверчиво переспросил я.

Что это был за ответ?

- Хорошо, - повторила она, вложив свою ладошку в мою руку.

- Хорошо, - сказал я.

Мое сердце было переполненным.

Глава 13

В свое новое жилище мы переехали в апреле. И хотя я считал иначе, но Ливви настояла, что лучшим подарком было въехать в совместный дом как раз в день ее рождения. По ее утверждению, этот праздник оказался хорошим предлогом для того, чтобы заставить ее друзей помочь с перевозкой вещей. Ливви не хотела нанимать специальных рабочих.

Кроме того, она чувствовала себя довольно неловко за то, что купив наш дом, я оформил его на ее имя. Я же настаивал, что так будет лучше, нежели в качестве владельца указать нелегально существующего человека. Ливви согласилась, но осталась верна своему решению по поводу перевоза ее вещей незнакомыми людьми.

Что касается меня, я пребывал в состоянии, схожим с взволнованностью. Для взрослого мужчины, слово 'взволнованный' кажется неправильным, оно скорее, подходит для описания эмоции молодой школьницы.

Мне хотелось купить дом напрямую, но я подумал, что если ФБР решит разнюхать остановку, им это покажется подозрительным. Поэтому, с моей подачи, Ливви сняла со своего счета сумму для накопления стипендии, и поместила ее в персональную банковскую ячейку. После, этими наличными я расплатился за покупку.

Со временем, я собирался прибегнуть к помощи ряда прежних знакомств, для создания иллюзии, будто в отношении нового образа жизни Ливви ничего не изменилось. Не обязательно, что ФБР могло достать нас в далекой Испании, но лучше было не привлекать внимания, проживая жизнь по - как им известно - неприемлемым для нее средствам.

Плохо ли, хорошо ли, но я не посвятил Ливви в свои планы, предусматривающие незаконную деятельность. Даже становясь весьма благовоспитанным парнем, я все еще оставался собой.

Мы с Ливви купили громадный, некоторое время пустовавший дом, и долго смеялись над количеством окон. В нем едва ли можно было найти темную комнату; свет наполнял каждый угол, каждую трещину. Я подумал, это было символично. Мы провели достаточное время в темноте. Однако, из-за *ряда* вещей, которые я любил вытворять с Ливви, и которые не полагалось видеть при дневном свете, я убедился, чтобы окна спальни занавешивались плотными шторами.

Дом был меблирован с целью выгодной демонстрации арочных потолков, мраморных столешниц, глубоких раковин, гостиных комнат, а также деревянной и каменной отделки. Я предложил купить его в том виде, в котором он был. Это стало отличным предлогом уговорить Ливви подарить свою мебель Клаудии и Рубио (пускай теперь *он* возится со всеми этими маленькими подушками). В ответ она лишь изогнула бровь, но принципиально упираться не стала.

Я уже некоторое время занимался поиском жилья, и к тому моменту, когда мы с Ливви принялись к осмотру, значительно сузил список вариантов. Это была проверка моей хитрости, чтобы подтолкнуть ее к 'выбору' дома, который я для нее хотел. И мои усилия принесли определенные плоды.

В целом, дом предполагал наличие определенного достатка, но не такого, чтобы глаза лезли на лоб. В нашем районе жили представители рабочего класса, а не

знаменитости. Это был дом, с которым мы могли сродниться, и остаться в нем надолго.

Одну из больших комнат на верхнем этаже, я планировал переделать в библиотеку/кабинет Ливви. Нижний этаж я уже застолбил под проект на свое дальнейшее усмотрение.

- *Пожалуйста*, скажи мне, что это последняя коробка, - на деревянном полу растянулся эльф.

- У меня не так много вещей, Клаудия. Перестань ныть.

Ливви поставила коробку, которую несла, тыльной стороной руки вытирая пот со лба. Поймав ее за тем, как она с выражением благоговения на лице оглядывает дом, в моей груди стало тесно. Делать ее счастливой оказалось большей наградой, чем я ожидал.

Мною снова двигало ощущение цели. Той, которой я смогу гордиться.

Перешагнув через Клаудию, я обратился к Ливви,

- В холодильнике есть Кола. Кроме нее, я принес упаковку воды. Немного погоды, заеду в магазин за какой-нибудь едой. Я должен тебе, по крайней мере, праздничный ужин, - и поцеловав Ливви в лоб, вышел за дверь.

Фургон для мебели был пуст, и Рубио собирался последовать за мной, чтобы оставить его, и привезти меня обратно. Он ждал меня на улице, и, как ни удивительно, был одет для работы, а не по моде. Было забавно видеть его в мешковатых джинсах, футболке и кроссовках. Так Рубио выглядел еще моложе, чем был на самом деле.

- Готов ехать? - спросил он.

- Да. На время нашего отсутствия, девушки могут заняться раскладыванием вещей. На обратном пути, надо заехать в магазин. На ужин можно купить стейки.

Проходя мимо Рубио, я взъерошил ему волосы. Он рассмеялся и повернулся к своей машине. До этого момента, самое большее, на что я был способен, это пожать его руку, однако, за несколько месяцев мы стали, в некотором роде, друзьями. Я бы никогда не смог ему довериться, но он относился ко мне с большим уважением, и я, так сказать, начал его опекать.

- Звучит неплохо. Там же можем купить для Софии торт.

Рубио улыбнулся. Он, вроде как, тоже меня опекал.

Через Рубио я получал представление о юношеских взглядах Ливви. Она преуменьшала важность своего дня рождения, но он знал, что ей все равно хотелось небольшого праздника. Я же планировал устроить праздник позже, когда мы останемся вдвоем. Но идея с тортом все равно была неплохой.

- Отличная мысль, - сказал я.

Отъезжая, я не удержался и посмотрел в зеркало заднего вида на наш с Ливви новый дом. Неужели я пошел дальше? Неужели оставил прежнего себя в прошлом? Я не знал об этом наверняка. И все же, мысль о том, что Ливви будет первым человеком, которого я стану лицезреть каждое утро, и последним - перед сном, оказалась более успокаивающей, чем я себе когда-нибудь представлял. Моя новая жизнь с ней была всем. И как бы меня ни ужасала идея о том, что без нее я никто, я был безмерно

счастлив провести с ней столько времени, сколько нам было отведено судьбой. И конечно, если эта самая судьба вознамерится и попытается вырвать Ливви из моих рук, я буду бороться за нее как последний сукин сын.

Оставив фургон, мы с Рубио купили кое-какие продукты и торт для именинницы. Я был вымотан, но мне очень хотелось сделать день ее рождения особенным. Эгоистично, но я не мог дожидаться, пока все остальные уйдут, и мы с Ливви сможем насладиться первой ночью в нашем новом доме.

- Надеюсь, Софии понравится наш подарок. Мы не располагаем такими средствами, как у тебя.

Рубио улыбнулся, смахнув часть своих уложенных волос с лица (они постоянно соблазняли меня пройти по ним ножницами).

- Уверен, что бы это ни было, ей понравится. Вы ее друзья и, возможно, знаете ее лучше меня.

- Я так не думаю. С тобой она другая. Более счастливая. Когда мы с Клаудией встретили ее в первый раз, она была какой-то тихой. Не любила рассказывать о своей семье, о том, где выросла. Клаудия очень жалела Софию, и говорила, что ей, должно быть, очень одиноко.

Я нахмурился.

- Софии не нужна ничья жалость. Она слишком сильная для этого.

- Не в том смысле.

Рубио выглядел обиженным.

- Клаудии просто не нравится видеть людей несчастными. Она не показывает свою чувствительность, но у нее очень доброе сердце.

- Точно, - с недоверием произнес я.

Эльф была наглой и грубой девчонкой. Она мне нравилась, но я сомневался в мягкости и отзывчивости ее внутреннего эго.

Я впервые увидел Рубио раздраженным.

- Тебе это неизвестно, так ведь? А *мне* известно.

Мне пришлось рассмеяться.

- Я не хотел тебя обидеть. Клаудия хорошая подруга. Она просто... ну, сам знаешь.

Раздражение Рубио мгновенно испарилось.

- Да. Знаю. На вечеринку, на которой мы познакомились, меня притащил мой друг. Мне очень нравилась одна девушка, но я узнал, что она начала встречаться с другим, и это разбило мне сердце. Я хотел остаться дома, но все равно пошел. Клаудия меня заприметила и взяла в оборот. Она была ураганом веселья, настаивая на том, чтобы я развлекался. Я рассказал ей о той девушке, но Клаудия ответила, чтобы я о ней забыл, потому как теперь *она* была моей девушкой.

Рубио расплылся в дурацкой улыбке.

- Вы друг другу подходите, - сказал я.

Кажется, ему это понравилось.

- Расскажи мне еще о Софии.

- Она была грустной. Мы ее веселили, но этого хватало ненадолго. Я оставлял ее с Клаудией наедине, потому что думал, что София расстраивалась, видя нас такими счастливыми. Она об этом никогда не говорила, но мы догадывались. Поэтому мы так настойчиво пытались ее с кем-нибудь свести.

Он пожал плечами.

- Потом она встретила тебя. И теперь она счастлива. Надеюсь, ты понимаешь, насколько тебе повезло. Я не знаю многого о ее прошлом, но знаю, что она хороший человек. Тебе следует быть к ней внимательным.

Я посмотрел на Рубио, выражение лица которого стало очень серьезным. Он был хорошим парнем.

- Я собираюсь сделать Софию очень счастливой, Рубио. Тебе не нужно говорить мне об этом.

- Вот и хорошо, - ответил он, - я не хотел с тобой воевать.

Я рассмеялся. Просто не смог сдержаться, представив Рубио, пытающегося со мной воевать.

- И я с тобой, Рубио.

Когда мы, наконец-то, вернулись домой, события приобрели менее приятный оборот. Клаудия встретила нас на подъездной аллее с таким лицом, от которого мое сердцебиение ускорилося.

- Где она? - спросил я, уже направляясь в сторону дома, и не слыша, что Клаудия пыталась мне сказать.

- София! - крикнул я, несясь по ступенькам вверх.

- Я здесь! - ответила она из спальни.

По мне прошла волна облегчения. Она невредима. Она в безопасности.

В нашей жизни теперь все было по-другому. Мне потребовалось время, чтобы успокоиться. Я думал, мне придется кого-то убить.

Когда я вошел в спальню, Ливви сидела на кровати и плакала, держа в руках письмо.

- Что случилось, зверушка?

Она пожала плечами.

- Не знаю. Просто...

Утерев слезы, она шмыгнула носом.

- Что тебя расстроило? Я сделал что-нибудь не так?

Я ненавидел, когда Ливви была грустной. Я больше не получал удовольствия от ее слез. На моем языке они ощущались горькими.

- Нет, малыш. Дело не в тебе.

Никогда прежде она не называла меня малышом - во всяком случае, не в хорошем смысле.

- Расскажи мне.

Я сел рядом с ней на кровать, и она сразу же пролезла под моей рукой, и устроилась у меня на груди. Я гладил ее по спине и ждал. Ливви по натуре была болтушкой, и я знал, что рано или поздно она мне откроется.

- Моя мать прислала мне поздравительную открытку. Я забирала свою почту, среди которой оказался неподписанный конверт. Я была к этому не готова.

Она зарылась лицом в мою грудь. Взаимоотношения Ливви с ее семьей были сложными. Я хотел, чтобы она была счастлива. Хотел, чтобы у нее было все, что она пожелает. В то же время, я хотел быть частью этого счастья. Большею частью. А ее семья могла угрожать этому - угрожать нам, тому, чего у нас пока было. Мне нужно было действовать осторожно.

- И что в ней говорится?

- Что ей жаль. Она пишет, что скучает по мне, что они все скучают: мои братья, мои сестры. Она хочет знать, можем ли бы все исправить.

Всхлипнув, Ливви прижалась ко мне еще крепче.

- Ты хочешь этого, зверушка?

Я хотел, чтобы она сказала 'нет'. Хотел, чтобы она сказала, что я единственный человек, который ей нужен, а все остальные могут оправляться к чертям. Но я знал, что это будет значить.

Я был сиротой. У меня мог оставаться один живой родитель, но в моем понимании, я *по-прежнему* был сиротой.

- Я не знаю.

Мне пришлось вздохнуть.

- Это все из-за меня. Всегда из-за меня. Я не хочу быть тем, кто удерживает тебя от людей, которых ты любишь.

Я не был уверен в том, что пытался сказать, единственное, я знал, что произносить это было адски больно. Отношения Ливви со мной всегда будут отдалять ее от остального мира, и я был слишком эгоистичным, чтобы это изменить.

- Не из-за тебя! - настаивала Ливви, - отношения между мной и матерью были напряженными еще до того, как мы с тобой встретились. И ты об этом *знаешь*, просто...

- Она твоя мать. Они - твоя кровь.

- Ты тоже.

Поцеловав меня в грудь, Ливви вернулась в прежнее положение.

- Мы пролили кровь друг за друга. И это больше, нежели так называемая 'моя кровь'.

Я резко вдохнул. Для меня ее слова были и трогательными, и одновременно тревожными.

- Это была и моя вина.

- Кaleb, что с тобой? Ты *пытаешься* сделать так, чтобы я на тебя разозлилась? Ты делаешь меня счастливой. Сегодняшний день был одним из самых лучших в моей жизни. Не порть его, сводя возникшую ситуацию к нам. Это касается моей матери и того, как она всем манипулирует. Во всяком случае, у тебя были причины для того, что ты со мной делал. Каковы были *ее* гребаные причины, Кaleb? Каковы были ее причины, чтобы относиться ко мне, как к куску дерьма, а потом выжидать *пять дней*, чтобы приехать ко мне в больницу?

Ливви выпрямилась, сжимая в кулаке то, что - как я предполагаю - было ее поздравительной открыткой.

- Прости, Котенок. Я не собирался сводить это к себе. Но вот что я знаю: Ты заслуживаешь быть счастливой. И если, получив ответы на свои вопросы, ты обретешь спокойствие, то, как минимум этим, ты себе обязана. Но если ты с ней покончила, тоже хорошо... просто я так не думаю.

Я снова притянул Ливви в свои объятия, не зная, успокаивал ли этим ее или себя, но похоже, что они помогли нам обоим.

- Может, я позвоню ей на следующей неделе.

- Хорошо, - прошептал я.

Это все, на что я был способен.

- Обещай, что ты не уйдешь.

Ливви крепко прижималась ко мне своими ручками.

- Обещаю. Ты можешь сказать то же самое?

Я почти боялся ответа.

- Обещаю. Я твоя, - сказала она.

- А я твой.

- София? Нам уходить? - крикнула Клаудиа с нижнего этажа.

- Нет! - ответила Ливви, - мы спустимся через минуту.

Поднявшись, она поцеловала меня, сначала нежно, затем страстно. Придвинув Ливви к себе, я принялся ласкать ее грудь. Она разорвала поцелуй.
- Позже, Секс. У нас уйма времени.

- И я планирую удержать тебя на весь этот срок.

И еще раз ее поцеловал.

- Хорошо. Люблю, когда ты меня удерживаешь.

Ливви улыбнулась, и я увидел, что она была уже в лучшем настроении.

Пока она приводила себя в порядок, я спустился вниз, чтобы составить компанию нашим друзьям. Как только она присоединилась к нам, мы отужинали *onarroz con gandules* и стейками. На десерт у нас был праздничный торт, я всегда буду помнить улыбку на лице Ливви, с которой она задувала свечи.

После того, как наши гости ушли и мы остались, наконец, одни, то уселись на

наш новый диван, и смотрели на пламя костра, горевшего в нашем новом камине.

- Спасибо, Джеймс. У меня был превосходный день рождения.

Я усмехнулся.

- Перетаскивание коробок, эмоциональная травма и праздничный торт - тебе легко угодить.

Ливви ткнула локтем в мои ребра.

- Придурок.

- Так как сегодня день твоего рождения, я спущу тебе это с рук.

- Кстати, я получу подарок?

Я слышал улыбку в ее голосе.

- Да. Ты хочешь его? - подначивал я.

- Конечно!

- Отлично, но сначала... Думаю, по традиции именинницу ждет праздничная порка.

Ливви поежилась.

- Но... я так устала!

- Вот и хорошо. Меньше шансов, что будешь постоянно вертеться.

Устроившись поудобнее, я положил Ливви на свои колени. Это была самая невоодушевленная порка в моем исполнении. В течение всего процесса она хихикала, и я ничего не делал, чтобы исправить ее поведение.

- Оой, ты со мной мягко обошелся.

Ливви продолжала смеяться между своими учащенными вздохами.

- В прихожей нет штор. Я пока что не хочу пугать соседей.

- О. Боже. Мой. Я забыла про окна.

Вскочив, она уселась мне на колени.

- Они, наверное, подумают, что мы извращенцы.

- А разве не так?

- И то верно. А теперь, дражайший сэр, мой подарок, пожалуйста.

Она вытянула обе руки. Я поднял ее со своих колен, и мы отправились наверх.

Сейчас я прерываюсь, но, забегаю вперед, сообщая, что не буду посвящать вас в подробности своего подарка для Ливви. И не дуйтесь! Просто пересказывать это слишком неловко. Но так как мне не хочется читать в интернете бесконечные вопросы на эту тему, скажу вам следующее: подарок связан с воссозданием очередного воспоминания Ливви... обо мне... одного... в душе. И пусть ваши трусики намокнут! А я перехожу к следующей главе.

Глава 14

Мне снился сон. Я терпеть не мог видеть сны, но впервые за последнее время... он оказался хорошим. Это был сон, от которого не хотелось пробуждаться. В нем присутствовал Рафик, но это был не совсем он. Это была версия него, о которой я никогда не знал, он никогда не мог быть ТАКИМ по-настоящему. Его присутствие делало очевидным тот факт, что это было сновидение, но общество моего бывшего опекуна привнесло в него что-то особенное, и я решил не просыпаться.

У нас с Ливви была вечеринка, где мы праздновали мой день рождения. На нее пожаловала масса людей, которых я не узнавал, но, по-видимому, Ливви они были знакомы. Думаю, одной из приглашенных была ее мать. Они вместе сустились на кухне, разливая шампанское в высокие бокалы, а одна из сестер Ливви пыталась их убедить, что ей можно было взять хотя бы один. Она выглядела так, как по моим представлениям, выглядел мой Котенок в детстве. Ливви казалась такой счастливой.

- Неплохо устроился, *брат*. Я горжусь тобой. Ты это заслужил, - сказал Рафик.

Хлопнув меня по спине, он взъерошил мои волосы так, как делал это в моей юности. Я шлепнул его по руке.

- Я не ребенок. Прекрати это делать.

Улыбка не сходила с моего лица.

- Знаю. Теперь ты мужчина. У тебя своя семья. Возможно, я всего лишь предаюсь воспоминаниям о мальчике, которого знал.

Он снова взъерошил мои волосы, и я больше не возражал.

- Я рад, что ты пришел. Кроме тебя у меня нет другой семьи.

- Мы - сироты, Кaleb. Мы создадим свои собственные семьи.

Я рассмеялся.

- Да, я помню.

- А остальное? Ты тоже помнишь?

В его голос закралась грусть.

- Я простил тебя. Все это привело меня сюда.

Я посмотрел в сторону Ливви и ее матери. Они помахали мне, и я поднял руку в ответном жесте.

- Кто этот мужчина? Он выглядит довольно устрашающим и интересным, - налетела Клаудия со стороны, практически толкая меня на Рафика.

- Тебе всегда нужно быть такой напористой?

- Мне не нравится, когда я не в центре внимания, - подмигнула она.

- Но это *мой* день рождения! - упрекнул я.

Клаудия пожала плечами. Представив ее Рафику, я спешно ретировался. И в то время, пока эльф задавала ему откровенные вопросы о его роли в моей жизни, Рафик выглядел так, будто унюхал что-то противное, и я рассмеялся. Поделом ему.

Направившись в главную гостиную комнату, я обнаружил Рубио, подсоединяющего Play Station. Когда я вошел, он повернулся в мою сторону.

- Поможешь, Джеймс? Кажется, у меня ничего не получается делать в этих дурацких зауженных джинсах.

Рубио был молчуном, поэтому мой мозг не мог придумать для него никаких оригинальных диалогов. К тому же, я не силен в подсоединении приставок.

- Я вижу сон, Рубио. И не могу заниматься такой ерундой. Справляйся сам.

Я пнул Play Station, и все провода магическим образом соединились.

- Здорово! Надеюсь, что когда-нибудь, когда Клаудия перестанет сюсюкаться со мной, как с ребенком, ты поможешь мне стать настоящим мужчиной, - сказал Рубио (это мой сон, не судите строго).

- Можешь начать вот с этого.

Вытащив из своего кармана ножницы, я отрезал приличное количество волос, закрывающих почти все его лицо. Раздались громкие аплодисменты.

- Итак, дорогие гости, сейчас самое время спеть *С Днем Рождения!*

Толпа расступилась для Ливви, выходящей из кухни с большим шоколадным тортом, утыканным свечками.

С днем рождения тебя.

С днем рождения тебя.

С днем рождения, милый Джеймс.

С днем рождения тебя.

Я поморщился. Когда я успел выучить эту песню?

Просыпайся, именинник. Настало время для одного из твоих подарков.

Моего лица коснулось что-то мягкое.

Ну, просыпайся же, Секси. Сегодня день твоего рождения.

Я улыбнулся и во сне, и наяву. Ливви. Она была настоящей. Она была со мной. Она была моей. Даже если сон был хорошим - а он таким и был - пробуждение было еще лучше. Я медленно открыл глаза. Реальность и фантазия упорядочивались в моем сознании, пока все не прояснилось. Я расплылся в улыбке, увидев Ливви, стоящую рядом с кроватью. Подняв свою ручку, она пощекотала мое лицо длинным пером. Я потер нос.

- Оно не для этого, - произнес я.

Мой голос был хриплым. Я зевнул и потянулся.

- Хочешь, чтобы я пощекотала твой член?

Она провела пером по импровизированному шатру из простыней. Положив руку на свою эрекцию, я отвернулся.

- Нет. Это не для тебя. Мне нужно в туалет.

- Тогда вставай! У меня весь день распланирован под праздничные мероприятия, а ты портишь мое веселье своим сном... и своим отливным стояком.

Я рассмеялся.

- Ненавижу, когда ты его так называешь.

- Да? А я ненавижу, когда я не могу с ним поиграть. Какого черта он такой твердый, если он не может меня развлечь? Это несправедливая подстава, мистер.

Перевернувшись на спину, я накрыл свои глаза руками.

- Ладно. Нападай на меня. Только не надейся выйти отсюда в ближайшее время.

В последний раз, когда она взобралась на мою утреннюю эрекцию, я не мог кончить больше часа. Потом Ливви провалилась в дрему, и оставшаяся часть утра прошла в том же духе.

- Уфф. Этому придется подождать. У нас есть планы. А теперь, *вставай!*

Положив руки на мой живот, Ливви принялась меня раскачивать.

- Прекрати!

Мне, *правда*, надо отлить.

Схватив Ливви за талию, я потянул ее к себе на кровать. Она запищала, когда я стал ее щекотать.

- Я собираюсь делать это до тех пор, пока ты не упишься!

Она отбивалась ногами, но я накрыл их одеялом так, что она оказалась в ловушке.

- О, Боже! О, пожалуйста. Умоляю, перестань!

Ливви смеялась, несмотря на панику, читающуюся в ее глазах.

- Ты сожалеешь? - дразнил я.

- Да! Пожалуйста!

К тому моменту, как я перестал ее щекотать, Ливви тяжело дышала. Она мне улыбнулась.

- Могу я тебя поцеловать? - спросил я.

- Ты еще не чистил зубы.

Она сморщила свой носик.

- Знаю. Поэтому и спрашиваю, - сказал я и уже наклонялся к ее губам.

Поцелуй был кратким. Быстро скатившись с нее, я направился в ванную комнату, пока она не успела отплатить мне той же монетой.

Послышался стук в дверь.

- Когда закончишь, спускайся вниз. Я приготовила завтрак.

- Хорошо, - сказал я.

Закончив дела с туалетом, я помыл руки и почистил зубы. Обтерев лицо лиловым полотенцем для рук (Ливви заполонила своими девчачьими рюшками всю нашу ванную комнату), я посмотрел на себя в зеркало. Это был мой первый день рождения. Мне исполнилось двадцать восемь. Ощущение было невероятным. Я задумался,

выглядел ли я на свой возраст.

Это моя жизнь. Я был шлюхой в детстве, убийцей в юности и монстром во взрослой жизни. Кто я теперь? Что я теперь? Я пожал плечами.

С Ливви мы жили вместе около четырех месяцев, правда, в начале нам потребовалось некоторое время, чтобы притереться друг к другу. Я не привык к тому, чтобы каждый день находиться в компании другого человека. В некотором роде, процесс приспособления упростило то, как много времени я провел с Ливви в период ее заточения, а также как много усилий я приложил для более частых встреч до нашего совместного проживания. Если мне требовалось на некоторое время уединиться, обычно я поднимался наверх, чтобы еще немного поработать в библиотеке/кабинете Ливви. Иной раз, я находился внизу, в тайной комнате, где собирал особую мебель, тем самым избавляясь от своей извращенности (некоторые идеи которой *она* и подкинула). По просьбе Ливви, я установил замок на двери, чтобы никто на нее случайно не наткнулся.

По всей видимости, ее саму совершенно не мучила проблема адаптации. Ливви объясняла это тем, что привыкла находиться в доме, полном шумного народа. И иногда ей даже не нравился масштаб дома. Со слов Ливви, он был таким большим, что зачастую казался пустым. Однако, длилось это недолго, потому как Клаудия и Рубио стали практически жить с нами. В те дни, когда Ливви хотелось побыть одной, она, как правило, поднималась наверх и печатала на своем ноутбуке.

Находясь в непрерывном процессе изменения, я понял, что от некоторых вещей всегда буду чувствовать себя не в своей тарелке - от возобновленных телефонных отношений Ливви с ее матерью, встреч с новыми людьми, посещений кинофестивалей (я люблю Ливви, но некоторые из этих людей невозможно тупые!), и объяснений причин отсутствия постоянной работы - меня радовало быть Джеймсом. Признаться, случались моменты, когда я скучал по своей прошлой жизни, но в большинстве своем, мне становилось комфортнее в новой, и с тем, что ее наполняло: Ливви, друзьями, и... днями рождения.

Она нетерпеливо ждала, пока я спущусь с лестницы, выложив приготовленные оладьи с клубникой и беконом на моей тарелке в форме улыбки.

- Я ожидал чашу с хлопьями, - уколол я.

- Не волнуйся, я приберегла ее на завтра, - ответила Ливви.

Обойдя столешницу, она взяла мое лицо в ладони.

- С днем рождения, Секси, - и прижала свои губы к моим.

На вкус она была как апельсиновый сок и сироп. Я преследовал сладость ее языка, притягивая Ливви к себе, пока не почувствовал, как она обмякла в моих объятиях.

Однажды, она сказала мне, что при поцелуе, я краду ее дыхание. По словам Ливви я словно отфильтровывал весь воздух, который она вдыхала в свои легкие. Я думал, что это являлось всего лишь красочным описанием, но как только эта мысль поселилась в моей голове, я начал обращать на это пристальное внимание. Да, я тоже что-то чувствовал.

Я любил момент, когда Ливви отдавала себя мне. Она становилась ведомой инстинктом. Она покачивалась. Хныкала. Терлась об меня.

Я позволил своим рукам спуститься по спине Ливви, и накрыть ее округлый зад. Задрав юбку, я был в секунде от того, чтобы пробраться пальцами в ее трусики и спустить их вниз, но моим намерениям не суждено было сбыться.

- Нет, Секси, не сейчас.

Она завела свои руки назад, пытаясь остановить мою атаку.

- Да, - сказал я, - прямо сейчас.

Схватив Ливви за запястья, я поместил их в свою левую руку, а свободной начал спускать трусики, оставляя на ее плече посасывающие поцелуи.

- Джеймс, - простонала она, - Окна.

Я вздохнул.

- Твою мать! Я занавешу их. Сегодня же! - с раздражением произнес я.

Что мне придется сделать, чтобы потрахать в собственный же день рождения?

Отстранившись, Ливви поправила свою одежду.

- Не расстраивайся.

Она оставила мне легкий поцелуй, после чего поспешила на кухню за своим завтраком.

- Позже у тебя будет предостаточно времени, чтобы поиграть с 'Котенком, которая была непослушной девочкой'. Обещаю.

- Лучше бы сейчас, - проворчал я.

Взяв кусочек бекона, я отправил его в рот.

Рафика нельзя было назвать правоверным мусульманином, но я был совершенно уверен, что если бы он увидел, как я поглощаю бекон, он бы перевернулся в своей могиле. Откровенно говоря, лично мне такое послабление пришлось по вкусу.

- Ну, так что ты сегодня для меня приготовила? Пожалуйста, скажи, что нам не нужно будет выходить из дома.

Ливви посмотрела на меня с сожалением.

- Не будь таким старикашкой, Секси, Давай, выберемся отсюда и немного развлечемся.

- *Ненавижу* развлекаться.

Ливви расхохоталась.

- Тебе понравится. Хорошо, что тебе никогда не придется давать объявление о знакомстве.

Она изобразила дурацкую пародию на мой голос.

- Привет. Я Джеймс. Мне двадцать восемь. Мне нравится получать по морде, заниматься сексом на кухонном столе, преследовать свою девушку, и выговаривать детям, чтобы они свалили с моей лужайки. Еще я ненавижу развлекаться. Если у тебя та же фигня, позвони мне.

Ливви практически согнулась пополам, смеясь над собственной шуткой.

- Я тебя *не* преследую... больше. Плюс ко всему, я никогда никому не кричал, чтобы они свалили с моей лужайки.

- Как насчет Клаудии?

- Передний двор не место для загара.

Не сдержавшись, я расхохотался, вспомнив о том, как направил на эльфа все газонные разбрызгиватели. Она была злая, как собака. Я позволил ей выпустить свое возмущение на крыльце, после чего Ливви впустила ее в дом.

Во время завтрака, мы с Котенком много шутили. Ливви была единственным человеком, кого я знаю, кто может разозлить меня в одну секунду, и рассмешить в другую. Ей нравилось говорить о моей противоречивости, но по моим ощущениям, такое же раздвоение присутствовало и в ней самой. Полагаю, это придавало нашим отношениям перца.

Ливви не могла распланировать более идеальный день. Для начала, она заверила меня, что мы проведем его вдвоем. Как бы мне не нравились Клаудия и Рубио, единственный человек, с которым мне хотелось побыть в свой первый день рождения, была только Ливви. С ней мне никогда не нужно было притворяться. Я мог быть самим собой - кем бы я ни был, что от случая к случаю могло меняться.

Ливви была очаровательной и причудливой. И поскольку я пропустил так много дней рождения, она была полна решимости показать мне, чего я был лишен.

Первое место, куда она меня привела, был гоночный трек. Несмотря на свои скромные размеры, карты могли развивать скорость до сорока пяти миль в час. Ливви победила в четырех заездах из семи - она весила меньше меня, и как следствие, ее машинка оказывалась быстрее. Я уверен, что при равных условиях, я бы побеждал каждый раз. Конечно же, Ливви не разделяла моей точки зрения. Она очень ревностный победитель.

После трека мы поели пиццу и порезались в видео-игры в галерее игровых автоматов. В стрелялках у Ливви не получалось составить мне конкуренцию, и на игру под названием *Зона 51* мы потратили, наверное, около тридцати евро, обменяв их на мелочь. Если наша планета будет атакована внегалактическими пришельцами, можете прятаться за меня.

К наступлению вечера, мы расправились с восемнадцатью лунками светящегося в темноте мини-гольфа. У меня был один из самых лучших дней в моей жизни, который я провел с самым лучшим человеком в моей жизни. Я не мог дождаться, когда отвезу Ливви домой и продемонстрирую ей свою благодарность за то, что она оказалась всем, в чем я нуждался, и намного больше того, что я заслуживал.

- Нельзя так делать, зверушка. Ты жульничаешь.

Я смотрел на Ливви, которая подняла свой мячик и снова положила его на дорожку.

- Ты меня отвлек. Мне надо попытаться еще раз. Это последняя лунка, - сказала она, показав мне язык.

- Отвлек тебя тем, что молча стоял здесь?

- Да.

- Я разрешу тебе еще одну попытку, если скажешь, что любишь меня.

Я расплылся в своей самой порочной улыбке, той самой, которой одаривал ее, прежде чем раздеть и окунуть в водоворот разврата.

- Ты первый, - ухмыльнувшись, ответила она.

Ливви стукнула по мячу, который покатился по площадке, но, не сумев обогнуть кристальный холм, вернулся к ней. Я рассмеялся.

- Так тебе и надо.

Ливви продолжала гонять мячик, пока тот не оказался в лунке. Она была шумным победителем, и очень тихим проигравшим.

- Ты голоден? - спросила она, когда мы уходили.

- Не особо. Мы съели много всякой дряни.

Я нажал кнопку разблокировки своей БМВ.

- Просто скажи, что ты голоден, и я смогу предложить место для ужина, - широко улыбнулась Ливви.

- Умираю с голода! - воскликнул я.

- Я тоже! К счастью, я знаю один новый, только открывшийся итальянский ресторан. Нам надо туда сходить.

Я открыл Ливви дверь, и, поцеловав меня в щеку, она села в машину. Я проскользнул на свое сидение, и пока включал передачу, чтобы выехать со стоянки, ее рука уже лежала на моем бедре. Она объясняла куда ехать, нежно поглаживая меня своими пальчиками.

- Спасибо, Котенок, - прошептал я.

- Пожалуйста, Секси. Тебе нравится твой день рождения?

- Чрезвычайно. Думаю, я завтра же постараюсь найти эту Зону 51.

Новая жизнь открыла для меня новые хобби. Я узнал, что мне безумно нравились видео-игры.

- Мужчины, - поглумилась Ливви, - тебе лучше не начинать меня игнорировать.

Она надулась, но это было напускное.

- Это ты поощрила меня на покупку Play Station. Так что, в этой машине я не единственный источник негативного влияния.

Мимоходом положив свою руку поверх ее, я держал ее так все двадцать минут нашего пути до ресторана.

Когда мы приехали, я понял, что Ливви обманула меня в том, что весь день мы проведем вдвоем. В заведении уже находились Клаудия и Рубио в ожидании столика. В руках они держали какие-то пакеты. Производя впечатление бесшабашной девушки, эльф сначала обняла Ливви, после чего бросилась ко мне.

- С днем рождения! - и расцеловала меня в обе щеки.

Я неохотно ответил на эти лобызания. Клаудия хорошая подруга, и как бы мне не хотелось это отрицать, ради нее и Рубио я готов почти на все.

Ее парень пожал мне руку, поздравляя с днем рождения. На нем была розовая

рубашка в серую полоску, темно-серый кардиган и черные брюки. Вообще-то, все вместе это оказалось не так плохо, и на секунду я было подумал о розовом цвете. Но потом до меня дошло, этот оттенок сочетался с оттенком платья Клаудии, и я тут же отбросил эту идею. Мы с Ливви никогда не будем одеваться в одной цветовой гамме. Ну, уж нет!

- В городе проводится ярмарка. Мы с Клаудией отправимся туда после ужина. Если у вас нет других планов, можете пойти с нами, - сказал Рубио по пути к нашему столу.

Я посмотрел на Ливви, болтающую со своей подругой о том, как она сделала меня в гонках на картах. И вот же хитрая, она не стала сообщать о результатах наших стрельбок или соревнований по мини-гольфу. Я фыркнул.

- Вероятно, после ужина мы отправимся домой. Меня ждет последний подарок, и мне не терпится его развернуть.

Рубио покраснел.

- Я... ага, хорошо.

Я толкнул его плечом, и мы рассмеялись.

Мы заказали закуски и салаты, потому как никто из нас особо голодным не был. Ресторан был старомодным и тихим. Скорей всего, он принадлежал одной семье и ею же управлялся. Еда была домашней, и очень вкусной. Я почти жалел, что до этого съел так много пиццы, но было трудно жалеть хоть об одной минуте сегодняшнего дня.

- Теперь время подарков? Я так взволнованна!

Клаудия похлопала в ладоши.

- Мне пришлось купить ей это платье. Она всегда выпрашивает подарок и себе, когда он приобретается для кого-то другого, - рассмеялся Рубио, и поцеловал Клаудию в ее обнаженное плечо.

В ней напрочь отсутствовало чувство приличия, чтобы выглядеть смущенной, и этот аспект ее личности веселил меня больше всего. С Клаудией, все, что было на обозрении, являлось правдой. Чего не скажешь о большинстве других людей.

- Хочешь открыть подарки? - спросила Ливви, поиграв бровями.

- Думаю, да, - изобразил я отсутствие интереса.

Клаудия первой сунула мне свой подарок. Это была небольшая коробочка, которая почти ничего не весила, но эльфа так и распирало от смеха и восторга. Во мне тотчас проснулась подозрительность. Особенно когда она сказала Ливви, - Ты должна заставить его это надеть.

Разорвав обертку, я открыл крышку коробочки и смотрел, смотрел, и смотрел.

- Что это за чертовщина? - расхохотался я.

Я потряс коробкой, чем привел два пластмассовых глаза внутри нее в движение.

- Вытащи, - предложила Ливви.

Она зажимала рот рукой, чтобы спрятать свою улыбку. Я подчинился, о чем, вскоре, пожалел. Мне тоже пришлось улыбнуться. Это было забавно и до ужаса неловко. Подарком оказались трусы.

- Наверное, мне полагается сунуть свой эм... в хобот слона? Очень умно. Рубио, у тебя тоже такие есть?

Я бросил подарок к нему на колени, но взяв его большим и указательным пальцами, он швырнул их обратно на меня.

- Прости, дружище. Не увлекаюсь животными принтами.

Мы все покатались со смеху.

От Рубио я получил новую видео-игру с участием братьев Марио. К тому времени, я мало знал об этой игре, но хочу вас заверить, что с тех пор я провел с этими знаменитыми водопроводчиками не один день.

- Я скоро вернусь, - вставая, произнесла Ливви.

- Мой подарок тебе у Клаудии. Открывай.

Поцеловав меня, она отошла до того, как я успел спросить, куда она идет.

Коробка от Ливви была огромной, и я незамедлительно ее вскрыл. Я долго ржал, увидев содержимое. Клаудия, вскочив со своего стула, уже нависала над моим плечом, в то время как Рубио пытался разглядеть мой подарок, оставаясь на своем месте. К коробке была приложена записка со словами: Секси Кунг-фу Набор для Вавок. Внутри оказались рулоны перевязочных материалов, пластыри, скобки для швов, бутылочка с перекисью, соли для ванн, вручную изготовленную массажная губка, предписанная мне для 'обработки всего тела (до счастливого конца)', а также эластичные бинты для рук 'специально для боксеров'.

Я все еще улыбался во весь рот, когда услышал пение, и, подняв глаза, увидел, как ко мне направлялась Ливви. Сотрудники ресторана несли целый поднос пирожных со свечками. Они пели:

С днем рождения тебя.

С днем рождения тебя.

С днем рождения, милый Джеймс.

С днем рождения тебя.

Поднявшись, я потянулся к Ливви. Она поцеловала меня и прошептала на ухо, - Одно пирожное за каждый день рождения, мой любимый, и еще одно на удачу.

Я не мог оторвать от нее глаз, когда она отстранилась. Мне хотелось сказать, *Я люблю тебя*, но горло словно сдавило, и я боялся того, что могло выйти. В глазах Ливви стояли слезы, и будь я более слабым мужчиной, то тоже самое происходило бы и со мной.

- Чего ты ждешь, пока сгорит все здание? - подначивала Клаудия, - Задувай их!

Я улыбнулся, несмотря на то, что был готов расклеиться. Поцеловав Ливви в лоб, я задержался губами настолько, чтобы она почувствовала глубину моей признательности. А потом, впервые за все время, что я себя помню, я задул праздничные свечки.

Глава 15

- Скажи мне, что ты чувствуешь.

Проведя кожаным концом стека по вытянутой руке Ливви, я увидел, как она вздрогнула, а маленькие волоски на ее коже встали дыбом. Открыв рот, чтобы ответить, Ливви остановилась, и, сглотнув, произнесла, - Возбуждение.

Она снова вздрогнула, заставив удерживающие ее на кресте кожаные оковы скрипнуть. На этот раз, никакие брыкания мне не помешают.

- Это была твоя первая мысль? Я так не думаю.

Продолжив спускаться по ее руке, минуя плечо, я знал, что Ливви нравилось, когда я оставлял поцелуи вниз по ее спине, но теперь там, где обычно ласкали мои губы, скользил стек.

Раньше мы этого не делали - не как любовники. У меня имелись сомнения в том, чтобы вообще на это пойти, но Ливви настояла.

Ее книга была почти закончена. В течение нескольких, предшествующих ее просьбе недель, она занималась ею вплотную. Со дня своего рождения, я едва ли проводил с Ливви время, в перерывах между ее писательской деятельностью, работой и учебой в университете. Ей было это необходимо, сказала она. Необходимо было вспомнить эти ощущения. Необходимо было их воспроизвести.

Я не хотел, чтобы она вспоминала. Я сам не хотел вспоминать. И все же, вот он я, со стеком в руке. Этот соблазн оказался слишком непреодолимым, чтобы ему противостоять. Я бы не воспользовался ремнем. Я бы не оставил следов, как это было в первый раз. Если Ливви могла воссоздать события минувших дней, то и я мог. Я мог подарить ей и удовольствие, и боль. Наконец, я мог позволить исчезающему признаку нашего прошлого умереть, и покоиться с миром. Для нас настало время двигаться дальше.

Я несильно ударил стеком Ливви в бок. Она подпрыгнула.

- Я задал тебе вопрос. Твоей первой реакцией было возбуждение?

- Нет, - прошептала она, - мне... мне страшно.

Да, ей *было* страшно. Я очень хорошо выучил это ее чувство. Более того, я считал себя знатоком страха. Я знаю, что у него существует столько же разновидностей, сколько и цветов на радуге. И Ливви его испытывала, но это был тот страх, которым я наслаждался больше всего.

- Страх - неотъемлемая часть.

Я нежно пошлепал ладонью по внутренней стороне ее бедер. Мне нравился издаваемый при этом звук.

- Ты беззащитна. Уязвима. И полностью в моей власти.

Я стоял позади Ливви, не двигаясь, вдыхая ее страх. Согласно ее словам, к нему примешивалось еще и возбуждение. Наклонившись, я поцеловал раковину ее уха.

- Ты. *Моя*. Повтори это для меня.

Ливви повисла на своих оковах, ее голова упала мне на плечо, и она уткнулась в

меня носом.

- Твоя, Кaleb.

В моменты, когда она была уязвима, я всегда был Кalebом. Мое имя на ее языке напомнило мне о паре изношенных ботинок. Большую часть своей жизни я был Кalebом, и если бы не Ливви, для меня оно было бы потеряно. Кaleb делал ужасные вещи - он был монстром, однако он обеспечил Джеймсу выживание. Кaleb заслужил жизнь. Я мог быть ими обоими. *Я и тот, и другой.*

Отступив назад, я дюйм за дюймом оглядел открывшуюся передо мной картину - по ее хрупкой спине струилась длинная копна черных, как смоль волос. Я не мог дожидаться, когда схвачусь за них, трахая ее.

Я одел Ливви в красный атлас. Каждое минимальное действие приводило яркую материю в движение, подвергая ее кожу многогранным чувственным мучениям. Трусики Ливви были крошечными, своим вырезом делая ее аппетитную попку более округлой. При каждой попытке поерзать, я мельком видел ее киску между ног, разведенных к концам Х-образного креста. На месте Ливви удерживали толстые, черные, кожаные ремни, фиксируя ее запястья и лодыжки.

При мысли о ее порке, мое сердце забилося чаще. Внутри меня жило еле слышно гудящее чувство вины, но мои низменные стремления грохотали во мне барабанной дробью. Она была моей. Она отдала себя мне, и я завладею Ливви так же безусловно, как и она завладела моей израненной душой.

Мое сердце было заполнено ее прощением и любовью. По ее просьбе я отдавал ей все, что у меня было: мое сердце, мою душу, мою любовь, мои тайны, мою преданность и мою карающую стеком руку.

Я быстро и совершенно неожиданно для нее, ударил Ливви по задку. В комнате раздался ее крик. Джеймс съехал от этого звука, но внутри Калеба все запело. *Я и тот, и другой.*

Крик Ливви затих так же внезапно, как и прозвучал. Она поджала губы, а руки в кожаных оковах, удерживающих ее у креста, сжались в кулаках. Ее зад украсила красная полоса.

- Скажи мне, что ты чувствуешь, - проскрежетал я, проводя рукой по ее дрожащей попке.

Я уже чувствовал припухший рубец.

- Я... , - прохрипела Ливви, - Я не знаю.

- Хочешь, чтобы я продолжал?

Я уже знал ответ. Но хотел, чтобы и она его знала.

- Да, Кaleb.

В ее голосе слышалась уверенность.

- Все, что пожелаешь, зверушка.

Я демонстрировал милосердие, поглаживая своей рукой мягкую плоть Ливви, пока не почувствовал, как ее мышцы расслабились под моим прикосновением.

- Давай начнем с более привычного.

Я поднял свою руку и опустил, шлепнув сначала по одной ягодице, затем в быстром темпе по второй. Я хотел видеть Ливви чувствительной и разгоряченной до того, как снова опробую на ней стек. Если бы она могла двигаться, то встала бы на носочки. Я шлепнул сильнее, не позволяя ей излишних телодвижений, но, по моему убеждению, зачастую именно такие ограничения побуждали рабынь к сопротивлению их реальным желаниям. Мне пришлось напомнить себе, что Ливви всего лишь играла роль рабыни. Она была моей по собственной воле.

Я приберег руку от дальнейшей порки, но она у меня не бездействовала. В считанные секунды, мои разгоряченные пальцы, оставляя за собой теплый след, пробрались под атласную ткань, накрывая киску Ливви. Она подавалась бедрами назад, ко мне навстречу до того, как сообразила, что делает. Мне это нравилось.

- Так лучше, зверушка? Тебе понравилась порка?

По мере своей возможности, Ливви толкалась своим телом, пытаясь насадить себя на мои пальцы.

- Да, Калев. Пожалуйста, не останавливайся.

- Я об этом даже не мечтал.

Проникнув в нее двумя пальцами до самого упора, я быстро задвигал ими взад и вперед, чем сотряс ее от удивления и удовольствия. Мой член дернулся от раздавшегося в моих ушах беззастенчивого и сладострастного стога. Я смотрел, как она двигалась туда и обратно в поисках своего наслаждения. Мой садистский аппетит медленно удовлетворялся, пока я понемногу вынимал свои пальцы, а бедра Ливви следовали за ними, не желая выпускать их из себя. Насколько могла, она подавалась своими бедрами назад, назад, и еще назад. Я не давал Ливви слабину, иначе, ей бы это не нравилось.

- Еще, Калев. Пожалуйста, - скулила она, соблазняя меня видом своей извивающейся попки.

Я шлепнул ее еще раз.

- Не пытайся меня соблазнить. Я с тобой и близко не закончил. Ты хотела настоящей порки и я устрою тебе ее по полной программе.

Послышался разочарованный хнык, за которым последовало, - Да, Калев.

Раздраженно вздохнув, она поправила свое положение в оковах.

- Всегда такой дерзкий ротик, Котенок. Каждый раз, отпуская им бранные комментарии или просто раздраженные фыркания, ты толкаешь меня к одному - твоему наказанию. Раньше я постоянно задавался вопросом - может, таким образом, ты нарывалась? Это так?

Подняв стек, я снова обрушил его на ее зад. Ливви повисла на ремнях, крепко сжимая губы, стараясь не выдать даже своего удивления.

- Отвечай мне, Котенок.

Я шлепнул ее еще раз, потом еще.

- Нет! Нет, Калев.

В ее голосе проскользнул едва уловимый намек на настоящий страх.

- Нет? Почему нет? Что изменилось?

Я снова ударил ее, осторожничая, чтобы не задеть стеклом пах.

- Я не знаю, - разрыдалась Ливви.

Ее тело было напряженным, как натянутая тетива. Она мне сопротивлялась, и я не знал почему. Мне думалось, что, возможно, она сопротивлялась самой себе.

- Ты помнишь первый раз, когда я тебя высек? - спросил я.

Я точно знал, что она помнила. Весь этот сценарий был построен на основе того конкретного воспоминания. По крайней мере, я мог помочь Ливви с правильным его осуществлением.

- Да, Калев, - несколько поспешно ответила она.

- Я тоже помню. Все могло сложиться по-другому. - Заведя руку к передней части тела Ливви, я накрыл одну из ее грудей, и покрутив сосок между пальцами, продолжил, - Я бы показал тебе, своего рода, сострадание. Я понимал, что ты была напугана и потрясена, узнав, что я оказался твоим похитителем, а не героем, которого ты себе представляла.

Я потянул за сосок. В моих руках он стал маленьким и твердым.

- Ты не позволила мне быть добрым. Я бы кормил тебя, пока твоя голова покоилась на моих коленях. И предоставил столько ответов, сколько мог, дабы облегчить твое состояние. Ты бы могла отправиться в кровать без следов от моего ремня. Но ты мне противостояла. Ты бы не смогла победить, но ты продолжала мне противостоять.

- Я ненавидела тебя! - воскликнула Ливви.

Эти слова застряли у нее в горле. Она закрыла свои глаза, и по ее щекам покатались слезы.

- Я не нуждалась в твоём гребаном сострадании.

Это признание было непросто слышать, но я понимал, что оно было правдой, и я его заслужил. Наклонившись вперед, я слизнул с щеки Ливви соленую слезу.

- Не расстраивайся, Котенок. Ты была вправе меня ненавидеть.

- Но я больше не ненавижу тебя, Калев. Пожалуйста, верь мне. Я не ненавижу тебя.

Из ее глаз брызнуло еще больше слез. Я гладил Ливви по волосам, осыпая ее соленую щеку поцелуями.

- Знаю, зверушка. С тех пор мы прошли длинный путь. И вот теперь мы здесь. Но ты все еще просишь, чтобы я тебя наказал. Почему?

Я ударил ее еще несколько раз. С каждым громким шлепком, ее решимость крошилась на мелкие кусочки. Я давил на нее. Давил на себя. Я хотел донести до нее, что существовала только одна причина для того, чтобы к этому возвращаться. Ливви рыдала.

- Мне... мне это нравится.

- Да, - согласился я, поместив свою ладонь между ее ног и погладив ее влажные

складочки.

- Нравится. Тогда почему ты до сих пор мне противостоишь?

- Это не умышленно!

Ее грудная клетка сотрясалась от силы рыданий.

- Думаю, умышленно. Думаю, по твоему мнению, я этого хочу, но ты ошибаешься, Котенок. Тебе не нужно меня провоцировать. Ты больше не моя пленница.

Я коснулся ее клитора. Кончики моих пальцев с легкостью скользили по ее гладкой киске. Я шлепнул Ливви стеком по другому бедру, она вскрикнула, но быстро успокоилась.

- Мне жаль, Калев. Молю, прости меня.

Мольбы... Я всегда поддаюсь им, когда это удовлетворяет мои собственные желания.

- Ты прощена. Больше так не поступай.

Ливви сделала несколько глубоких вдохов.

- Да, Калев.

Она громко простонала, когда я укусил ее за плечо.

- Боже! То, что ты со мной делаешь...

Дыхание Ливви вырвалось из ее груди дрожащим потоком.

- Никто другой не дарит мне подобных ощущений. Раньше ты делал мне так больно. Но ты всегда меня утешал. Ты единственный, кто меня утешает. Я не хочу, чтобы это прекращалось.

- Другой - это кто, зверушка?

Отбросив стек, я положил ладонь на ее зад, продолжая выводить на ее клиторе дразнящие круги. Ливви обрела вкус к боли, но я знал, что лучшим способом разговорить ее, было как можно ближе подвести к оргазму.

- Все, - прошептала она.

Ее глаза были закрыты, но я все еще видел слезы, вытекающие из-под век. Ливви снова двигала бедрами, находя ритм, соответствующий моим ласкам.

- Ты заботаешься обо мне. Никто не заботился обо мне так, как ты.

Мою грудь сдавило.

- Я буду заботиться о тебе и без этого.

- Я хочу этого. Раньше нет. Ты обо мне не заботился. Я была для тебя вещью. Но я знаю, что это уже неправда. Я доверяю тебе, Калев. Доверяю видеть меня вот такой. Доверяю заботиться обо мне.

Бедра Ливви начали дрожать.

- Нет, зверушка. Тебе еще не разрешалось кончать.

- Пожалуйста, Калев, - хныкнула она.

Я подавил смешок, - Любительница манипулировать, - и шлепнул ее своей голой рукой. Сильно. Кажется, это не произвело на нее никакого эффекта. Она пребывала в другой реальности.

- Училась у лучших, - произнесла Ливви.

Я увидел, как она расплылась в улыбке, затем попыталась ее скрыть.

- Не могла подождать каких-то пять минут, так? Теперь, боюсь, я не могу разрешить тебе кончить.

- Кaleb, нет. *Умоляю! Прости.*

Ливви открыла глаза, когда я убрал свои руки. Выражение ее лица характеризовалось изумлением. Я улыбнулся.

- Я тебя предупреждал.

- Что ты собираешься делать?

Тон ее голоса предполагал страх, но вот глаза говорили о другом. Ливви задавала мне этот самый вопрос десятки, возможно, сотни раз. И у меня на него всегда был один и тот же ответ,

- Все, что я захочу.

В моих планах значилось нечто совершенно особенное, и я не мог дождаться, когда это опробую. По сути, я никогда не был плотником или изобретателем, но безделье и гибкий ум привели меня к поиску дополнительных увлечений. Я обнаружил, что мне нравилось работать руками, особенно если мое новое хобби совмещалось с моим любимым времяпрепровождением.

Ливви молчала, пока я освобождал ее лодыжки от оков. Она всегда становилась очень тихой, когда волновалась. После того, как я разделался с ее запястьями, она осела на моих руках, обмякая, словно тряпичная кукла.

- Кaleb? - прошептала Ливви.

Перекинув ее через плечо, я шлепнул ее по заднице.

- Никаких вопросов, зверушка. Тебе это понравится. Обещаю. Ну, по крайней мере, *мне* понравится точно.

Схватив подушку с дивана, я сделал несколько шагов, чтобы дойти до сконструированного мною сооружения. На его составление потребовалось не так много усилий. Нижний этаж, большей частью, был не доделан, поэтому оказалось не трудно раздобыть подходящие опорные балки.

Бросив подушку на пол, я посадил на нее Ливви, и увидел, как она поморщилась от контакта с ее разгоряченной попкой, но не сомневался, что у нее все будет в порядке. Ливви была прекрасной на фоне незавершенного ремонта - словно бриллиант среди булыжников.

- Откинься назад и обопрись на руки, а ноги вытяни перед собой.

На мгновение, она уставилась на меня, неуверенная в том, стоит или не стоит дразнить меня своей вызывающей болтовней. После чего, по-видимому, придя в чувство, Ливви сделала так, как я сказал.

- Да, Кaleb, - ответила она.

- Очень хорошо, Котенок. Я тобой горжусь.

Подмигнув ей, я улыбнулся. Нам полагалось получать удовольствие, и мне не хотелось, чтобы кто-нибудь из нас об этом забывал.

- Спасибо, Калев.

Она сумела послать мне ответную улыбку. Ливви была чрезмерно любопытной в отношении каждого моего движения, пока я отбирал необходимые веревки, наряду с распоркой, и несколькими нейлоновыми лентами. Строительный магазин - очень удобное место приобретения секс-игрушек. Весь процесс занял несколько минут, но я, наконец, получил то, что хотел. Ремни закрепились вокруг запястий, бедер и лодыжек Ливви с целью уменьшения силы гравитационного притяжения. Распорке предназначалось удерживать ее лодыжки врозь, равномерно распределяя вес ее тела, обеспечивая ей некое подобие равновесия. И, наконец, нейлоновые веревки привязались к распорке, и, протянувшись серией силовых подтяжек, прикрепились к потолку, чтобы облегчить медленное поднятие Ливви от пола.

- Что ты чувствуешь? - спросил я.

Ливви лежала на спине с согнутыми коленями, оттягивая пальцами свою губу.

- Нервозность. Ты уверен, что это безопасно?

- Ты доверяешь мне свою безопасность?

Накрыв одну из ее грудей, я провел пальцем по укрытому атласом соску. Ливви вздохнула.

- Всегда.

- Тогда перестань задавать глупые вопросы.

Наклонившись, я поцеловал Ливви. Я был более, чем возбужден, и чувствовал себя изголодавшимся дикарем, попавшим на пиршество. Мне хотелось коснуться одновременно каждого участка ее тела, но я знал, что ожидание лишь подсластит награду.

Я неспешно целовал Ливви, кончиком своего языка уговаривая ее губы раскрыться, и проведя им по кромке верхних зубов моего Котенка, почувствовал первое медленное скольжение ее языка навстречу моему. Накрыв мой затылок ладонью, она притянула меня ближе. Ливви была такой же жаждущей, но менее склонной к смакованию, нежели я. Наши зубы клацнули друг о друга, когда она попыталась полностью отдаться этому поцелую, утачив меня с собой. Я ущипнул ее пальцами за сосок, получив скулящий всхлип - красноречивую мольбу о большем - потянул Ливви за сосок, распаляя ощущение и награждая самого себя еще большим количеством ее всхлипов.

- Ты, правда, не разрешаешь мне кончить? - спросила она между поцелуями.

Одна из ее ручек, пробравшись мне между ног, поласкала меня через ткань штанов, после царапнув ногтями. Я вздрогнул.

- Нет.

- Пожалуйста, Калев.

Затем, ее рука переместилась вверх к моему члену. И сжала.

- Ты такой твердый. Я знаю, ты хочешь меня трахнуть.

Из меня вырвался стон. Я отстранился от Ливви, прежде чем она, в очередной раз, склонила меня пойти у нее на поводу.

- Я *хочу* трахнуть тебя, зверушка. Я сказал, что тебе еще не разрешалось кончать, но ничего не говорил о том, чтобы не трахать.

Ливви нахмурилась, но воздержалась от дальнейших возражений или вопросов, что, полагаю, в ее случае, можно было квалифицировать, как подчинение.

Не торопясь, потянув за веревку, я приподнял лодыжки Ливви от пола. Она громко ахнула, один или два раза взвизгнула, но в остальном, держалась неплохо.

- Удобно? - спросил я.

Предвкушение пламенем полыхало в моей груди. Обратив особое внимание на мокрое пятнышко на трусиках Ливви, я облизнулся.

- Эм... думаю, да.

Она пыталась пальцами дотянуться до пола, но ей это не удалось.

- Расслабь свое тело и просто повисни. Чем сильнее ты напрягаешься, тем больше дергаешься.

Закрепив веревку, я взял несколько предметов и вернулся к Ливви. Проведя руками от ее лодыжек до внутренней стороны бедер, я подразнил влажное местечко у нее между ног.

- Ах! - воскликнула Ливви.

Обернув руками мою талию, она притянула меня к себе, своей головой прижимаясь к бугру в моих штанах.

- Ну и ну, ты *течешь*, Котенок. Неужели, тебя возбудила порка?

- Да, Калевб.

Ливви потерлась своим личиком о мой стояк.

- Я рад, - произнес я.

Мой голос был таким же хриплым, как и ее.

Подцепив пальцами ее трусики с обеих сторон, я потянул их вверх, но они сдвинулись всего на несколько сантиметров. Для большего, ее ноги были разведены слишком широко, однако, для моей цели этого оказалось достаточно.

- Я говорил тебе это и раньше, Котенок, но скажу еще раз: ты прекрасна.

Я поцеловал киску Ливви, и ее бедра слегка толкнулись вперед.

- Мне полизать тебя?

- О, Господи! Да. Умоляю.

Она начала целовать мою эрекцию.

Сжав ее зад обеими руками, я обрушил на нее свой рот. Лизнув ее от клитора до вкуснейшей дырочки, и проникнув языком внутрь, я собрал влагу, которую она так щедро для меня выделила. Все тело Ливви сотрясала дрожь. Схватив меня за задницу,

она придвинула меня ближе.

- Ммм, обожаю вкус твоей киски. Тебе следует его попробовать.

Я медленно отстранился, игнорируя ее хныкающие протесты. Заведя одну руку Ливви за шею, а вторую за плечи, я приподнял ее наверх, позволяя ей попробовать вкус ее киски с моего рта. Простонав, она пососала мой язык. Ее ручки удерживали мою голову неподвижной, пока она прижималась к моим губам, поднявшись из положения вверх тормашками.

- Вкусно, правда?

- Да, Калек, - ответила она между своими рваными вздохами.

Осторожно, я опустил ее, пока мы не оказались в предыдущей позиции. Я больше не мог ждать. Я хотел ее губы на мне.

Расстегнув штаны, я высвободил свой член. На головке выступила смазка, которую я растер Ливви по щеке. Повернув голову, она набросилась на него, словно безумная хищница, и стала сосать.

- Блять! - вскрикнул я, и, не сумев остановиться, толкнулся в ее жадный ротик.

Потянувшись к затылку Ливви, я поднял ее волосы с пола, и держал их в своей руке, позволив первому потоку своей похоти прорваться наружу. У меня не было намерения кончить так скоро, поэтому я вытащил свой член из ее рта с влажным звуком.

- Полегче, зверушка. Позволь мне установить темп. Открой рот.

Меня совсем не удивило ее незамедлительное повиновение. Продолжая держать ее локоны в одной руке, свободной я взялся за свой член. Не устояв, я провел головкой по влажным, красным губам Ливви, и вздохнул, когда высунув свой кошачий язычок, она его облизнула. В конце концов, я вернулся в теплое, убежище ее ротика.

Отпустив волосы Ливви, я положил ладони на зад Котенка, и притянул ее к себе. Мне отчаянно хотелось ее киски на моем языке. Мои губы сомкнулись вокруг ее клитора, а мой язык принялся облизывать этот маленький бутон.

Своим членом, я чувствовал каждое вздрагивание, каждый стон, каждый хнык. Поверхностные толчки я чередовал с глубокими, которые преодолевая царапание зубов Ливви доходили ей до самой глотки. Время от времени, я отодвигал свои бедра, позволяя ей дышать. Слюна, размазываясь по ее щекам, стекала на пол, но для меня, она никогда не была более сексуальной.

- Скажи мне, что ты чувствуешь, - произнес я.

Прочистив горло, Ливви сглотнула.

- Я хочу кончить, - взмолилась она.

- Нет, - ответил я, и снова ворвался членом в ее рот.

Ливви продолжала сосать, а я омывал ее киску своим языком, пока ее бедра не задрожали. Я отстранился.

- Нет, Котенок.

Проведя пальцем по влажности Ливви, я очертил тугое розовое колечко ее ануса. Она вытащила мой член изо рта.

- Я буду хорошей. Я не кончу. Не кончу.

Ливви пыталась увернуться от моего пальца.

- Впусти меня. Сейчас же.

- Калев, *пожалуйста*.

- Я разрешу тебе кончить.

Я прижал губы к ее клитору и поцеловал. Последовал момент сомнения, но потом я ощутил, как мышцы Ливви расслабились. Проникнув кончиком пальца в ее попку, я стал двигать им внутрь и обратно.

- О, Боже! Калев. Пожалуйста! Я умру!

Я рассмеялся.

- Ты не умрешь, зверушка. Ты кончишь. Сильно.

- Я так этого хочу.

Бедра Ливви двигались вперед и назад.

- Я так близко. Пожалуйста, положи мою киску. Я хочу кончить. Пожалуйста, разреши мне кончить.

- Возьми меня в рот.

Почувствовав ее повиновение, я вернул свои губы к Ливви. Я знал, что она больше не могла сдерживаться. Я сам больше не мог сдерживаться, притом, что это *не* я висел головой вниз. Ливви двигала бедрами вперед-назад, пытаясь усилить воздействие моего языка на свою киску, параллельно трахая свою попку моим пальцем. Придумать более восхитительного способа провести вечер, было *невозможно*. Я почувствовал сжатие ее мышц. Даже ее губы сжались вокруг моей плоти.

- Давай, кончи для меня, зверушка.

Обхватив затылок Ливви, я продолжил толкаться в ее рот, в то время, как она кончала в мой. Я ощущал ее оргазм, взрывающийся на моем языке, моих пальцах, и крики ее экстаза, вибрирующие по всей длине моего члена. Казалось, что пик ее наслаждения длился целую вечность, и трахая ее рот, меня нашло мое собственное освобождение, которое я излил в нее своим семенем. Потом, опустив Ливви на пол, я долго держал ее в своих объятиях.

- Повтори, Котенок.

Я поцеловал ее в лоб.

- Я твоя, Калев. Навсегда.

- А я твой. С годовщиной тебя, любимая.

- Это было идеально, - прошептала Ливви, еще глубже зарываясь в мои объятия.

Моих сил хватило лишь на то, чтобы перенести нас обоих на диван. Проспав час или два, мы потащились в душ, потом в кровать, где снова занялись любовью, медленно и нежно.

Эпилог

Ну, вот мы и подошли к концу. Вам понравилось? Мне да. Полагаю, в итоге, это единственное, что имеет значение.

Да, я эгоистичен, но вы знаете, что я эгоистичен, и все равно меня любите. Как бы то ни было, думаю, я даже буду скучать по вам. А вы будете скучать по мне? Плакать? Если да, то пожалуйста, слизните свои слезинки и знайте, что я никогда не хотел вас огорчить. Наше расставание не причина для расстройства. Выражаясь словами Фрэнка Герберта, скажу, *"Настоящего конца не существует. Это всего лишь точка, на которой вы прекращаете рассказ"*.

Мы с Ливви вместе. Все еще живем, здравствуем, и попадаем в приключения. Увидимся ли мы с вами снова? У меня нет ответа на этот вопрос. Жизнь научила меня ожидать неожиданное, и это урок, который я повторяю из раза в раз. Достаточно сказать, что я на это надеюсь. Но если быть совершенно честным, я хожу вокруг да около в попытке отыскать идеальную концовку для этого романа, который я ни в коем случае не намеревался писать. В завершении, я пришел к выводу, что в том, как Ливви закончила свое повествование, не было ничего неправильного.

Ее эпилог был кратким, но содержательным по сути истории:

Выживание - это самое важное. Оно предоставляет нам возможность жить и находить все то, что делает эту жизнь стоящей. Я нашел отмщение. Я нашел прощение. Я нашел любовь. Все же, окончание Ливви было замечательным, и я не могу придумать лучшего посвящения, кроме как закончить книгу так, как она и задумывала.

И пока я шла, я физически ощущала на себе его взгляд так, как я всегда его чувствовала. Слезы беззастенчиво лились по моему лицу, но я их не вытирала. Я заслужила эти слезы, и оставляла их, как символ всего того, через что я прошла. Они олицетворяли боль, которую я выстрадала, любовь, которую я испытывала, и океан потери, который опустошил мою душу. Я, наконец-то, научилась подчиняться, поэтому больше не оборачивалась.

Конец